

РЕШЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАМЯТНИКЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Песоцкимъ

и книгопродавцемъ В. Поляковымъ.

XXII.

САМЪИЗДАТЕЛЬСТВО,

1842.

РЪШЕНІЕ

УТВЕРЖЕНО

И

ПРИКАЗЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 14-го Ноября, 1842 года.

Ценсоръ: П. Корсаковъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАТЕЛЬ

И. ГРЕЧЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. ГРЕЧА

XXII

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1842

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ П. ГРЕЧА.

І. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

КОРОЛЬ ЭНЦІО.

Историческая драма въ трехъ дѣствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, передѣланная съ Нѣмецкаго Владиміромъ Зотовымъ.

Представлена въ первый разъ, на Александринскомъ Театрѣ, 21 Сентября 1842, въ пользу актера Г. Толченова 1-го.

ОТДѢЛЕНІЕ І. ПАЖЬ И ПЛѢННИКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ ІІ. МОГИЛЬЩИКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ ІІІ. ДОКОПЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ ІV. ГРОБЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ V. ТЮРЬМА И КОРОНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Энціо, Король Сардиніи, въ плѣну у Болонцевъ.

Угоне, Подеста Болоніи.

Люція де Віджолі.

Рейверо Гонфалоньери } плѣнные Сардинцы.

Піетро д'Арнелли. }

Филлипо, смотритель надъ могильщиками.

Галеотти д'Ареццо, военачальникъ въ войскѣ

Конрада ІV, Римско-Германскаго Императора.

Маттео, начальникъ стражи.

Ламберто, тюремщикъ.

1 } могильщики.

2 }
4 } часовые.

Члены Болонскаго Совѣта, могильщики, стража, Болонскіе и Сардинскіе воины.

Дѣйствіе происходитъ въ Болоніи, въ 1254 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПАЖЪ И ПЛѢННИКЪ.

Комната во дворцѣ Энцио, въ Болоніи. Направо дверь въ спальню короля. Столъ и кресла.

ВЫХОДЪ I.

РЕЙНЕРО (у дверей спальни), ПІЕТРО и
ЛЮЦІА (входятъ; Люція съ мужскомъ
платьемъ).

ПІЕТРО.

Король проснулся?

РЕЙНЕРО.

Да!

ПІЕТРО.

Чѣмъ звать онъ?

Что дѣлаетъ?

РЕЙНЕРО.

Онъ поутраивъ всегда,
Какъ менестрель, баллады сочиняетъ,
Но скоро выйдетъ. Если хочешь ты
Я доложу.

ЛЮЦІА.

Къ чему его тревожить!

Когда пѣвецъ мечтою увнесетъ
Въ далекую, прекрасную страну —
Къ чему тогда о нашей бѣдной жизни
И о землѣ ему напоминать?...
Къ тому же, Піетро, очень рада я
Еще себя немного приготовить
Къ свиданью съ Королемъ. Ахъ! противъ воли
Отъ страха замираетъ грудь моя!

РЕЙНЕРО.

Я весь оставлю!

(Уходитъ.)

ЛЮЦІА.

Піетро, я робюю!

Чѣмъ ближе часъ, когда я съ королемъ
Увиатся должна, тѣмъ больше гаснетъ
И бодрость и рѣшимость въ бѣдномъ сердцѣ.

ПІЕТРО.

Ты знаешь, твой поступокъ никогда
Не одобрялъ я. Мы вернуться можемъ!

ЛЮЦІА.

О! ни за что! Меня ты знаешь, Піетро!
Я Итальянка! сердце у меня
Надъ головою верхъ всегда беретъ.
Поступокъ мой, быть можетъ, необдуманъ,
Но твердо на него рѣшилась я!
Ты помнишь ли, когда я въ первый разъ
Увидѣла, какъ Энцио враги
Гордась побѣдой, съ торжествомъ въ нашъ городъ
Вскли въ триумфъ. Цѣпью золотою
Онъ скованъ былъ; по площадямъ толпою
Несмѣтно кипѣлъ народъ кругомъ,
По всѣмъ они казались рабами.
А Энцио, окованный цѣпями —
И плѣнный былъ все тѣмъ же королемъ!
Хотя на немъ корона не блистала,
Невольно все предъ нимъ главу склоняло,
А на челѣ величія печать —
И безъ вѣнца могъ всякій прочесть.
Онъ безоруженъ былъ, но взоромъ сила
Ему сердце такъ много покорилъ;
Его глаза, горячіе въ огнѣ,
Какъ острый мечъ пронзили сердце мнѣ!
Ты знаешь все: его я полюбила,
Хоть насъ судьба надолго разлучила,
Хоть цѣлый годъ должна была страдать
И далеко отсюда, видя мать
Въ борьбѣ съ недугомъ тяжкимъ; близъ костелъ
Большой и дни и мѣсяцы летѣла,
И близъ нее о немъ забыла я!
Но... страшный часъ! угасла мать моя
Въ объятіяхъ моихъ!.. И одинокой
Я жизнь вела въ тоскѣ моей глубокой,
Я плакала, и въ этотъ грустный часъ
Любовь опять въ душѣ моей зажглась!..

ПІЕТРО.

И ты за тѣмъ въ Болонью воротилась,
Чтобы его увидѣть?

Люция.

Эта мысль

Одна душой моей владела:
Жить близъ него, жизньъ бѣдной споты
Несчастному Вѣалккъ посвятить;
Заботами, любовью, попеченьемъ
Часы неволи горькой усладить —
И это ужъ блаженство — о другомъ же
Не смѣю я и помышлять!...

Пьетро:

Но если

Державный пѣлникъ полъ узнаеть твой?

Люция.

Я видѣла лишь разъ его, а онъ
Въ толпѣ меня навѣрно не замѣтилъ.
Къ мужскому платью я давно привыкла,
Оно въ войнахъ междуособныхъ нашихъ
Не разъ защитой было мнѣ. Но если бъ
Король узналъ... Изъ верныхъ слугъ его
Мы здѣсь одни — мнѣ нечего бояться
Людской молвы — я безопасна здѣсь.
Король великодушень, благородень —
А я себя заставлю уважать!

Пьетро.

Но сердце, сердце, Люция! ты слишкомъ
Надѣшься, быть можетъ, на него,
Оно тебѣ измѣнитъ!

Люция.

Пьетро! развѣ

Любовь и честь не могутъ вмѣстѣ быть?

Пьетро.

Все такъ — но я боюсь!

Люция.

Я тоже, Пьетро!

Но я судьбѣ и сердцу покорюсь,
И цѣль моя чиста перель людьми!

ВЫХОДЪ 2-й.

Рейнеро, потомъ Энцио.

Рейнеро.

Король идетъ!

Люция.

Король! о Боже! Пьетро!

Я вся дрожу!

Пьетро.

Мужайся! часъ насталь.

Энцио (входитъ не замечая ихъ.)

И годъ прошелъ! а все надежды нѣтъ!
И Энцио, Сардини Король,
Сынъ Фридриха втораго, братъ Конрада,
Последній Гогенштауфеновъ потомокъ,
Въ плѣну томится, въ клеткѣ золотой,
И жизньъ влачить, въ бездѣйствіи позорномъ,
Далеко отъ отчизны!

Рейнеро (подходя къ нему.)

Государь!

Еще не вся потеряна надежда!
Твой братъ прислалъ въ Болонію посла,
Твоей свободы требовать онъ будетъ;
Теперь ужъ собрался сойтъ Болонскій,
Рѣшенье черезъ часъ произнесетъ онъ —
И ты вѣнецъ получишь и свободу!

Энцио.

Напрасная надежда! Я имъ страшень,
Я былъ всегда Болоніи врагомъ,
Я трепетать не разъ ихъ заставлялъ —
И мнѣ ль они свободу дать рѣшатся?

Рейнеро.

Но въ случаѣ отказа жать война
Кровавая и гибельная ихъ.

Энцио.

Хотя Конрадъ въ Алуинъ теперь,
Хотя о плѣнномъ братѣ онъ жалеетъ,
Но занять онъ тяжелою войною.
Въ Неаполѣ и Капуѣ толпы
Мятежныя на короля возстали.
И время ли ему о братѣ думать?
Просить онъ можетъ о моей свободѣ,
Но требовать се не въ силахъ онъ!
Рейнеро! ты всегда напоминаешь
О томъ, чтобъ долженъ былъ я позабыть,
Чѣмъ быть я могъ бы!... Не тревожь меня
Надеждами пустыми, сердца ранъ
Не растравляй, и о моей отчизнѣ,
О поданныхъ моихъ не забывай!

(Рейнеро молча кланяется, и отходитъ въ глубинѣ.)

ПІЕТРО (подходл.)

Вчера скончался пажъ твой, Государь!
Уберто Ламбертани!

Энцио.

Да! со мною

Не разставался онъ ни на минуту.
Онъ Короля такъ пламенно любилъ,
Онъ пльвику усердно такъ служилъ...
Въ послѣднате мѣтъ на вѣкъ покинуть свѣтъ!
Уберто! Я причиною этой смерти!
За Королемъ послѣдовалъ ты въ битву,
Ты близъ него сражался какъ герой,
Ты заслонялъ его своею грудью,
И вмѣстѣ съ нимъ прагами схваченъ былъ!
Онъ — старый дубъ, не разъ переносившій
Грозу и громъ, и молніи удары,
Средь новыхъ бурь остался непредимъ!
А ты, цвѣтокъ роскошный и прекрасный
Съ поля родной Сардиніи, подъ небо
Болоніи судьбой перенесенъ,
Завялъ въ тоскѣ безъ воздуха роднаго,
Безъ климата отеческой земли!
Мои добрый пажъ, мой первый пажъ съ собою
Зачѣмъ меня въ могилу не ваялъ ты?

ПІЕТРО.

Онъ усладилъ дни пльвианка заботой.
Судьба его завидна, Государь!

Энцио.

Ты правъ: она завидна — только въ гробъ!
Какъ весь нашъ домъ преслѣдуетъ меня
Жестокій рокъ! Я съ каждымъ днемъ лишаюсь
Кого нибудь изъ первыхъ слугъ моихъ.
Тяжелый пльвиъ томитъ друзей страдальца,
И смерть ихъ мнѣ на сердце тяжкимъ камнемъ,
Упрекомъ горькимъ падаетъ. Друге
Находятъ средство убѣжать отсюда!
И скоро я, лишась всего на свѣтъ,
Остануся въ тюрьмѣ моей одинъ!

ПІЕТРО.

На мѣсто бѣднаго Уберто, я
Другаго прискалъ тебѣ пажа.

Энцио.

Другаго? какъ? И кто нибудь рѣшился
Со мной мой пльвиъ тяжелый раздѣлять?
О, кто онъ? Это долженъ быть Сардинецъ?

ПІЕТРО.

Болонецъ оя! твоимъ несчастьемъ тронуть,

Хотѣлъ бы онъ служить тебѣ.

Энцио.

Гдѣ онъ?

Его хочу я видѣть.

ПІЕТРО.

Онъ со мною!

Онъ здѣсь!...

(Подводитъ Люцію. Она въ смущеніи
склоняетъ голову. Энцио смотритъ на
нее въ изумленіи, припоминая что-то.)

Энцио.

Какъ? этотъ пажъ?... Творецъ! какое сходство!
Кто ты, прекрасный юноша?... Меня
Ты поразилъ нежданномъ появленіемъ!
Ты пльвиъ мой раздѣлить со мной пришелъ?...
Благодарю!... сто разъ благодарю!

Люція.

О! Государь!... моихъ услугъ ничтожныхъ
Ты не отвернулъ, ты позволилъ мнѣ
Съ тобой остаться!...

(Хочетъ упасть на колѣни.)

Энцио.

Нить! ко мнѣ на грудь!...

И пльвику будь другомъ!...

(Люція въ смущеніи отступаетъ.)

ПІЕТРО.

Государь!

Онъ робокъ! въ первый разъ еще онъ видѣть
Передъ собой земнаго Бога! онъ
Вдали отсюда и въ удивленіи,
Въ тиши воспитанъ; родственникъ мнѣ дальній.
Онъ въ первый разъ въ Болонію прѣхалъ,
И Люцію зовутъ его!

Энцио.

Но, что же

Ему мѣшаетъ подѣлуй приять
И Короля, и друга!

Люція.

Государь!

Такая милость! бѣдный сирота —
Я недостойнъ этой чести... Вы
Невольному смущенію простите!

Энцио, *(слабдивший за
каждымъ сло-
вомъ ея.)*

Нтъ! я не ошибаюсь! Силы неба!...
Она!... она! О! я навърно долженъ
Узнать!... Рейнеро! Пьетро! Удайтесь!
Я говорить хочу наединѣ
Съ моимъ пажемъ!...

Пьетро.

Но, Государь! съ тобой
Боишься онъ остаться!

Энцио.

Онъ боится?...

Стыдился Пьетро! Энцио когда-то
Враги одни боялись, но и тѣмъ
Король былъ страшень, а не бѣдный пльщикъ!
Мы не на пользу битвы, добрый другъ!
Оставьте насъ!

Пьетро, *(кланяется, и
уходя говоритъ
тихо Люцию.)*

Ты этого хотела!

(Уходитъ съ Рейнеро.)

Люция.

О Боже!

Энцио *(подходитъ къ
ней и беретъ ее
за руку.)*

Добрый Люцио! Со мною
Ты хочешь жизнь вести? Тебя мнѣ жаль!
Ты молодъ! Свѣта шумныя забавы
Должны тебя невольню привлекать.
Здѣсь не найдешь ты ничего. Съ тобою
Лишь скуку можетъ пльщикъ раздѣлить!

Люция.

Я не ищу забавъ и удовольствій,
Я счастлива буду, если попеченьемъ
Съ чела стогно одну морщину горя,
И вызову улыбку на уста.

Энцио.

Тебя моя темница не пугаетъ?

Люция.

И въ пльщикѣ я вижу Короля!

Энцио.

Нтъ! пльщикъ онъ! Вдвойнѣ онъ тяжкій пль-
щикъ
Съ тѣхъ поръ, какъ взоръ прекраснато созданья
Любовью оковалъ большое сердце.
А эта цѣпь еще тяжелѣ той,
Которою окованъ я врагами!

Люция.

Какъ, Государь, любовь?

Энцио.

Не постигаю!

Какое чувство заставляетъ сердце
Все высказать тебѣ, хоть въ первый разъ
Тебя сегодня вижу я. Невольно
Довѣренность къ себѣ ты поселилъ
Въ моей душѣ. Невольно заставляешь
Меня во всемъ признаться! Я тебѣ
Открою то, чего еще досель
Отъ Энцио никто здѣсь не слыхалъ.
И годъ прошелъ, а этотъ день еще
Я, какъ пчерашній, такъ же живо помню!
Меня влекли въ Болоню, въ цѣняхъ,
Въ душѣ моей отчаянье кипѣло,
И къ низкимъ побѣдителямъ въ глазахъ
Не ненависть — презрѣнныя горько!
Внизу народъ смотрѣлъ на мой позоръ,
Вверху съ балконовъ гордые вельможи.
Я вверхъ взглянулъ — и встрѣтилъ чудный
взоръ.

На взоры тѣхъ красавицъ не похожій:
Такъ много было въ немъ огня, души,
Участія, страданья, сожалѣнья. —
Въ тотъ тяжкій часъ я послалъ въ тиши
За этотъ взоръ Творцу благодаренье;
Я позабылъ и мой позоръ, и пльнѣ,
И будущность съ темницей и тоскою —
И этотъ взоръ — средь этихъ мрачныхъ стѣнъ
Еще теперь блеснитъ передо мною!...
Онъ ни на мигъ меня не покидалъ,
Въ часы тоски мнѣ приносилъ отраду,
Въ дни бѣдствія меня онъ подкрѣплялъ,
За жизнь мою — онъ мнѣ сулилъ награду,
Онъ какъ звезда руководилъ меня,
Онъ мнѣ нужней былъ воздуха роднаго...
И этотъ взоръ, исполненный огня —
Мнѣ кажется, теперь я вижу снова!...

Люция *(съ сильнымъ вол-
неніемъ.)*

Творецъ!... О! Государь! прости смущенье,
Но твоей рассказъ привелъ меня въ волненье!

Энцио.

Въ смущенья ты!... ты дрогнул!... О! мой Богъ!
 Не женщины ль прилично состраданье?
 Подумай же... Я здѣсь одинъ!... мой вздохъ,
 Мой стонъ, мой плачь, души моей страданье
 Безъ отзвѣта умрутъ. Никто на нихъ
 Участьемъ, утѣшенемъ не отвѣтитъ,
 Никто моей печали не замѣтитъ
 И не пойметъ тяжелыхъ мукъ моихъ!...
 Жизнь пльнника разделить кто со мною?
 Отрадную мнѣ не услышать рѣчь!
 На чью мнѣ грудь усталой головою
 Въ часы тоски томительной прилечь?...
 Но я молчалъ и не ропталъ на Бога,
 Хотя зналъ всю жизнь страданія одишь!
 Жизнь счастья мнѣ не обманала много!
 Зачѣмъ же ты явилася ко мнѣ?

Люція.

Я!... Государь!... Опомнитесь!... что съ вами!
 Я Люція, ваша нажъ!...

Энцио.

Итъ! небесами
 Клялися мнѣ — ты не она, не та,
 Которая являлась какъ видѣнье,
 Какъ духъ, какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
 Какъ метеоръ, какъ плодъ воображенья?
 Молчишь ты?... Сжался!... сердца не терзай!...
 О! подари мнѣ небеснымъ взглядомъ;
 Съ тобою мнѣ темница будетъ рай,
 Мнѣ безъ тебя дворецъ мой будетъ адомъ!

Люція.

Что дѣлать мнѣ!... Въ глазахъ померкнулъ свѣтъ.

Энцио.

Ужель на мигъ мнѣ счастье блеснуло?...
 Ужель меня надежда обманула?...
 Быть можетъ, у тебя сестра есть?...

Люція.

Итъ!
 Но сходство... я...

Энцио.

О! это ты! песь мнѣ
 Мнѣ скажетъ пльмъ — и мнѣ весь ошибется!
 Да, это ты, души моей кумиръ,
 Къ кому давно любовью сердце бьется,
 По комъ я цѣлый годъ страдалъ, грустилъ,
 Кто цѣлый мнѣ теперь мнѣ замѣнилъ,
 По комъ душа болитъ и сердце рвется.

И что теперь весь свѣтъ и пся земля!

Ты мой венецъ и слава Короля!...

Лишь взглядъ одинъ, лишь слово... Ангелъ
 явилъ!

(Хочетъ броситься на колыни, Люція
 удерживаетъ его и сама падаетъ къ
 его ногамъ.)

Люція.

О! Энцио!... я не могу... нѣтъ силы!...
 Проси меня! любовь къ тебѣ!...

Энцио.

Творецъ?

За этотъ мигъ и царство и венецъ!...

Люція.

О Государь, меня ты не погубишь!...

Энцио.

Я не Король — ты пльнника лишь любишь! —
 Онь твой на вѣкъ, на вѣкъ, мой милый другъ!
 (Поднимаетъ ее и обнимаетъ.)

Люція.

О! пощадъ! какъ? столько счастья вдругъ!...
 И Энцио безумную прощаетъ?

(Падаетъ къ нему на грудь.)

Чтожь говорятъ блаженство убиваетъ?

—

ВЫХОДЪ 3-й.

РЕЙНЕРО, ПОТОМЪ ПИЕТРО, УГОНЕ и
 два члена верховнаго Болонскаго Со-
 вѣта; съ глубинъ стража.

РЕЙНЕРО, (входитъ. Лю-
 ція вырывается
 изъ его объятій и
 закрываетъ лице.)

Энцио.

Рейнеро!

РЕЙНЕРО.

Государь! я знаю все!

Но скоро же и вы узнали.

Энцио.

Друг!

Теперь въ судьбѣ моей спокойно буду
Я переибы ждать — и мнѣ свобода
Не дорога, какъ прежде!

Рейнеро.

Государь!

Советъ верховный кончился! Подеста
Идетъ вамъ объявить его рѣшенье.

Энцио.

Что бы ни было — я жду его спокойно!

Рейнеро.

Ты, Люція, останься также можешь:
Подеста знаетъ, что сегодня новый
Къ намъ принять въ службу нажъ.

Энцио.

О! я теперь

Перенесу всѣ муки хладнокровно!...
Я счастливъ, очень счастливъ, добрый другъ.

*(Дверь отворяется: входитъ Угоне и два
члена совета, за ними Пьетро; въ от-
воренныя двери видна стража.)*

Угоне *(останавливает-
ся увидя Люцію.)*

Кто этотъ мальчикъ?

Пьетро.

Блдный сирота!

Я говорилъ ужъ про него. Пажемъ
Онъ вѣсто Ламберташи мной назначенъ.

Угоне.

А знаетъ ли онъ наше приказанье,
Чтобъ изъ дворца никто не выходилъ
Безъ письменнаго позволенья, даже
Ни на минуту!

Энцио.

Чѣмъ я заслужилъ

Такую недовѣрчивость? За что
Присуждено такое притѣсненье?

Угоне.

Такъ повелѣлъ верховный нашъ Советъ!
Твой братъ, Конрадъ, намъ объявилъ войну.

Рейнеро, Пьетро, Люція.

Войну!

Энцио.

Войну!

Угоне.

Не радуйся заранѣ!

Война есть только слѣдствие рѣшенья
Совета. Къ намъ посолье Конрада прибылъ
Просить, чтобъ мы тебя освободили.

Энцио.

Вы отказали?

Угоне.

Да! и разсмотримъ

Подробно положене дѣлъ въ Европѣ,
Все взвѣсивъ: Гибеллиновъ гордыхъ власть,
И волю Папы, и раздоры въ нашей
Италии, — рѣшили мы, что ты
Опасенъ намъ, и присудили всѣ
Въ плѣну тебя держать — до самой смерти!

Энцио *(мрачно.)*

До самой смерти!

Рейнеро.

Это невозможно!

Безчеловѣчно поступили вы!
За Короля и друга голосъ свой
Я смѣло закъ подамъ. Какое право
Имѣете вы плѣнника держать?
Обычай всѣхъ народовъ допускаетъ
Размѣвъ и выкупъ. Если равныхъ вы
Герою-Королю не отыскали
Межъ вашихъ предводителей, которыхъ
Мы взяли въ плѣнъ въ сраженьяхъ, — назначьте
Вы выкупъ за него, тогда послѣдній
Сardiniецъ принесетъ все, что имѣеть:

На золото священные сосуды
Растопить; предковъ славный мечъ заложить,
И гробъ отца роднаго онъ продастъ —
И выкупить роднаго Короля!

Угоне.

Вы къ королямъ привязаны своимъ,
Но мы безъ нихъ живемъ и процвѣтаемъ!

Рейнеро.

Прійдетъ пора, и упадете вы!
Въ годовну бѣдъ кто вамъ защитой будетъ?
Въ несчастьяхъ кто Болонію спасетъ?

Вы хвалитесь пустой своей свободой —
Свобода лишь законами тверда.
Одинъ король законовъ охранитель —
Тамъ нѣтъ свободы — гдѣ нѣтъ короля!

УГОНЕ.

Сардинецъ! Вспомни, съ кѣмъ ты говоришь!
Тебѣ и Піетро съ королемъ остаться
Изъ милости позволено, а ты
Болоніи Подесту оскорбляешь?

ЭНЦІО.

Оставь пустые споры, мой Рейнеро!
Гдѣ сила намъ даетъ законъ — тамъ правда
Молчать! Ты видишь — ихъ рѣшенью я
Спокойно покорился!

УГОНЕ.

И тебѣ ли

На насъ роптать? Тебя мы не въ темницѣ
И не въ оковахъ держимъ. Для тебя
Мы лучшей отвели дворецъ! Ты въ немъ
Свободенъ. Ты къ себѣ имѣешь право
Всѣхъ принимать. Ты праздники даешь;
Вельможи наши часто у тебя
Пируютъ за однимъ столомъ съ тобою,
А это ли жизнь плѣнника? Теперь
Мы отдали другія приказанья:
Изъ дворца, изъ города нѣтъ
Безъ позволенья выгнать не будетъ;
Но къ этому насъ братъ принудилъ твой.
Онъ объявилъ войну намъ; за тобою
По этому смотреть должны мы строже!...
И помни: если ты бѣжать захочешь,
То замыселъ обдумывай хитрей:
Мы будемъ непреклонны, если только
Побѣгъ твой не удастся! Помни это,
Сардиніи развѣнчанный Король!

(Уходитъ съ стражею. Двери опять
запираются.)

ЭНЦІО.

Разрушилась послѣдняя надежда!
Я не увижу вновь моей страны!
Мнѣ суждено дни проводить въ невольѣ,
И умереть въ позорѣ и цѣпяхъ!

Люція (подходя къ
нему.)

О! Энцио! съ твоей душой высокой
Въ бездѣйствіи ты долженъ жизнь влечь,
Тогда какъ могъ бы славою своею
Наполнить цѣлый міръ!

Энцио.

Мнѣ не хотѣла
Двѣ радости вдругъ подарить судьба:
Отнявши у меня мысль о свободѣ,
Она твою любовь мнѣ подарила!

Люція.

Нѣтъ! Энцио свободенъ долженъ быть!
Послѣднее мы средство испытаетъ —
Бѣжать ты долженъ!

Рейнеро.

Да! бѣжать ты долженъ!
Пока еще надежда оставалась,
О бѣгствѣ я не говорилъ ни слова,
Но все пропало — въ бѣгствѣ ты теперь
Искать спасенья долженъ!

Піетро.

Мы найдемъ,
Придумаемъ мы средство!

Энцио.

Мнѣ бѣжать?
Забыли вы какъ насъ здѣсь стерегутъ?
Ихъ бдительность удвоилась теперь.
Изъ дворца, изъ города нѣтъ средства
Безъ вѣнчаннаго выйти позволенья.
Припоините, что намъ сказалъ Подеста,
И что насъ ждетъ, когда мы не успѣемъ!

Рейнеро.

Намъ золото поможетъ!

Люція.

У меня
Нѣтъ ничего! (Снимаетъ съ груди медальонъ).
Вотъ все, что только мнѣ
Осталось! Завѣсь матери портретъ
Каменьми осыпайъ дорогили,
Она вѣвля съ нимъ не разстанется—
Но я его я въ жертву приношу.

Піетро.

Нѣтъ, Люція! Судьба послала мнѣ
Богатое имѣніе, и часто
Я спрашивалъ себя: къ чему оно?
Теперь его употреблю я съ пользой,
Чтобъ короля и друга намъ спасти.

Рейнеро.

Гдѣ сила не поможетъ — хитрость тамъ
Употребимъ...

Люция.

О! хитрость мнѣ одной
Вы предоставьте? Это дѣло женщин!
Но поскорѣй рѣшитесь!

Энцио.

Трудно мнѣ
Спротивляться вамъ, мои друзья,
Но долженъ я!... я не могу бѣжать!

Люция.

Не можешь?

Энцио.

Нѣтъ! Что, если не удастся
Побѣгъ нашъ? васъ я погублю съ собой.
Не только васъ, но всѣхъ, кто здѣсь со мною
И жизнь мою, и скуку раздѣляя.
Кто зналъ меня, кто видѣлъ часто, даже
Кто сожалѣлъ о бѣдномъ Королѣ,
И самъ я брошенъ въ новую темницу,
Вновь съ вами не увижусь никогда!

Рейнеро.

На полѣ битвы храбрый мой Король
Такъ не былъ боязливъ. Кто счастьемъ верить —
Тому счастливо удастся все!

Энцио.

Нѣтъ! счастья Гогенштауфены не знаютъ!
Къ чему же мнѣ испытывать его?
Объ Энцио теперь кто въ мирѣ помнитъ?
Къ чему явился я, всѣмъ позабытый?
Опять вести кровавую войну,
Опять въ войнѣ понастѣя въ плѣнѣ постыдный?
Король Конрадъ Сардиніей владѣеть:
Онъ осласливилъ подданныхъ моихъ,
И я теперь для счастья ихъ не нуженъ!
Они спокойны подъ его правленіемъ;
Обидѣть ихъ сосѣди не посмѣютъ;
Врагъ дерзкій ихъ владѣнія не займетъ.
Мой братъ ихъ защититъ. И безъ меня
И побуждать они и биться будутъ!

Пиетро.

Я вижу, Государь, твой мощный духъ
Въ плѣну враговъ упалъ и ослабѣлъ!

Энцио.

Нѣтъ, Пиетро! Нѣтъ! Я духомъ не упалъ!
Я вновь готовъ, какъ въ дни былые, грянуть

Съ толпой моихъ Сардинцевъ на враговъ.
Я вижу часто прошлыя побѣды:
Кортенуово, гдѣ съ моимъ отцомъ
Рука съ рукой простымъ бойцомъ я бился,
Мелорию, гдѣ я разбилъ прелатовъ,
Гдѣ я Саванароллу защищалъ.
Я помню живо берега Дуная,
И варваровъ бѣгущія толпы,
Я могъ бы вновь грозой быть гордыхъ Гвельфовъ,
И Гибеллиновъ славу воскресить,
Но бѣгствомъ я отъизны не спасу,
Не возвращу моей державѣ блеска,
И все, что совершилъ я въ дни былые —
Мнѣ кажется теперь прекраснымъ сномъ!...

Люция.

О Энцио!...

Пиетро.

Не хочешь ты бѣжать!

Рейнеро.

Склонись на убѣжденія наши!

Энцио.

Нѣтъ...
Оставимъ этотъ споръ — и навсегда!
Къ чему бѣжать мнѣ? Здѣсь нашелъ я счастье!
Моя глава носила три вѣнца:
Мнѣ царскій данъ судьбой былъ въ день рож-
денія,
Терновый на меня надѣли люди,
И миртовый прекрасная любовь!
Здѣсь я нашелъ все то, чѣмъ награждаетъ
За муки рокъ, что лучше всѣхъ винцовъ,
Съ чѣмъ челоуѣкъ несчастья забываетъ —
Дѣвъ радости (подавал одну руку Пиетро, дру-
зю Люци)... И дружба, и любовь!

ВЫХОДЪ 4-й.

Галеотти д'Ареццо (въ платьѣ пи-
лигрима.)

Галеотти (входя.)

Миръ дому, гдѣ томится въ заточеньѣ
Державный узникъ! Кто изъ васъ, Синьоры
Мнѣ можетъ дать отвѣтъ, сказать гдѣ онъ,

Энцио (всматриваясь
въ него.)

Чей это голосъ? Вѣрный Галеотти!
Тебя ли вижу я?

Кн. XXII - 2.

ГАЛЕОТТИ (бросаясь на
кошны.)

О, Государь!

Позволь мнѣ пагладиться на тебя,
Наслушаться рѣчей твоихъ. Два года
Я не видалъ и не слышалъ тебя!

Энцио.

Что значитъ, другъ, одежда пилигрима?
Зачѣмъ ты здѣсь? Мой братъ тебя надъ войскомъ
Вождемъ поставилъ. Ты на полъ битвы
Сражаться долженъ былъ бы за него!

ГАЛЕОТТИ.

Къ тебѣ являюсь тайно я! Враги
Знать не должны причины посщенья!
Отъ подданныхъ твоихъ и отъ народа
Посломъ являюсь я: бѣги отсюда,
И сядь опять на отческій престолъ!

Энцио.

Что это значитъ? Развѣ я престолъ
И мой вѣнецъ Конраду не оставилъ?
Мой братъ теперь Сардинію править!

ГАЛЕОТТИ.

Не править онъ.

Энцио.

Ужель и ему
Судьба на полъ битвы изменила?
Ужель плѣнъ!

ГАЛЕОТТИ.

Ахъ, если бъ только плѣнъ,
Тогда бъ еще надежду мы имѣли!

Энцио.

Что это значитъ? Кончи!

ГАЛЕОТТИ.

Государь!
Твой домъ давно преслѣдуетъ судьба!
Сбери свои всѣ силы. Призови
На помощь твердость духа. Императоръ
Конрадъ....

Энцио.

Онъ боленъ?

ГАЛЕОТТИ.

Нѣтъ! онъ умеръ!

Всѣ.

Умеръ!

Энцио.

Онъ умеръ! онъ, мой братъ! такъ молодъ!...
Нѣтъ!

Возьми назадъ ужасное извѣстье,
Скажи, что ты ошибся, обманулся,
Что съ братомъ я разстался не на вѣкъ!

ГАЛЕОТТИ.

Въ мученьяхъ дни окончилъ Императоръ!
Но не на полъ битвы умеръ онъ,
Болезнь его жестокая постигла
И въ гробъ свела! Суровому Германцу
Былъ пагубенъ нашъ Итальянскій климатъ,
И въ гробъ сошелъ онъ на разсвѣтъ дней!

Энцио.

Мой братъ! мой братъ! И могъ ли думать я,
Что болѣе Конрада не увижу,
Что буду я оплакивать его!
И вздохъ его послѣдній я не принялъ,
И не далъ я прощальнаго лобзанья,
И тѣло Императора въ могилу
Я на моихъ рукахъ не опускалъ!...
О, бѣдный братъ мой!

(Опускается на стулъ, и закрываетъ
лице руками.)

ГАЛЕОТТИ.

Здѣсь еще не знаютъ,
Что умеръ братъ твой. Тайно ото всехъ
Въ Болонію я прискакалъ, сюда
Пробравшись въ одеждѣ пилигрима.
Боюсь здѣсь я долгимъ пребываньемъ
Подесты подозрѣнье возбудить,
И потому прошу тебя еще разъ:
Спасай народъ, спасай свою державу!
Недалеко отсель дружины наши,
Раскинувъ станъ, не знаютъ что начать.
Обрадуй ихъ неожиданнымъ появленьемъ,
Сбери своихъ воинственныхъ Сардинцевъ,
И снова ихъ, какъ въ дни побѣдъ и славы,
Ты поведи на битвы, на праговъ!
Къ тебѣ народъ взываетъ твой! Тебя
Онъ съ нетерпѣньемъ ждетъ! долой оковы!
Не плѣнникомъ — явись имъ Королемъ,
И мѣръ вздрогнетъ при крикахъ Гибеллиновъ,
И гордый Гвельфъ предъ нами побѣжитъ! —
Я все сказалъ! Мы ждемъ тебя! Прощай!

(Уходитъ).

Люція (подходя къ Энцио).

Ты слышалъ, Государь! Спиши, покуда
Конрада смерть еще не всѣмъ известна.

Поётъ: она причиною будетъ къ новымъ,
Жестокимъ притѣсненіямъ, и дерзость
Болоніи удвоится теперь!...

Энцио (*не слушая ее*).

Да, счастья Гогенштауфены не знаютъ!
О! какъ богатъ несчастьями нашъ домъ!
Какъ мой Конрадъ, скончавшись въ пѣть лѣтъ
И на дорогѣ къ почестямъ и славъ,
Почти весь Гогенштауфены: Филиппъ
И Герихъ, дядь мой! — А враги мои
Въ пыли безвѣстна кажутся безсмертны!
Таковъ всего прекраснаго уадыъ:
Великое недолговѣчно въ мирѣ!

Рейнеро.

Да, Энцио! ты правъ! погибло все!
Чего еще намъ ждаты? Король въ плѣну,
И вырваться изъ плѣна самъ не хочетъ!
А между тѣмъ владѣнія его
Тираны Эпцелинъ и Альберико
Безъ опасенія смѣло расхищуютъ,
Палавичини завлаъ Паченцу;
Маркграфъ Бертольдъ фонъ Гогенбургъ по Рейну
Жжетъ города Германіи твоей;
Самъ Папа посылаетъ кардинала,
Монаха-полководца, завладѣть
Завѣтнымъ достояніемъ Гибеллиновъ,
И сѣсть на Гогенштауфеновъ престолъ!

Энцио (*вскакивал*).

Не слезы оны, Прелаты краснорѣчивыи!
Оны не возьмуть Германіи моей!
Она возстанетъ пса! Не станеть войска?
Страхнуть съ чела свой сонъ седыхъ горы,
И двинутся съ широкихъ оснований—
И путь на сѣверъ мой загорождать!

Рейнеро.

Не горы нужны тутъ, а Гогенштауфены,
Потомокъ славный славныхъ Королей!

Энцио.

И встанеть Гогенштауфены тотъ у входа,
И гробъ отца собою заслонить!

Рейнеро.

Проснулся ли ты наконецъ, властитель?
Ты хочешь ли бѣжаты?

Энцио.

Бѣжаты! бѣжаты!

О! дайте средства мнѣ сорвать оковы,
Затворы сбить съ темницы роковой!
Я докажу врагамъ моимъ надменнымъ,
Что духъ отца и въ сынѣ не погасъ!

Напоиню я забывчивому миру
Тѣ дни, какъ оны предъ Фридрихомъ дрожали,
Какъ оны во прахъ чело предъ нимъ склоняли!
Надѣну я отцовскую порфиру,
Въ шею отца я вырву у враговъ;
Его носить лишь Гогенштауфены могутъ.
Въ шею его пигмемъ не подь силу,
Подъ тяжестью его они согнутся —
А я его ребенкомъ надѣвалъ!
Скорѣй! Туда! на битву, на свободу!
Я жажду вновь услышать звукъ мечей,
И трескъ щитовъ, и ржаніе коней!
Хочу воззвать, какъ прежде, я къ народу,
Чтобъ бранный крикъ вознесся до небесъ!
Воскресъ Король нашъ, Энцио воскресъ!

Люция.

Да, оны воскресъ! герой, Король могучій!
И новыя победы ждуть его!

Энцио.

Гдѣ ты, мой мечъ! Мечъ правдыловъ моихъ!...

Петро.

Терпѣнье, Государь! Смирн порывы
Твоей души! Намъ надо осторожно,
Обдуманно побѣгъ устроить твой!

Люция.

Но медленность откните, ради Бога!
Пока еще Болонія не знаетъ
О смерти Императора — намъ должно
Окончить все.

Рейнеро.

Но какъ? Изъ дворца,
Изъ городской заставы, безъ Подесты,
Безъ позволенія, безъ его согласья
Живому существу дороги нѣтъ!

Люция.

Живому нѣтъ, такъ мертвые пройдутъ!

Энцио.

Что это значить?

Люция.

Мнѣ любовь внушила
Спасти тебя, хотя и страннымъ средствомъ,
Но вѣрнымъ. Слушай! Твой любимый пажъ,
Котораго я мѣсто замѣнила,
Вчера скончался. Пыльце жъ мертвеца
Похоронить должны по городскому
Обычаю въ городъ. И стоитъ
Начальника могильщиковъ къ себѣ
Привлечь наградою, просьбой, обещаньемъ,

И вмѣсто жертвенца въ пустомъ гробу,
Онь Короли проводятъ за ворота.

ПЕТРО.

Прекрасный планъ! Филиппо я беру съ
Уговорить, и въ эту же ночь, Король
Болонію праждебную покинетъ!
Согласенъ ли ты, Энцио?

Энцио.

Могу ли

Я, добрый другъ, на то не согласиться,
Что Люція придумала моя?

Рейнеро.

Такъ съ Богомъ же! И примемся за дѣло!
Къ смотрителю могильщиковъ ты, Пьетро,
Иди сейчасъ же. Государь, а ты,
Чтобы занять враговъ твоихъ, зови
Сегодня же ихъ на блестящій праздникъ,

И дай имъ маскарадъ въ твоёмъ дворцѣ.
Въ минуту шума и разгула, намъ
Удобнѣ сокрыться можно будетъ,
И мы обманемъ бдительность враговъ!

Энцио.

Друзья мои! Я знаю, для меня
Вы жертвуете жизнью въ это время!
И жертву вашу принимаю я!
Ее обвинитъ позднее потомство,
И если не удастся наш побѣгъ —
Погибнемъ вмѣстѣ! Ваши имена
Останутся бессмертными. О васъ
И добрый гражданинъ, и верный другъ,
И подданный съ слезою горькой вспоминать,
Когда прійдетъ имъ мысль о суетѣ,
Непостоянствѣ злышняго величья,
Объ участи страдальца-Короля!.....

(Завѣса падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

МОГИЛЬЩИКЪ.

Комната въ домъ Филиппо. Столъ и два стула.

ВЫХОДЪ 1-й.

Пьетро и Филиппо (входятъ).

Филиппо.

Какая честь, Синьоръ! Я даже думать
Не смѣлъ, чтобы Сардинецъ благородный
Пожаловалъ ко мнѣ, въ мое жилище,
Къ ничтожному могильщику.

Пьетро.

Зачѣмъ же

Ничтожнымъ называешь ты себя?
И хоть твоя здѣсь незавидна должность....

Филиппо.

Ну, вѣтъ! и позавидовать ей можно!
Спокойная она! И ты, съ кѣвъ и
Вожуся здѣсь, имѣють все привычку —
Дурную или хорошую — молчать!
Они довольны мной, и до сихъ поръ
Изъ нихъ никто не жаловался мнѣ.
На то, что дурно съ ними обращаюсь.
Однако я хорошъ, и не прошу
Садиться васъ! Вотъ стулъ, Синьоръ, на немъ
Давно ужъ не сидѣлъ никто, а ты,
Которые ко мнѣ приходять въ гости,
Бесѣдуютъ всегда со мною лежа —
Садитесь, синьоръ.

ПЕТРО (садясь).

Благодарю!

Съ тобою я хотѣлъ бы кой о чемъ
Поговорить.... Есть просьба у меня.
Садись же самъ!...

Филиппо (садясь).

Ну! если вамъ угодно!

А иначе я долгу свой очень знаю!
Вы такъ добры! Меня обыкновенно
Всѣ бьгаютъ, и встрѣтятся со мною.
Иль обойдутъ, иль просто отвернутся!

ПЕТРО.

Зачѣмъ же? Ты вѣдь будешь пужень имъ!

Филиппо.

Вотъ въ этомъ-то и дѣло! После смерти
Ужъ волей иль неволею они
Должны со мной свести знакомство, это
При жизни ихъ и заставляетъ мною
Гнущаться. Я придверникъ той квартиры,
Которую они когда нибудь
Займутъ насильно. Я напоминаю
Имъ истину, печальную, конечно,
Что человекъ, который на землѣ
Пространство захватилъ себѣ большое,
Уляжется въ землѣ въ такой же ящикъ,
Какъ тотъ, кто ничего здѣсь не имѣлъ!
Пусть трясень мѣръ героямъ и Монархамъ!
Имъ всѣмъ въ землѣ довольно мѣста будетъ!

ПЕТРО.

Однако же, не всѣ тебя бьгутъ!
Вотъ я тебя давно ужъ знаю, часто
Бесѣдую съ тобой.

Филиппо.

Вы исключенье.

Синьоръ! Вы не похожи на другихъ —
А знатные куда меня не любятъ!
Помня вы поступаете прекрасно,
А ихъ спросите — скажутъ: очень дурно.
Вотъ такъ-то все на свѣтѣ! Все зависитъ
Лишь отъ того, съ которой стороны
Посмотришь на предметъ. И на землѣ
Все вмѣстѣ хорошо и дурно! Или
Хоть и не хорошо, да и не дурно!
И я, благодаря за вашъ приходъ,
Скажу: вы смерти вѣрно не боятесь!

ПЕТРО.

Нѣтъ! черезъ смерть я научаюсь жить.

Филиппо.

Вы правы. Что такое смерть? Ничто,

Великое, ужасное ничто,
Которое здѣсь все уничтожаетъ,
И стало быть, она сильнѣй всего,
И, стало быть, какъ все предъ ней ничтожно!
Но что же наконецъ угодно вамъ?

ПЕТРО.

Нажъ Короля недавно умеръ!

Филиппо.

Знаю.

Сегодня я возьму его къ себѣ.

ПЕТРО.

Ты знаешь Короля?

Филиппо.

Разъ только видѣлъ,

Когда его въ Болонію везли
Ужъ пльниномъ, и то случайно. Мнѣ
На праздники, торжественные възды
Живыхъ людей невесело смотрѣть.
Я не люблю ихъ лицъ. Лице живое
Измѣнчиво и большей частью ложно!
На немъ не прочитаешь никогда
Ни чувства, ни характера! На мертвомъ
Читаю цѣлой жизни повесть я!
Какъ выраженъе истинно, какими
Глубокими и рѣзкими чертами
Въ немъ вѣздадась послѣдняя мента,
Послѣднія и чувства и надежды!
Нерядко я, когда мнѣ принесутъ
И грѣшника, и съ нимъ отца святаго —
Смотрю на лица ихъ и ошибаюсь!
И грѣшникъ на меня глядитъ святымъ,
Святой отецъ — такъ грѣшникомъ и смотреть!
Вотъ вы, синьоръ, О! я увѣренъ въ этомъ.
Когда умрете вы, навѣрно будетъ
Лице у трупа вашего — такое,
Что передъ нимъ невольно сложишь руки,
И скажешь: Помогися тамъ за насъ!

ПЕТРО.

Благодарю за комплиментъ могильный!

Филиппо.

Я долженъ васъ благодарить за то,
Что болтовню могильщика съ такимъ
Вы снисхожденьемъ слушаете. Я
Всегда молчу, и оттого, просите,
При случавъ болтавши, но вы мнѣ что-то
Про Короля сказать хотѣли.

ПЕТРО.

Да!

Ты знаешь, что Король нашъ шутки любитъ.

Сегодня дакъ онъ маскарадъ большой,
И въ сѣдствіе заклада одного
Вотъ что придумалъ онъ: одинъ изъ насъ —
Для шутки только — ляжетъ въ гробъ, который
Для мертвѣго пажа ты приготовилъ,
И ты того, кто будетъ тамъ лежать,
Велишь тихонько вынести изъ дворца,
Потомъ... Но что потомъ изъ шутки выйдетъ
Я послѣ расскажу, теперь я долженъ
Узнать, ты намъ окажешь ли услугу,
И станешь ли намъ въ шуткѣ помогать?

Филиппо.

Престранную затѣяли вы шутку.
Конечно, онъ Король, но вѣдь подѣ часъ
И Королю шутить со смертью плохо!
Она сильнѣе всехъ земныхъ владыкъ!

Петро.

Чтожь, на тебя надѣяться мы можемъ?

Филиппо.

Такъ я помочь вамъ долженъ въ этой шуткѣ,
Гдѣ мертвѣго живой играть намѣренъ?
Вы знаете ль сравненіе то, что шутка
Похожа на сирену, у которой
Красавицы лице, а хвостъ змѣиный.

Петро.

Спокоенъ будь, старикъ! Готово все,
Придуманно, устроено, и только
Твое согласіе нужно намъ. Тебѣ
Подарокъ также будетъ за услугу,
Богатый, Королевскій!

Филиппо.

И за шутку
Подарокъ Королевскій! Да и шутка
Конечно, Королевская!... Не знаю!...
Разсказывалъ ли я вамъ какъ меня
Великій Фридрихъ, Энцио отецъ,
Однажды спасъ отъ смерти злой, къ которой
Меня приговорилъ Сенатъ Болонскій.
Онъ въ этотъ день, когда я долженъ былъ
На площади повѣшенъ быть, въ нашъ городъ
Съ триумфомъ, побѣдителемъ въѣзжалъ!
И онъ простилъ меня!... О, это былъ
Великій Императоръ! Я жалко,
Что не видалъ его во гробъ, мертвымъ!
О какъ тогда хорошъ онъ вѣрно былъ!

Петро.

Онъ какъ Атласъ міръ пѣлый несъ на плечахъ,

И утомленный ношею тяжелой,
Въ могилу легъ отъ жизни отдохнуть!

Филиппо.

Чѣмъ могъ я, слабый червь, за милосердіе
Герою отплатить?... Но часъ пришелъ!
И то, что я не сдѣлалъ для живаго,
Для мертвѣго я сдѣлаю. Изъ гроба
Увидите онъ, что я благодарныи
Его не позабылъ, что долгъ отцу,
Я сыну заплачу!... Синьоръ! На шутку
Согласенъ я! Вотъ вамъ моя рука!

Петро.

Старикъ! Самъ Богъ воздастъ тебѣ за это!...
Поступокъ твой прекрасенъ и великъ!

Филиппо.

И, полноте! Я долгъ свой исполню.
Вѣдь благодарность точно спѣлый плодъ:
Хорошъ, и свѣжъ, и вкусенъ, только все же
Онъ дерево родное тяготитъ!
Я предложу, однако, вамъ условіе —
Вы знаете: свободный городъ нашъ
Не любить шутокъ, а такихъ издавно!
Такъ если я за шутку долженъ буду
Бѣжать отсюда — вы доставьте мнѣ
Въ любовь изъ Королевскихъ городовъ
Такое жъ точно мѣсто, гдѣ бы я
Спокойно кончилъ жизнь. Другаго мнѣ
Не надобно! Я къ мертвымъ такъ привыкъ.

Петро.

Я Королевскимъ именемъ тебѣ
Все обещаю, что ты ни захочешь!
Теперь прощай!... Мнѣ многое еще
Осталось приготовить. До свиданья!

(Уходитъ).

Филиппо.

До скорого свиданія, синьоръ!
Когда бы я былъ настоящій Гвельфъ,
Какимъ Болонецъ каждый долженъ быть —
Объ этой шуткѣ нашему Совету
Я бъ долженъ донести. Что мнѣ до Гвельфовъ,
И что до Гибеллиновъ! Кто они?
Все будущіе трупы! Гибеллина
Иль Гвельфа я спасу, не все ль равно?
А можетъ быть, отъ этого спокойнѣй
И ягче будетъ мнѣ въ гробу лежать!

(Уходитъ).

ОТДѢЛЕНИЕ III.

Д О К О Н Ъ.

Галерея во дворцѣ Энцио. На лѣвой сторонѣ, на катафалкѣ, открытый гробъ, подлѣ него крыша. Смеркается.

ВЫХОДЪ 2-й.

ПІЕТРО и РЕЙНЕРО (въ маскахъ и доминахъ. Вдали по временамъ раздается веселая музыка).

ПІЕТРО.

Спльвѣй гремите, хоры музыкантовъ,
Шумнѣй кипи безумное веселье,
Скорѣй спустись ночь темная на землю,
И скрой побѣгъ и тайну отъ враговъ.

РЕЙНЕРО.

Но все ль готово?

ПІЕТРО.

Все; лишь только бѣ стража
Въ воротахъ пропустила гробъ, а тамъ
Онъ будетъ безопасенъ.

РЕЙНЕРО.

Піетро, я
Боюсь, что если...

ПІЕТРО.

Ты боишься, другъ?...

РЕЙНЕРО.

Да, противъ воли страхъ тѣснится въ грудь,
Я думаю: ты лучше бѣ сдѣлалъ, Піетро,
Когда бы прежде насъ отсюда скрылся
И къ войску поспѣшилъ. Вамъ Галсотти
Сказалъ, что станъ раскинуть недалеко,
Такъ ты бы предупредилъ его
О бѣгствѣ Короля, и если насъ
Здѣсь что нибудь случайно остановить,
И къ утру мы не явимся, тогда
Сбери толпы вопиственныхъ Сардинцевъ
И Короля иди освободить.

ПІЕТРО.

Ты правъ: и осторожность не мѣшаетъ.

Изъ города я выйду раньше васъ.
Но кто же съ Королемъ здѣсь будетъ?

РЕЙНЕРО.

Я самъ пойду за гробомъ Короля;
Я буду охранять!...

ПІЕТРО.

Такъ съ Богомъ, другъ!
А я отправлюсь къ войску.... Вотъ и онъ
Филиппо добрый нашъ!

ВЫХОДЪ 3-й.

Тѣ же и Филиппо.

ПІЕТРО.

Что такъ ты скученъ
Иль нашъ побѣгъ не радуетъ тебя?

ФИЛИППО.

Не радуетъ? Я никогда не прочь
Отъ добрыхъ дѣлъ. Но вотъ мнѣ что на умъ
Пришло теперь: мы гордо въ этой жизни
Кричимъ: мое, мое! А что здѣсь наше?
Какъ поручиться намъ, что не отниметъ
Судьба у насъ того, что мы имѣемъ,
И тотъ бѣднякъ, котораго сейчасъ
Безъ почестей зарылъ я въ темномъ мѣстѣ,
Кажись бы могъ увѣренъ быть, что гробъ
Останется на вѣкъ съ нимъ, но и тутъ
Ошибся онъ. Понадобился гробъ
Живому Королю — и мертвый пахъ
Отдай его, а самъ ложись какъ знаешь
Въ могилу!

ПІЕТРО.

Другъ! но если этимъ онъ
Спасаетъ Короля?

Филиппо.

Конечно такъ;

Но мертвого все жаль мнѣ!

Рейнеро.

Я повѣрю!

Ты съ мертвецами дружень, но тебѣ
Благодарить должны мы всѣ за то,
Что въ обществѣ безмолвномъ и холодномъ
Не разучился ты любить живыхъ!

Петро (показывая ему
кошелекъ).

Возьмико другъ... вѣдь это не награда,
А деньги на дорогу. Мы съ тобой
Увидимся вторично въ Пиаченцѣ.

Филиппо.

Быть можетъ да, а можетъ быть и нѣтъ.
Я ни за что не смѣю поручиться!
Однако ужъ пора, и Королю
Сказать вы потрудитесь, что мои
Могильщики готовы.

Рейнеро.

Я иду

Увѣдомить его (Уходитъ).

Филиппо (подходя къ
гробу).

Для Короля,

Конечно, этотъ гробъ не очень пышенъ!
Нитъ и въ землѣ почеть перель другимъ.
Но только я одно хотѣлъ спросить бы
У гробовыхъ жальновъ съ холодной кровью,
Которые для завтрака насъ ждуть:
Вкуснѣ ль трупъ въ гробу позолоченомъ,
Чѣмъ изъ шести сколоченныхъ досокъ?
Но все же гробъ ему спасеньемъ будетъ!
И мертвый за Болонескими стѣнами
Воскреснетъ вновь для жизни и свободы,
Для вѣсти злымъ врагамъ!... Визка минута!
Неволью страхомъ сердце замираетъ.
Что, если?... Прочь пустыя опасенья!
Онъ нуженъ для отечества, и къ стагу
Богъ пастыря незримо проведетъ.

Петро.

Король идетъ.

Филиппо.

Такъ я пойду теперь

И приведу могильщиковъ моихъ!

Петро.

А я займу гостей куда нашихъ.

(Уходитъ).

ВЫХОДЪ 4-й.

Энцио и Люція (выходятъ съ противо-
положной стороны).

Энцио.

Желанная минута настаетъ!...
Близка моя свобода! Добрый другъ мой!
Ты мнѣ темницы двери отворила,
И вмѣстѣ мы отсюда уйдемъ!

Люція.

Нѣтъ, Государь! Я остаюсь здѣсь.

Энцио.

Ты остаешься?... какъ?... и безъ меня,
Безъ Энцио, о нѣтъ!.. Скажи, что я
Ослышался, что я тебя не понялъ!

Люція.

Я остаюсь, я должна остаться,
Хотя съ тобой разлука тяжела.

Энцио.

Но что жъ тебя здѣсь можетъ удержать?

Люція.

Обязанность, и честь, и мнѣнье свѣта!
Въ твоемъ уединеніи, гдѣ нѣтъ
Два друга лишь съ тобою раздѣляли,
И знали тайну Люшин, спокойно
Тебя могла любить я, не болѣе
Людской молвы; но въ свѣтъ, передъ всеми,
Могу ли я любовь и полъ свой скрыть,
И честь мою спасти отъ оскорбленій?

Энцио.

Я посмотрю кто смѣетъ оскорбить
Тебя, мой другъ, тебя, мою супругу!

Люція (бросается къ
погамъ его. Король
ее поднимаетъ).

О! пощади! нѣтъ!... недостойна я
Высокаго названія супруги!
Мнѣ раздѣлять съ тобой твой свѣтлый саизъ,
Надѣть твою корону, сѣсть на тронъ,

На славный тронъ Сардинскихъ королей,
Изъ дома Гогенштауфеновъ, носить
Побѣдами прославленное имя,
Иль, сиротъ безвѣстной и ничтожной,
Мнѣ, дочери тюремщика твоихъ!...
Нѣтъ, никогда!... Союзомъ недостойнымъ
Ты возбудить негодование можешь
Союзниковъ и подданныхъ твоихъ,
А ихъ любовь тебѣ необходима!
Неровный бракъ твой можеть бросить тѣнь
На имя Государя, а его
Ты чистымъ долженъ будешь подарить
Какойнибудь владѣтельной принцессѣ,
Иль дочери другаго короля!
Она тебѣ въ подарокъ принесеть
И города, и крѣпости, и помощи
Державнаго отца, его союзъ...
А я... что принесу тебѣ въ подарокъ?
Страданьями измученное сердце,
И свѣтомъ опороченную страсть!

Энцио.

О! Люція! Не любишь ты меня!

Люція.

Я не люблю!... Я бь доказать могла
Мою любовь предавши тебѣ,
Но развѣ я ее не доказала,
Отъ трона отказавшись твоего!
Я не люблю тебя! Когда рѣшилась
Отдать тебя другой. О! пощади!
Сомнѣемъ не терзай меня! Мое
И безъ того ужасно положенье.
Я буду думать каждый мигъ: меня
Въ объятіяхъ другихъ онъ забываетъ,
Другой любовь и ласки расточаетъ,
Другая имъ владеть! Въ грѣсахъ сна
Она — она и все она!
Ей все: покой, заботы, попеченья,
А я должна сносить печаль, мученья,
Должна терзать отчаяньемъ себя!...
О! Энцио! Я ль не люблю тебя?

Энцио.

Но если любишь ты, къ чему же намъ
На вѣки разлучаться? И не такъ ли
Какъ смерть, любовь равняетъ состоянья?..

Люція.

Да! но за гробомъ, а не въ этой жизни!

Энцио.

Нѣтъ! ты за мной послѣдуешь, неправда ль?
Скажи, вѣдь это только испытанье?
Болѣзнь, сомнѣнье пламеннаго сердца!
Ты согласишься, о! ты согласишься!..

Люція.

Молчи! Молчи!... мой Энцио!... Король мой!...
Не разрушай намъреній моихъ
И твердости меня ты не лишай!...

Энцио.

И мнѣ тебя оставить, жизнь вести
Въ отчаяньѣ, въ тоскѣ, въ мученьяхъ?... да!
Ты мнѣ сама сказала?

Люція.

Я... о нѣтъ!

Могу ли я печалиться, когда
Узнаю, что ты счастлива, что взошла
Звѣзда твоя высоко надъ землею,
Что снова ты и славень, и могучъ,
Что прель тобой праги твои смирлись,
Что все тебѣ владѣнья возвратились!...
О! какъ гордиться буду я тобой,
Когда молва въ мое удивленье
Мнѣ о тебѣ расскажетъ, мой герой,
О подвигахъ, достойныхъ удивленья,
О новомъ торжествѣ или сраженьѣ,
Когда ко мнѣ дохнетъ славы крикъ:
Великъ король нашъ, Энцио, великъ! —
Отрадную слезой мой взоръ залетѣлъ,
И счастьемъ сердце бѣдное забѣтѣлъ,
И я скажу, восторгъ въ душѣ талъ,
Какъ тотъ великъ, кого любила я!

Энцио.

О! Люція! къ чему тоской терзаться?
Мы не должны, не можемъ мы разстаться!

Люція.

Мы можемъ и должны, — и за тобой
Послѣдовать я не могу, не смѣю!...

Энцио.

Не хочешь ты послѣдовать за мной?
Такъ самъ я за невѣстою моею
Прииду къ стѣнамъ Болоніи съ войной,
И выкуплю тебя моею кровью;
Пусть на меня возстанетъ вся земля —
Я положу къ ногамъ твоимъ съ любовью
Мечъ война и скипетръ короля.
Врагамъ я брошу гордое условье:
Иль смерть принять, или отаать тебя,
Чего король не сдѣлаетъ любя!

Люція.

Нѣтъ! Нѣтъ! не приходи, и дай спокойно
Мнѣ умереть!

Энцио.

Нѣтъ! пусть узнаетъ свѣтъ,

Кв. XXII — 3

Что короля ты, Люція, достойна,
И что тебя прекраснѣй въ мірѣ нѣтъ!

ВЫХОДЪ V.

Рейнеро *(входитъ)*.

Рейнеро.

Какъ, Государь, еще не въ гробъ ты?
Филиппо скоро будетъ.

Энцио.

Это ты,

Рейнеро!.. Подлѣ Люціи моей
Я обо всемъ забылъ... Но гдѣжь онъ?... А?
Вотъ вѣчная постель людей, вотъ наше
Последнее жилище! — не роскошно!
За то спокойно!.. Люція!.. прощай,
Хоть ненадолго! Добрый, милый другъ!
Благодарю за краткія игновенья,
Которыя въ моей печальной жизни
Любовью усладила ты. Прощай!
Ты яркій лучъ, блеснувшій въ мракъ горя,
Звѣзда на небѣ сумрачномъ моемъ,
Плывокъ, разлѣтнѣй между стѣнъ темницы,
Ты, будущаго счастья заря!

Люція.

Прощай! и если намъ судьба судила
Не свидѣться ужъ больше въ жизни этой,
То тамъ, въ отчизнѣ лучшей и небесной —
Я вѣрно встрѣчу первая тебя!

Рейнеро.

Филиппо скоро будетъ, Государь!..

Люція.

Зачѣмъ напоминать намъ о разлукѣ.
Позволь мнѣ насмотрѣться на него,
Въ послѣдній разъ послушаться. Отсюда
Не выйду я, покажется крыша гроба
Его на вѣкъ не скрость отъ меня!

Рейнеро.

Пора, пора!

Энцио *(входя на ката-
фалкѣ)*.

Прими же ты меня,

Холодный гробъ, и скрой въ своихъ объятяхъ!
Въ тебя я бѣднѣйшій пленикомъ ложусь,
Но встану королемъ!..

(Хочетъ лечь въ гробъ).

Люція.

О! погоди!

Еще помедли, хоть одну минуту!..

Рейнеро.

Ты, Люція, погубишь короля!..

Люція.

Молчи! о! для чего сказалъ ты это?...
Мнѣ погубить его? Нѣтъ! я хочу
Сама помочь ему въ гробъ этотъ лечь.

Энцио.

Какъ счастливъ тотъ, котораго любовь
Въ холодную могилу провожаетъ!
Последній поцѣлуй!.. *(цѣлуетъ ее)* что это
значить,

Ты вся дрожишь, щека твоя какъ ледъ?...

Люція.

Прости меня! Не знаю отчего
Тоска и страхъ тѣсняся въ грудь мою...
Мнѣ кажется... такъ этотъ гробъ ужасенъ!
Такъ намъ опасна каждая минута,
Мнѣ кажется, что точно мертвеца,
А не тебя къ груди я прижимаю!..

Энцио.

Какая мысль! Другъ милый, успокойся!
Мы свидимся, прощай!

(Ложится въ гробъ).

Люція.

О, погоди!

Я чувствую застыла въ жилахъ кровь!
Еще одно послѣднее прощанье...
И просьба... да, ты не откажешь мнѣ!..

Рейнеро *(держитъ крыш-
ку)*.

Я слышу шумъ!.. скорѣе, Государь.

Энцио *(приподнимаясь
въ гробу)*.

Постой, мой другъ!.. ты, Люція, хотѣла
Просить меня!

Люція.

О! да, не откажи!

На память нашей горестной любви,
На память нашей тягостной разлуки —
Ты подари одинъ твой локомъ мнѣ!
Его я здѣсь на бѣдномъ сердцѣ спрячу,
И каждый день я стану цѣловать,
И каждый день слезами обливать!..

Одинъ.... король мой!... Энцио!... мой другъ!
А безъ того умру я.... Жизнь моя
Отъ локона теперь зависить, върь мнѣ,
Не правда ль ты мнѣ подарить его?...

Энцио.

Съ охотою.

Люція.

И я сама отрѣжу,
И выберу сама?...

Энцио.

Когда ты хочешь!

Люція.

Рейнеро, дай кинжалъ мнѣ свой!...

Рейнеро.

Клянусь

Ты, Люція, погубишь короля!

Люція.

Опять!... (беретъ у него кинжалъ). Онь мой,
волнистый этотъ локонъ!
Мой Энцио! благодарю тебя!...

ВЫХОДЪ VI.

Пьетро, потомъ Филиппо и четыре
могильщика).

Пьетро (вбѣгая).

Идутъ!..

Рейнеро.

Мой Богъ!

(Захлопываетъ крышу гроба. Изъ подъ
нее виситъ локонъ, который Люція хо-
тѣла отрѣзать. Она роняетъ кинжалъ
и плачетъ).

Филиппо (за сценой).

Сюда, мои друзья!

(Входитъ).

Готово?... (могильщики входятъ). Вотъ и мерт-
вый! осторожный!..

Снесите за ворота вы его!
Синьоры, васъ печальному обряду
Прошу я не мѣшать! Идите съ Богомъ!
До мертваго какое дѣло вамъ?

(Пьетро уводитъ Люцію, которая хо-
четъ бросить къ гробу. Рейнеро ухо-
дитъ за ними).

1-й Могильщикъ.

Что это такъ печалится они?
Кажись покойникъ былъ не знатный, имъ
Не равенъ онъ, а нажъ простой.

2-й Могильщикъ.

О немъ

Вотъ молодой синьоръ-то чуть не плакалъ!

Филиппо.

Чему вы удивляетесь? Пажъ
Изъ нихъ никто бы вѣрно не замѣтилъ
Въ Сардиннн, при тронѣ короля, ои,
А забѣсь, въ пѣлу, заплачешь по неволѣ,
Какъ не съ кѣмъ и промолвить слова имъ-ка!

1-й Могильщикъ.

Что жъ Энцио простится не пришелъ
Съ своимъ нажемъ?

Филиппо.

Теперь не тѣмъ онъ занятъ
На праздникъ онъ веселится; впрочемъ,
О насъ онъ не забылъ.... Вотъ тутъ и вамъ
Доставится, на вашу долю...

(Вынимаетъ кошелекъ).

2-й Могильщикъ.

А!

Вотъ это хорошо! Ему за это
Мы очень благодарны!

Филиппо.

Да! но вамъ
Быть можетъ отъ врага отчины нашей
Братъ деньги съидно!

1-й Могильщикъ.

Ничего! давай!

2-й Могильщикъ.

Что за бѣда!

1-й Могильщикъ.

Вѣдь золото вездѣ

Одно и то же!

2-й Могильщикъ.

Правда!

Филиппо.

Какъ хотите!

Но право я боюсь! это грѣхъ,
Король — и Гибеллинъ, и Папы врагъ.
Отецъ его былъ проклятъ. Интердиктъ
Наложень на него былъ.

1-й Могильщикъ.

Ничего!

Съ твоей души мы снимаемъ этотъ грѣхъ,
Возьмемъ на наши!

Филиппо.

Ну, тогда пожалуй.

Смотрите жъ! Видитъ Богъ, а я тутъ чистъ!
Теперь берите гробъ, да осторожьей,
Не какъ набудь.

1-й Могильщикъ.

Ну, а какое дѣло

Покойнику до этого? Онъ, верно,
Не требуетъ, чтобъ мы съ нимъ обращались
Какъ и съ живымъ.

Филиппо.

Не требуетъ? А ты

Уверенъ въ этомъ?

1-й Могильщикъ.

Мертвымъ ничего

Не надобно!... и ничего они
Въ своемъ жилищѣ тѣсномъ не желаютъ.

Филиппо.

Почемъ ты знаешь? Развѣ ничего
Во снѣ ты не желаешь? Развѣ смерть
Не сонъ? какъ знать! Въ холодной намъ постелѣ
Не то жель будетъ сниться, что и въ теплой?
Да нечего болтать, скорѣй за дѣло —
И съ Богомъ въ путь!

(Могильщики поднимаютъ гробъ).

Вотъ такъ! И пожелайте

Въ мертвому счастливаго пути
И радостнаго воскресеня! (Боже!
Ты помоги снасти намъ короля).

(Уходятъ).

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

ГРОБЪ.

Городскія ворота влутъ вдоль сцены. Посрединѣ широкая арка, съ рѣшетчатыми желѣзными
дверями. По ту сторону порога ходятъ двое часовыхъ и Матео. Въ глубинѣ зданія Болонія.
Ночь; въ воротахъ виситъ фонарь.

ВЫХОДЪ VII.

Матео и двое часовыхъ, потомъ Пиетро

и Люция.

1-й Часовой.

Гс! братъ Джематто, спишь ты, что ли?

2-й Часовой.

Задумался!

Нѣтъ!

1-й Часовой.

О чемъ?

2-й Часовой.

Да обо всемъ!

Вотъ хоть о нашей участи. За что
Мы родились солдатами?

1-й Часовой.

Вотъ вздоръ!

Мы сдѣлались, не родились ими!
По нашей волѣ выбрали мы званье.

2-й Часовой.

Вотъ то-то не по нашей. Бѣдность, братъ,
Да горе аллебарду въ руки дали, —
А безъ того не влялся бъ за все.

1-й Часовой.

Ужъ будто плохо такъ житье солдата?

2-й Часовой.

Да нечего сказать — не хорошо!
Все знатнымъ! Имъ и почести и деньги,
Роскошный столъ и пышныя одежды,
И молодыхъ синьворъ улыбки. Даже
О нихъ всѣхъ больше молятся въ церквахъ.
А намъ — труды, опасности и холодъ
И голодь и петасканный камзолъ,
Кольчуга, аллебарда, шлемъ и мечъ.
Все вправдѣ дѣлать знатные, а намъ
И локоновъ носить не позволяютъ!...

1-й Часовой.

Дуракъ! къ чему тебѣ они? Вельможи
Они теперь отъ бѣды спасаютъ насъ!
Они за насъ и бодрствуютъ и мыслятъ,
Безъ нихъ давно бы въ смутахъ и раздорахъ
Погибъ нашъ городъ. Братья, Джеманно, вѣрь,
Что бремя государственныхъ трудовъ
Кольчугъ и аллебарды тяжелѣе!

МАТТЕО.

Эй! что вы разболтались тамъ? Смотрите!
Сюда подходить кто-то....

1-й Часовой.

Кто идетъ!

(Петро и Люція подходятъ къ воротамъ съ той стороны).

ПИЕТРО.

Я, Пьетро д'Аринелли, и со мною
Пажъ Люціо.

МАТТЕО.

Вы изъ двора? Куда же?

ПИЕТРО.

Есть въ загородной виллѣ дѣло намъ.

МАТТЕО.

Что, маскарадъ ужъ кончился, конечно,
У Энцио?

ПИЕТРО.

Онъ только начался,
Но мы должны его оставить былъ
По порученью короля!

МАТТЕО.

У васъ?

Есть позволенье письменное?

ПИЕТРО (подавалъ ему
свертокъ бумаги).

Вотъ.

МАТТЕО.

Да, все какъ должно! Отворить ворота!
Желаю вамъ, синьоръ, покойной ночи!..

(Петро и Люція проходятъ на авансцену въ ворота, которыя тотчасъ же
за ними затворяются).

ПИЕТРО.

Здѣсь, Люція, должны мы разлучиться!
Я къ войску поспѣшу, а ты?

ЛЮЦІЯ.

Хочу я,

Здѣсь скрывшиися во мракъ, быть незримой
Свидѣтельницей той минуты страшной,
Когда его въ воротахъ останавливать,
И какъ потомъ онъ, въ двухъ шагахъ отсюда,
Свободенъ будетъ!...

ПИЕТРО.

А теперь, прощай!

ЛЮЦІЯ.

Прощай, мой добрый другъ! Благодарю!
Черезъ тебя я Энцио узнала;
Ты ввелъ меня туда, гдѣ жизнь цѣль,
Гдѣ назначенье женщины душою
Я поняла; гдѣ счастлива была!

ПИЕТРО.

И я тебѣ быть долженъ благодаренъ!
Ты чистою, возвышенной любовью
Жизнь грустную украсила его,
Угасшую надежду воскресила,
Бѣжать уговорила короля! —
О Люція — ты Ангель!

ЛЮЦІЯ.

Нѣтъ, мой другъ,

Я женщина! Цѣль женщины — любовь!
Миръ женщины — любовь! Вся жизнь ея —
Одна любовь!... Она сама — любовь!...

ПИЕТРО.

Но мнѣ пора! прости же!

ЛЮЦІЯ.

Пьетро, другъ!...

Теперь любовь оставила его,
Такъ дни его пусть дружба улаживаетъ.
Я Энцио тебѣ препоручаю!...
Ты охраняй отъ бѣдствій короля,
Смотри за нимъ какъ мать, следи какъ тѣнь,
Храни — какъ Богъ, люби какъ я!... Прощай..

ПИЕТРО.

Прощай!

(Уходитъ, Люція подаетъ на кольни).

Люція.

Мой Богъ, услышь же ты теперь
Молитву сироты!... Спаси его!...
Покрой твоимъ крыломъ, и ослеплене
Ты на враговъ недремлющихъ пошл! —
Ты за его свободу, жизнь мою
Возьми. Творецъ!... Къ чему мнѣ жизнь?... А онъ
Для счастья своей отчизны нуженъ,
Для подданныхъ! Не отвергай меня!
Спаси его! Я больше ни о чемъ
Просить тебя не буду въ этой жизни,
Въ несчастіяхъ, въ страданіяхъ — ни о чемъ.
И ни о чемъ въ минуту самой смерти!
Идуть!.. Творецъ! Молитесь за меня
Вы, Ангелы святые!...

(Падаетъ на землю.)

(Въ глубинѣ показывается погребальное
шестье. Впереди Филиппо, за нимъ че-
тыре могильщика несутъ гробъ; за гро-
бомъ идетъ Рейнеро).

ВЫХОДЪ 8-й.

Филиппо, Рейнеро, Могильщики, Энцио
(въ гробу).

1-й Часовой.

Кто идетъ?...

Филиппо.

Нѣтъ! не идетъ, товарищ! противъ воли
Несутъ теперь въ послѣднее жилище
Того, кто былъ когда-то человѣкъ.

Маттео.

Филиппо! Это ты. Зачѣмъ такъ поздно
Ты мертвого хоронишь?

Филиппо.

Поздно? Нѣтъ!

Когда бы вы у мертвого спросили —
Онъ вѣрно бы отвѣчалъ вамъ: очень рано!...
Вотъ наше позволеніе, сеньоръ.

(Подаетъ свитокъ).

Маттео (читая).

Какъ! и сеньоръ Рейнеро самъ за гробомъ
Пажа идетъ! Какаѣ честь ему!
Но это право странно!

Филиппо.

Пажа Уберто

Когда-то спасъ въ сраженіи жизнь сеньору,
И былъ скорѣе другомъ, чѣмъ пажемъ.

Маттео.

Все такъ! Но здѣсь написано: умершій
Былъ пажа Уберто Ламбертаци.

Филиппо.

Да!

Такъ точно! Короля любимый пажа.

Маттео.

Но кто же мнѣ поручится, что онъ,
А не другой лежитъ здѣсь въ гробу!

Люція (которая въ са-
момъ углу аван-
сцены слѣдила
за происходя-
щимъ)

Боже!...

Филиппо.

Что вы сеньоръ! я право удивляюсь.
Какая мысль вамъ въ голову пришла!
Не знаю, изъ живыхъ кто согласится
Здѣсь мѣстомъ помѣняться съ мертвецомъ,
Изъ дружбы вмѣсто друга умереть?
Ужъ сколько лѣтъ знакомъ я съ мертвецами,
Но никогда подобнаго примѣра
Не удавалось видѣть мнѣ!...

Маттео.

Все такъ!

Но мнѣ бы нужно было получить
Для мертвого такое жъ позволеніе,
Подестою подписанное.

Филиппо.

Что вы?

Помилуйте! ужель безъ позволенія
И умереть въ Болоніи нельзя?
Немного же охотниковъ найдутся
Выпрашивать такія позволенія!...
Но вы, сеньоръ, и такъ насъ задержали,
А намъ пора.... Повѣрьте, бѣднягу
Покой давно ужъ нуженъ!

Маттео.

Такъ и быть!

Я на себя беру все!... Отворите!
(Солдаты отворяютъ ворота.)

Люция.

Гремят ключи... скрипитъ затворъ желѣзный!
Свободенъ онъ, благодарю, Творецъ!...

1-й Часовой (въ то время, когда гробъ проносятъ мимо него).

Э! другъ Филиппо! гробъ-то плохо запертъ!
Смотри-ка — локонъ виднѣнъ изъ подъ крыши!...

Люция.

Весильный!...

Маттео.

Локонъ?... гдѣ? что это значитъ?

Стой!

Филиппо.

Что такое?... Локонъ!... Въ темнотѣ
Забыли мы припрятать, вотъ и все!
Ступайте! Мы поправимъ послѣ!...

Маттео.

Стой!

Поставьте гробъ на землю!

Люция.

Боже правый!

Ужель не слышалъ ты моей молитвы?

Маттео.

На землю гробъ! я говорю вамъ!...

(Гробъ опускаютъ).

Филиппо.

Но...

Маттео.

Молчать!... Подайте факелъ!... я хочу
Самъ посмотреть!...

Филиппо.

Что вы хотите дѣлать?...

(Нѣсколько солдатъ выходятъ съ факелами, одинъ свѣтитъ Маттео).

Маттео.

Да, точно!... локонъ. Локонъ у пажа,
Когда запрещено носить ихъ!...

Люция.

Боже!

Маттео.

Когда ихъ пажъ покойный не носилъ!

Его мы знали всѣ... Вотъ это странно!
Я на пажъ хочу послѣдній разъ
Еще взглянуть! Снимите крышу съ гроба!...

Люция.

Вотъ онъ! вотъ локонъ тотъ! Да жизнь моя
Отъ одного лишь локона зависитъ!...

Я погубила Энцио... Творецъ!...

Слабѣютъ силы... Энцио! Прости мнѣ!

(Падаютъ безъ чувствъ).

Маттео.

Что жъ вы стоите? Развѣ не слышали,
Что я вамъ приказалъ? Снимите крышу.

Рейцера.

Какое право ты имѣешь?...

Маттео.

Дерзкій!

Кто далъ тебѣ здѣсь право говорить?

Филиппо.

Но мертвыхъ сонъ священнымъ долженъ быть.

Маттео.

Да, мертвыхъ сонъ, — а не живыхъ!...

Филиппо.

Живыхъ!

Что вы сказать хотите?

Маттео.

Здѣсь живой,

А не мертвецъ лежитъ!... Долой же крышу.

Не то ее велю я разломать!...

Филиппо.

О! небо! что я слышу?... святотатство?

Друзья мои, онъ святотатецъ!...

Маттео.

Прочь!

(Солдатамъ).

Ломайте гробъ!

Филиппо.

И вы рвнитесь тоже?

А громъ небесъ!...

(Солдаты остаются неподвижны).

Могильщики.

Мы не позволимъ... нѣтъ!...

Маттео.

Бунтовщики!... Я самъ зову весь городъ,

Я замысль открою.

(Бросается къ колоколу и бьетъ въ набатъ).

ФИЛИППО.

Все погибло!...

РЕЙНЕРО.

Сюда идетъ Подеста!...

ВЫХОДЪ 9-й

Угоне, и стража съ факелами.

УГОНЕ.

Что за шумъ?

Кто билъ въ набатъ?

МАТТЕО.

Я!

УГОНЕ.

Для чего?

МАТТЕО.

Здѣсь во гробъ

Но ихъ словамъ нажъ короля лежить,
Но я увѣренъ, что живой въ немъ спрятанъ!
Нажи не носить локоновъ, а вотъ
Однихъ виситъ изъ гроба!...

УГОНЕ.

Это правда!

Я видѣть самъ хочу. Откройте гробъ!

ФИЛИППО.

Но нашъ обычай!...

УГОНЕ.

Что мнѣ вашъ обычай!...

РЕЙНЕРО.

Но это невозможно!

УГОНЕ.

Невозможно?

Болоніи Подестъ невозможно?...
Сейчасъ же крышу вы должны сорвать.
(Солдаты дѣлаютъ движеніе).

ФИЛИППО.

Такъ пусть же тотъ ко гробу прикоснется,
Кто не боится страшнаго суда,
Кто хочетъ, чтобы въ тихій ночичасъ

Мертвецъ къ нему являлся изъ могилы
И въ страшномъ святотатствѣ упрекалъ!...

(Всѣ отступаютъ).

УГОНЕ.

Глупцы и трусы! Неужели я
Самъ буду долженъ.

(Хочетъ подойти).

РЕЙНЕРО *(выхватываетъ мечъ у часового).*

Ты умрешь на мѣстѣ!
Лншь шагъ еще!...

УГОНЕ.

Схватить бунтовщика!

РЕЙНЕРО.

Я дорого продамъ вамъ жизнь мою!

УГОНЕ.

Безумецъ! посмотри вокругъ себя,
Ты здѣсь одинъ! Ты не спасешь того,
Кто можетъ отворотить кровопролитье,
Отъ смерти кто тебя избавить можетъ,
И кто боится показаться намъ!

ЭНЦИО *(сбрасывая крышку гроба и поднимаясь).*

Боятся?... Васъ боятся Королю!

Всѣ.

Король!

ЭНЦИО.

Ну, чтожъ? скорѣй несите цѣпи!
Копайте мнѣ могилу въ подземельѣ,
Изобрѣтайте пытки для меня,
И пойте благодарственные гимны
Творю въ церквахъ!

РЕЙНЕРО *(бросаясь къ ногамъ его).*

Король мой, Государь!

ЭНЦИО.

Рейнеро!... другъ!... Ты за меня готовъ былъ
Погибнуть... Благодарю тебя!
Ты, все равно, теперь со мной погибнешь.
Не сожалѣй напрасно обо мнѣ,
Судьба мнѣ измѣнила — но печально
Ты радости враговъ не умножай.
Смотри, какъ всѣ они теперь довольны,
Какъ счастливы! И мнѣ бояться ихъ?
Гдѣ цѣпи тѣ, подъ тяжестью которыхъ

Ослабла бы могучая рука,
 Державшая когда-то тяжкий скипетр?
 Где та тюрьма, въ которой бы король
 Казался только пльникомъ простымъ?
 Где пытки ть, которыя бь могли
 Ослабить духъ, величье унижить,
 Изъ короля лишь человека сдлать?
 Я и въ цбняхъ все буду страшень вамъ!
 И пльникомъ все выше васъ я буду!...

Угойе.

Мы гордость усмиримъ твою! Скорбе
 Схватите вы сообщниковъ его!
 Судить его мы завтра соберемъ,
 И приговоръ ему произнесемъ.

Филиппо.

Погибли мы!

Рейнеро!

И все намъ измбняетъ!

Энцио.

Другъ! счастья Гогенштауфены не знаютъ!
 Спокоенъ я въ несчастии моемъ!

Рейнеро.

Но если смерть...

Энцио:

Умру я — Королемъ!...

(Уходитъ со стражею).

(Завьса опускается).

ДВЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ОТДЪЛЕНІЕ V.

ТЮРЬМА И КОРОНА.

Огромная комната съ высокими сводами. Въ глубинѣ дверь, обитая желзьомъ. Направо окно съ желзьною рьшеткою. Налъво маленькая дверь. Посрединѣ спускъ въ подземелье, огражденный рьшеткою и закрытый плитою.

ВЫХОДЪ 1-й.

Ламберто, потомъ Маттео и стража.

Ламберто (у маленькихъ
 дверей говоритъ
 въ кулису).

Я, общалъ, и этого довольно —
 Надбйтесь на меня! Я человекъ,
 Хоть и тюремщикъ. Сердце у меня
 Доступно состраданью! Успокойтесь!...
 Ну, все готово!... Я помогъ чьмъ могъ,
 Присяги не нарушивъ, противъ чести
 И совьсти не постуная тоже.
 Хоть я и Гвельфъ, Болонеецъ и тюремщикъ,
 Но все же жаьдъ мнѣ Энцио, а тутъ

Къ тому жь еще и просьбы, слезы, деньги—
 Какъ устоять?

Маттео (входя).

Ламберто!

Ламберто.

Кто тамъ?

Маттео.

Я!

Пришелъ узнать готова ли темница?

Ламберто.

Давно!

Кн. XXII.—4

МАТТЕО.

Сейчасъ преступника всдуть!

ЛАМБЕРТО.

Преступника? а чѣмъ же онъ преступникъ?
Хотѣлъ ѡбжаты? Да на его бы вѣстѣ
И всякій то же сдѣлалъ... Намъ Король
Не можетъ быть опасенъ!

МАТТЕО.

Какъ не можетъ?

Ты знаешь ли, что городъ осадилъ
Самъ Галеотти съ войскомъ.

ЛАМБЕРТО.

Ну, такъ что же?

Или не крѣпки стѣны наши? Мы
За ними можемъ выдержать осаду.

МАТТЕО.

Да, стѣны крѣпки, только духомъ слабы
Здѣсь многіе изъ жителей. Измена
Намъ угрожаетъ. Много есть межъ нами
Приверженцевъ, друзей у Короля.
Они кричатъ, что съ пѣвникомъ державнымъ
Болоніи советъ безчеловѣчно
Обходится. А чѣмъ безчеловѣчно?
Онъ большинствомъ былъ осужденъ на смерть,
Но приговоръ ему переменяли....

ЛАМБЕРТО.

И осудили запереть въ темницу,
Сырую и холодную, куда
Свѣтъ солнечный не будетъ доходить.

МАТТЕО.

Советъ ему служителя позволилъ
Итти; конечно, отказались все —
Кому охота въ этой сиротной ямъ
Жизнь проводить съ развѣнчаннымъ влады-
кой?
Но въ этомъ ужъ Советъ не виновать.

ЛАМБЕРТО.

За этиаъ-то вы цѣлые три дня
Его судили?...

МАТТЕО.

Медленность намъ можетъ

Опасна быть. Онъ ничего не знаетъ,
Но Галеотти городу грозитъ.

Мы приняли все мѣры къ оборонѣ...
Какъ знать, кто побѣдитъ!...

ЛАМБЕРТО.

А тотъ, кто правъ,

МАТТЕО.

Вотъ и Король.

ВЫХОДЪ 2-й.

Тъ же и Энціо, со стражей.

МАТТЕО.

Сюда!... тюремщикъ вамъ
Покажетъ въ подземелье спускъ Ламберто,
Ты принесешь извѣстіе въ Советъ,
Когда въ свою онъ спустится темницу.
Я стражу уведу (*Тихо Маттео*). Она нужна
На городской стѣнѣ. Смотри жъ, ни слова!
Нашъ пѣвникъ ни о чемъ не долженъ знать.
(*Уходитъ со стражей. Дверь въ глубинѣ заперается.*)

Энціо.

Спускъ... подземелье: что онъ говоритъ?

МАТТЕО.

Все правда! Вамъ назначено жилище
Далеко не роскошное теперь.
Вотъ здѣсь когда-то былъ колодезь. Въ немъ
Вода пропала, такъ на днѣ его
Устроили темницу....

Энціо.

Понимаю!
Нашоленную гадами, куда
Бросали въ разбойничью яму,
Игитъ я долженъ буду умереть,
Безъ воздуха, средъ жабъ и скорпионовъ?

ЛАМБЕРТО.

Итъ! вы меня не повали. Нашъ замокъ
Построенъ на горѣ. Колодезь былъ
Въ скалѣ извѣстнѣ, и его потомъ
Распространили. Тамъ, на самомъ днѣ,
Двѣ комнаты; вы въ нихъ найдете все,
Что только нужно въ жизни: столъ, скамейки,
Постель и всю домашнюю посуду.

Вамъ стоитъ на пищу лишь стая, и дернута
Кольцо — и вы опуститесь тотчасъ.
Конечно, воздухъ сыръ тамъ и прохладенъ,
Но каждый день я самъ отсюда буду
Вамъ пищу опускать, не Королевскій,
Не пышный столъ, но крайней мѣрѣ, сытный.
Туда несемъ мы наши книги, пѣсни
И лютию, и цветы.

Энцио.

Благодарю!

ЛАМБЕРТО.

Мнѣ одного лишь жаль, что солнца вы
И свѣта не увидите ужъ больше.

Энцио.

Да! это жаль.

ЛАМБЕРТО.

Но вотъ еще что хуже,
Вы воздухомъ сырымъ должны дышать
Въ тюрьмѣ своей...

Энцио.

Да! это точно хуже!...

Но если бы измученный страдаемъ
Я изнемогъ подъ бременемъ болѣзни,
Ужели и тогда, и передъ смертью
На Божій свѣтъ взглянуть мнѣ не позволятъ,
И воздухомъ минуту подышать.

ЛАМБЕРТО (въ смущеніи).

На этотъ случай... что мнѣ вамъ сказать?...
Не получила еще я приказаній.

Энцио.

Я понимаю! Умертвить меня
Боялся они, но чѣмъ скорѣе
Ихъ отъ меня избавить смерть, тѣмъ лучше!
Да, милосердъ Советъ вашъ, признаюсь!...
Отнять онъ жизнь не смѣлъ у Короля
Однимъ ударомъ. Голосъ всей веселной
Заговорилъ бы противъ ихъ тогда, —
Но жизнь мою онъ будетъ отнимать
По капль, убивая по немногу —
И это милосердіемъ зовутъ!
О! Энцио! къ чему твои укоры?
Кто жалобы твои услышитъ здѣсь,
Кто о тебѣ, какъ прежде, пожалѣтъ?..
Друзья мои на казнь осуждены,
На площади ихъ завтра обезглавятъ.
О! какъ я имъ завидую... Была

Одна любовь у Энцио, одна —
Его любила женщина, и та
Покинула забытаго страдальца!
Скорѣй! туда, въ могилу, гдѣ на вѣкъ
Съ надеждами земными я прошуся!..
(Идетъ къ подземелью, но проходя мимо
окона, останавливается).

Прощай, ты, ясный день, ты, солнца свѣтъ!
Ты, чистый воздухъ! Вамъ человекъ
Не дорожить, васъ не считаетъ благомъ,
Высокимъ благомъ въ жизни! А теперь
За васъ бы далъ я царство и вѣнецъ!..
За васъ бы далъ я царство и вѣнецъ!..
Прости же, ты, прекрасная природа,
Прости, ты, ясный миръ, ты, Божій миръ.

(Хочетъ спуститься).

ЛАМБЕРТО.

Позвольте мнѣ еще сказать вамъ слово:
Служитель нуженъ будетъ намъ въ темницѣ,
Советъ его имѣть позволилъ, только
Изъ вашихъ слухъ рывнѣтся ни одинъ
Не могъ за вами слѣдовать.

Энцио.

И я

Не въ правѣ даже требовать отъ нихъ
Такой ужасной жертвы. Кто захочетъ
Здѣсь заживо со мною лечь въ могилу,
Отъ свѣта и отъ жизни отказаться?
Отъ жизни — да! Въ моей темницѣ душевной
Я жить не буду — атоль жизнь... въ гробу,
Безъ радостей, безъ чувствъ и безъ надежды,
Съ желаньями убитыми судьбою,
И съ пустою серцею и душою!
Жизнь есть сосуль — чѣмъ онъ полнѣй, тѣмъ
легче

Нести его, когда онъ опустѣетъ —
Подъ тяжестью его согнется всякій.
Какъ я теперь!..

ЛАМБЕРТО.

Но я нашелъ его,

Служителя, который согласился
Послѣдовать за нами въ подземелье!

Энцио.

Какъ? неужели? Кто же онъ?...

ЛАМБЕРТО.

Бѣднякъ

И круглый сирота. Но жить трудами
Не можетъ! слишкомъ слабъ и неженъ онъ,

А въ праздности не хочеть жить, съ охотой
Служить онъ согласился вамъ!

Энцио.

Но я

Не соглашусь! Мрачную темницу
И эту жизнь я только съ вѣрнымъ другомъ,
Съ надежднымъ раздѣлить бы могъ.

Ламберто.

Но онъ

Объ этомъ просить самъ!...

Энцио.

Я не могу,

Не долженъ согласиться!...

Ламберто.

Такъ позвольте

Ему увидѣть васъ, по крайней мѣрѣ,
Онъ такъ меня просилъ. Вы бѣдника
За предложенье, за его усердье
Хоть ласковой улыбкой наградите,...
Онъ такъ привязанъ къ вамъ!

Энцио.

Да! благодарность

Я долженъ принести ему за это.
Введи его.

Ламберто.

Прому васъ, осторожный!...

Я это только дѣлаю для васъ,
И васъ оставлю съ нимъ.

(Уходитъ).

Энцио.

Что это значить?

—

ВЫХОДЪ 3-й.

Люція (выходитъ изъ
дверей на льво,
въ бѣдномъ муже-
скомъ платьѣ).

Энцио.

О! Люція!

Люція.

Мой Энцио!

(Бросаются другъ къ другу въ объятія).

Энцио.

Творецъ!

Гдѣ взять мнѣ словъ, въ нихъ чувства пере-
лить!

Скажи мнѣ, ангелъ шмыгъ, что здѣсь сонъ:
Мои страданья, иль свиданье наше?

Люція.

Ты думалъ, что тебя покину я,
Что не прійду увидѣться съ тобою?
Скажи же мнѣ: ужели для любви
Затворы и темницы существуютъ?

Энцио.

Прости меня! я обвинялъ тебя!
Стыжусь признаться: я тебя не зналъ!
Да, Люція, и если бъ вѣкъ съ тобою
Мнѣ было суждено прожить, въ тебѣ
Я каждый день возвышенныя чувства
И новыя навѣрно бъ открывалъ.

Люція.

О! я похвалъ твоихъ не стою! Я
Причиною погибели твоей.
Осыпъ меня упреками, карай,
Тебя я погубила!

Энцио.

Что съ тобою?

Ты счастье мнѣ и радость принесла,
Уснувшія надежды разбудила,
Ты бодрость духа возвратила мнѣ,
Напомнила о дняхъ прошедшей славы,
Слетѣла чистымъ ангеломъ въ пустыню,
Вотъ все, что знаю я!...

Люція.

А этотъ локонь,

Онъ погубилъ тебя! Не я ль просила
Его въ залогъ послѣдняго свиданья?
Не я ль моимъ прощаньемъ безконечнымъ
Заставила тебя забыть опасность,
И въ гробъ ты легъ поспѣшно, и снаружи
Остался локонь. Я тогда сказала:
Отъ локона вся жизнь моя зависить!
Сбылись они, безумныя слова!

Энцио.

Ужели радость этого свиданья

Пустымъ воспоминаемъ отравить
Ты хочешь?...

Люция.

Я должна объ этомъ думать!
И мысль, что проклинаешь ты меня....

Энцио.

О, Люция!... Любовь не проклинаетъ!...
Вонзи кинжалъ мнѣ въ сердце, не убийство
То будетъ, если събластъ любовь!
Предай меня на жертву алчачамъ,
То будетъ не предательство, не низость,
Когда лишь это събластъ любовь.
Любовь прощаетъ все, но не измѣну,
А отъ нее мы оба далеки!

Люция.

Я знала! Ты простишь меня теперь,
Но послѣ... будутъ дни тоски и скуки,
Тяжелые, когда ты будешь звать
На помощь смерть, и смерть съ насмѣшкой
Мольбы твои отвергнетъ! Въ эти дни
Ты вспомнишь обо мнѣ, и въ грусти скажешь:
Я бѣ безъ нее теперь свободенъ былъ!

Энцио.

О никогда! клянуся!

Люция.

Не клянись!...
А докажи, что ты меня простила!...

Энцио.

Все, что ты хочешь!...

Люция.

Помнишь, ты недавно
Мнѣ свой престоль и руку предлагалъ,
Тогда еще надежду ты имѣлъ
И царство, и вѣнецъ свой возвратить;
Я Королевой не хотѣла быть,
Но быть теперь хочу твоей супругой!

Энцио.

О, Люция!...

Люция.

Раставиши съ тобой
Я именемъ твоимъ защищена
Отъ искушеній свѣта буду вѣчно,

Я имъ гордиться буду, и съ собой
Возьму его въ монашескую келью,
И вспоминая, что я твоя супруга,
Всѣ радости надменно оттолкну,
Всѣ горести мгновенно позабуду!

Энцио.

Когда ты хочешь....

Люция.

Здѣсь готово все!
Тюремщикъ мной подкупленъ, и монахъ
Насъ въ комнату сосѣдней ожидаетъ.
Онъ обвиняетъ насъ, и мы потомъ
Разставемся. (Отворяя дверь.) Ламберто!

ВЫХОДЪ IV.

ТѢ ЖЕ И ЛАМБЕРТО.

ЛАМБЕРТО.

Я васъ жду!...

Энцио.

Не сонъ ли это?... Ты сама моею
Супругой хочешь быть!

Люция.

Ты къ алтарю
Теперь вести свою невѣсту можешь!...
(Подаетъ ему руку.)

Энцио.

Тебѣ я повинуюсь! ты знаешь!
Не долго мнѣ съ тобою вмѣстѣ быть....
Она близка, ужасная минута!...
Пойдемъ! пойдемъ! тебя къ моей груди
Супругою прижать мнѣ легче будетъ!

(Уходятъ.)

ЛАМБЕРТО.

Уши!... У нихъ зовутъ любовью это!...
Но мнѣ такъ это чистая горячка!...
Охотою въ темницу запереться,
На цѣлый вѣкъ отъ свѣта отказаться!...
Я въ томъ увѣренъ: ровно черезъ мѣсяцъ,
А много черезъ два, они другъ другу
Надобѣдятъ!... Но, только какъ угодно,
Оттуда ужъ не выберется никакъ;
Туда еще пожалуй!... Но осада
Меня однако сильно беспокоитъ;
Я слышалъ страшный гулъ и трескъ тарановъ!..

Чѣмъ кончится все это?... Нѣтъ извѣстья!
 Всѣ на стѣнахъ!.. а мнѣ какое дѣло!
 Пусть вломятся въ нашъ городъ. Короля
 Мнѣ очень жаль. Я, право, буду радъ,
 Когда его освободить успѣютъ....
 Но, кажется, окончилось вѣнчанье.
 Да! такъ и есть.... Онъ ихъ благословилъ,
 Они встаютъ съ коленъ, идутъ сюда!...
 Такъ стало быть мнѣ ихъ оставить можно!...
 Не надобно мѣшать восторгамъ ихъ.

*(Пропускаетъ въ дверь Энцио и Люцію,
 потомъ выходитъ и запираетъ за ними
 дверь. Энцио и Люція входятъ, объяв-
 шись).*

Энцио.

Мой другъ! твоѣ исполнилось желанье,
 И я теперь съ тобой соединенъ!

Люція.

Къ чему же этотъ грустный вздохъ? Ужели
 Тебя нашъ бракъ не радуешь?

Энцио.

О, нѣтъ,

Но вспоминая, какъ мнѣ счастья будетъ кра-
 токъ,
 И какъ близка разлука....

Люція.

Для чего же
 Теперь намъ разлучаться? Укажи
 Мнѣ путь къ твоей могилѣ, мой супругъ,
 И вмѣстѣ мы сойдемъ въ нее. Съ тобою
 У алтаря клялся я все дѣлать!

Энцио.

Какъ? этотъ бракъ?...

(запираетъ) Люція.

Былъ заключенъ съ той цѣлью,
 Чтобы тебя принудить взять меня
 Съ собой въ твоѣ ужасное жилище,
 Ты безъ того отвергнувъ бы меня!...

Энцио.

О Боже! если ея я обмануть,
 Такъ гдѣ же правда въ мірѣ?

Люція.

Ты простишь;
 Да, ты простишь мнѣ эту хитрость?... Я

Теперь тебя покинуть не могу!
 Ты помнишь ли что намъ сказалъ святитель
 Предъ алтаремъ: что Богъ соединилъ,
 Того здѣсь человекъ не разлучаетъ!...
 Тебѣ служитель нуженъ былъ въ темницѣ,
 Возьми меня, возьми твою супругу,
 Она тебѣ служить усерднѣй будетъ,
 А силы ей любовь придастъ!...

Энцио.

Творецъ!

Нѣтъ, это невозможно!... какъ? Тебя
 Лишить всего: природы, свѣта, счастья,
 Съ собою взять въ мой гробъ.... Нѣтъ! нико-
 гда!...

Люція.

Мнѣ отказать ты права не имѣешь.
 Ты жизнь клялся со мною разделить!

Энцио.

Жизнь, но не смерть, не мрачную могилу,
 Ее не всѣ супруги разделяютъ;
 Любовь надъ мертвымъ власти не имѣетъ,
 А для людей, для міра — умерь я.
 Свободна ты!... И изъ моей темницы
 Холоднымъ трупомъ только выйду я!

Люція.

Но я хочу дѣлать твои страданья.

Энцио.

Во гробъ всѣмъ страданьямъ конецъ!

Люція.

Позволь мнѣ близъ тебя, изъ состраданья,
 Хоть умереть — вотъ всѣ мои желанья.

Энцио.

Могилою не дѣлится мертвецъ!

Люція *(падая на колѣ-
 ни)*.

О! Энцио, смотри, передъ тобою,
 Какъ предъ Творцемъ, я падаю во прахъ!...
 Молю тебя: возьми меня съ собою!...
 Ты видишь ли, я вся въ тоскѣ, въ слезахъ!
 Я жизнь влачить безъ Энцио не въ силахъ,
 И пусть меня проститъ Творецъ святой,
 Но если въ разныхъ мы уснемъ могилахъ,
 То я и тамъ не свижуся съ тобой!
 Что безъ тебя мнѣ жизнь? печаль да слезы —
 И жизни цѣнь сама я разорву!
 И это, вѣрь, не тщетныя угрозы —
 Я безъ тебя и дня не проживу!

Энцио (*поднимая ее*).

О, Люция! подумай! въ той могилѣ
Всю жизнь свою ты будешь тосковать.
Одинъ снести печаль найду я силы,
Но за тебя я буду самъ страдать!
Намъ тяжелы мученья будутъ вдвое!
И мысль одна, что я тому виной,
Что я тебя рѣшилъ взять съ собою,
Убѣтъ мое терпѣнье и покой!

Люция.

Нѣтъ, ты не правъ! Несчастье легче вдвое,
Когда двоихъ вдругъ поразить оно;
Дѣлать печаль отрадно. Намъ судьбою
И въ горь утѣшеніе дано!
Къ тому жъ вдвоемъ о чемъ грустить мы бу-

демъ?

И будто мѣръ такъ дорогъ намъ и мѣль?
И будто мы о немъ не позабудемъ,
Когда онъ самъ о насъ давно забылъ!

Энцио.

Ты не увидишь вѣкъ въ темницѣ душевной
Лица людей.

Люция.

Но что мнѣ до людей!

Я ко всему на свѣтъ равнодушна;
Что мнѣ весь мѣръ! Ты мнѣ ихъ всѣхъ милѣй!

Энцио.

Тамъ солнца вновь твой жаждный взоръ не встрѣ-

титъ,

Отъ холода твоя застынетъ кровь.

Люция.

Въ твоихъ глазахъ не солнце ль счастья свѣ-

титъ?

Не жарче ли его твоя любовь?

Энцио.

Но вспомни ты небось далекихъ своды,
Красу полей, синюющій эоэръ?

Люция.

Но для меня ты лучше всей природы —
Въ твоей любви найду я новый мѣръ!

Энцио.

Тебя обхватить мрачная темница...
Ты Божій мѣръ и жизнь не покидай.

Люция.

Мнѣ безъ тебя прекрасный мѣръ — гробница!...
Съ тобой могила будетъ рай,
Молчи! Молчи! Ты все сказалъ, я знаю!...
Но чувства твѣ жъ въ душѣ моей храня,
Смотри, я вновь во прахъ умоляю!

Ужель еще отвергнешь ты меня?

(Падаетъ къ ногамъ его).

Энцио (*поднимаетъ ее
и прижимаетъ
къ груди*).

Судьба! Судьба! Какъ ты добра ко мнѣ!

За жизнь тоски при гробѣ заплатила

Ты эти минуты вполнѣ!...

Ко мнѣ на грудь, на грудь, мой подруга,

О, что мнѣ мѣръ, и небо, и земля!

(Подводя ее къ подземелью).

Вотъ мой дворець! прекрасная супруга,

Передъ тобой все царство короля.

(Становится съ нею на плиту).

Могилою зовутъ владѣнье это!

И насъ она сокровѣтъ отъ людей.

Люция.

Въ могилѣ мы умремъ на вѣкъ для свѣта,

Но для любви воскреснемъ снова въ ней!...

(Энцио держитъ кольцо. Они тихо опу-
скаются. За сценой раздается глухой
шумъ).

ВЫХОДЪ 5-й.

Угоне и Маттео (*выбѣгаютъ изъ глав-*
ныхъ дверей).

Маттео.

Сюда! Враги еще далеко! насъ

Найдутъ не скоро!

Угоне.

Все погибло!

Маттео.

Да!

Сардинцы ворвались въ городъ! Мщенье,
Подеста, мщенье Энцио!

Угоне.

Но какъ?...

Маттео.

Враги не знаютъ гдѣ его темница,

И мы еще успѣемъ отомстить —

Угоне.

Ты правъ! Насъ ожидаетъ смерть — такъ лучше
Умремъ мы вмѣстѣ съ нимъ!... Они хотятъ
Освободить его, такъ пусть же здѣсь
Одинъ холодный трупъ они найдутъ!

Маттео (*подходя къ
подземелью*).

Онъ тамъ!... Что дѣлать?

УГОНЕ.

Завалить колодезь —

Отверстіе его не широко!
Пусть тамъ упреть голодной смертью онъ,
Покаместъ не найдутъ его!...

МАТТЕО.

Какъ можно?

На это пужно время — а у насъ
Его не много! Чѣмъ завалимъ мы?
Другое нужно средство.

УГОНЕ.

Погоди!...

Есть у тебя кинжалъ?...

МАТТЕО.

Съ нимъ никогда

Не разлучаюсь я!...

УГОНЕ.

Въ колодезь можно

Спуститься?

МАТТЕО.

Да! кольцо лишь стоить дернуть—

И вверху плита подымется опять!

УГОНЕ.

Но если самъ онъ станеть на псе?

МАТТЕО.

Его не вижу я! Къ тому же онъ
Теперь не ожидаетъ посѣщенья.
(Дергаетъ кольцо, плита подымается.)

УГОНЕ.

Ты понялъ ли мой планъ?

МАТТЕО (обнажая кин-
жалъ).

Спокоенъ будь!

Я отомщу теперь за насъ обоихъ!
(Становится на плиту).

Ты здѣсь останься! Только, ради Бога,
Смотри же, чтобъ случайно, или нарочно
Веревку эту кто не перерѣзалъ,
Тогда назадъ нельзя вернуться будетъ,
И долженъ буду тамъ остаться я!...
Но Энцио, надеюсь, безоруженъ?

УГОНЕ.

Да, и одинъ!... Чего бояться тутъ?

МАТТЕО.

Чтобъ ни было, врагамъ не открывай,
Что здѣсь онъ скрываетъ.

УГОНЕ.

Клянуся!

МАТТЕО.

До свиданья.

(Опускается.)

УГОНЕ.

Успѣеть ли Маттео?... Шумъ все ближе!...
О какъ я буду радъ имъ отомстить!...
Какъ буду я свѣтяться надъ врагами!...
Идутъ, но если я останусь здѣсь,
Надъ этимъ подземельемъ — я могу
Подать имъ подозрѣнье.... Эта дверь!...
Но кто жъ на верхъ Маттео вновь подниметь?
О! пусть онъ погибаетъ, лишь бы только
И Энцио погибъ съ нимъ за одно.
(Бѣжитъ въ маленькую дверь нальво,
и черезъ минуту вытаскиваетъ оттуда
Ламберто).

ВЫХОДЪ 6-й.

ЛАМБЕРТО, потомъ ГАЛЕОТТИ д'АРЕЦ-
ЦО, РЕЙНЕРО, ПИЕТРО, ФИЛИППО и
Сардинскіе войска.

УГОНЕ.

Что это значитъ? Что ты дѣлалъ тамъ?

ЛАМБЕРТО.

Тюремщикъ я, и видя, что враги
Ворвались въ городъ, спрятался отъ нихъ,

УГОНЕ.

Но ты нашъ разговоръ съ Маттео слышалъ?

ЛАМБЕРТО.

Повѣрьте мнѣ — я вамъ не измѣню!

УГОНЕ.

Ты слышалъ?

ЛАМБЕРТО.

Да! но я клянуся вамъ!...

УГОНЕ.

Ты, можетъ быть, и точно сдержишь клятву,
Но видишь ли: я плохо людямъ вѣрю,
И такъ, для безопасности, на случай...

(Вынимаетъ кинжалъ).

ЛАМБЕРТО (падая на ко-
лѣни).

Помилуйте!... вѣдь я Болонецъ также,
Я врагъ Сардинцевъ! Что же сдѣлалъ я?...

УГОНЕ.

Все такъ!... Но я для пользы Государства
Убить тебя обязанъ.... Не вайся
Въ ногахъ. Мнѣ время дорого.... вставай!...

ЛАМБЕРТО (*ползая у ногъ его*).

Спасите! Помогите!

(*Въ главныя двери вбѣгаютъ Галеотти, Рейнеро, Пиетро, Филиппо и Сардинцы*).

РЕЙНЕРО (*бросается на Угоне и выбиваетъ у него изъ рукъ кинжалъ*).

Стой, бездѣльникъ!

За что его убить хотѣлъ ты?

ЛАМБЕРТО.

Я

Не виноватъ ни въ чемъ?

ПИЕТРО.

Гдѣ нашъ король?

Гдѣ Энцио!

ФИЛИППО.

Синьоръ, теперь не время

Упорствовать. Мы знаемъ что его

Не смѣли умертвить вы!

РЕЙНЕРО.

Признавайся!

Куда его вы спрятали?

УГОНЕ.

Не знаю!

РЕЙНЕРО.

Подеста, помни: жизнь твоя зависитъ
Отъ этого отвѣта!

УГОНЕ,

Я не знаю!

И не скажу!

ЛАМБЕРТО.

Такъ я скажу. Синьоры,

Меня за то убить хотѣлъ злодѣй,

Чтобъ не открылъ я короля темницы.

РЕЙНЕРО.

О, гдѣ онъ? говори?

ЛАМБЕРТО.

Здѣсь, въ подземельѣ!

Его туда злодѣи засадили,

Но что всего ужаснѣе, изъ нихъ

Одинъ сейчасъ туда спустился. Онъ

Вооруженъ былъ, и ему Угоне

Всѣмъ убить тамъ короля.

РЕЙНЕРО.

О Боже!

Скорѣй спасти!...

ЛАМБЕРТО.

Кольцо лишь стоитъ дернуть
И вверхъ плита подымется тотчасъ.

ПИЕТРО.

Но если вѣсто Энцио подымежъ

Его убійцу только мы?

ФИЛИППО.

Не вѣрю!

Богъ справедливъ и правый не погибнетъ!

Онъ Ангела пошлетъ къ нему въ темницу,

И Ангель тотъ намъ Энцио спасетъ.

(*Дергаетъ кольцо, плита медленно поднимается, на ней стоитъ Энцио обнявши Люцію; въ ногахъ ихъ лежитъ трупъ Маттео; грудь Люціи перевязана его шарфомъ. Всѣ бросаются на колья*).

ВЫХОДЪ 7-й.

Энцио и Люція.

Всѣ.

Спасенъ! Спасенъ!

Энцио.

Вы здѣсь, мои друзья,

Я слышалъ сверху ваши голоса,

Но рано такъ не ждалъ увидѣть васъ!

Всѣ.

Да здравствуетъ король нашъ!

РЕЙНЕРО.

Государь,

Какимъ ты чудомъ спасся?...

Вотъ моя

Спасительница — ангель!... Мой убійца

Напалъ нежданно на меня, она

Меня своею грудью заслонила

И приняла ударъ, который мнѣ

Назначенъ былъ; я вырвалъ у злодѣя

Изъ рукъ кинжалъ, и поразилъ его,

Но Люція моя... Ахъ, до сихъ поръ

Я тренещу за жизнь ея!...

Люція.

Ты видишь

Я невредима!... Рана не опасна!...

Но ты спасенъ! Что думать обо мнѣ.

РЕЙНЕРО (*обнажая мечъ, сватываетъ Угоне*).

Злодѣй! и ты рѣшился на убійство!...

Уми же самъ!

Филиппо.

И, ить, синьорь! Къ чему
Вамъ благородный мечъ марать! Спустите
Его туда, куда онъ Короля
Упирталъ самъ!...

Рейнеро.

Ты правъ! Ступай, Угоне,
И посмотри, удобно ль Королю
Тамъ было жить!

(Тащитъ его на плиту).

Угоне.

Я не прошу пощады!

Филиппо.

Да мы и не дадимъ ее тебѣ!
Тотъ, кто поднять на короля рѣшился
Свой мечъ — тотъ святотатецъ и злодѣй,
Того простить — такое жъ преступленье!
Погибни же!

(Дергаетъ кольцо).

Угоне *(проваливаясь).*

Проклятіе!

Филиппо.

Прощай!

Рейнеро.

А чтобъ сюда не могъ онъ воротиться
Я путь ему на землю загражу!
(Переръзываетъ веревку и бросаетъ кольцо въ подземелье).

Энцио.

Намъ снова жизнь и счастье улыбнулись!
О Люція! Теперь ты мнѣ позволишь
Хоть чѣмъ нибудь тебя вознаградить
За все, чѣмъ для меня была ты въ жизни,
За все, что ты мнѣ въ жертву принесла.
Друзья! Вотъ ангелъ — Энцио. Со мной
Она темницу разделить рѣшилась,
Все для меня оставила она,
Она меня къ надеждѣ пріучила,
Мнѣ жизнь мою украсила, спасла
Отъ горя и отчаянья. — Теперь
Я долженъ наградить ее. Друзья!
Она со мной темницу раздѣлила,
Я раздѣлю съ ней паретей мой дворецъ:
Я пышный тронъ даю ей — за могилу,
И за любовь — Сардиніи вѣнецъ!
Все, все тебѣ, божественная дѣва! —
Друзья мои! Вотъ ваша Королева! —
(Всѣ становятся на колѣни. Завьса опускается).

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АКТРИСЫ

О ПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ. (*)

1806 — 1812.

..... Послѣ утомительнаго путеше-
ствия, я достигла наконецъ С. Петербур-
га. Я привезла съ собою изъ Парижа са-
мыя изящныя, самыя модныя вещи. Кто

повѣрилъ бы, смотря на красивую даму,
выходящую изъ кареты, въ кашмировой
шали, въ Итальянской соломенной шляп-
кѣ съ Английской вуалю (тогда наряды

(*) Souvenirs d'une Actrice, par Madame Louise Fusil. Во введеніи къ своимъ воспоминаніямъ, сочинительница говоритъ: «Можетъ ли быть какаѣ судьба страннѣе моей? Воспитанная въ провинціальномъ городѣ, я должна была прове- сти здѣсь жизнь тихую, безмятежную. Революція мгновенно произвела переворотъ въ моей жизни, бросила въ новый міръ, и въ такія лѣ- та, когда мы еще не понимаемъ свѣта. Я была въ родствѣ съ знаменитыми артистами, съ Фле- ри по дѣдушкѣ; съ госпожею Сентъ-Гюберти (Saint-Huberty) по бабушкѣ. Подобное родство

между артистами то же самое, что дворянская грамота, и подѣл покровительствомъ этого род- ства я сдѣлалась довольно замѣчательною пт- вицею. Революція заставила меня удалиться въ Бельгію, но здѣсь я нашла смуты и дру- гою видѣ. Одна Англичанка увезла меня въ Шотландію; опасеніе подвергнутъ въ сіи несча- стныя времена опасности родныхъ, было при- чиною, что я, покинувъ отечество Оссіана и гроты Фингала, воротилась во Францію. Наста- ли дни 10-го Августа и 2-го Сентября. Я по- ѣхала въ Лилль; городъ осажденъ; отправилась

принадлежали къ предметамъ большой роскоши и стоили очень дорого), кто повѣрилъ бы, говорю я, что въ хорошенькомъ ридикюль, который дама держала въ рукѣ, заключалось все ея богатство.... двадцать Голландскихъ червонцевъ, что она была въ восьмистахъ мильяхъ отъ отечества, отъ родныхъ, друзей, въ городѣ, гдѣ не имѣла ни одной знакомой души, потому что всѣ особы, которымъ я была рекомендована, или жили въ своихъ помѣстьяхъ, или путешествовали.

Я не теряла, однако жъ, мужества. Я вспомнила, что передъ отъѣздомъ изъ Парижа, одна дама просила меня доставить письмо сестрѣ своей, модной торговкѣ на Невскомъ Проспектѣ, которая, какъ я надѣялась, могла сказать мнѣ что нибудь о лицахъ, мнѣ необходимыхъ. Добравъ до Мойки, я отпустила карету, такъ какъ надобно было переправляться черезъ каналъ въ лодкѣ. Пока я раздумывала о средствахъ къ объясненію съ переводчиками, незнакомый мужчина, смотрѣвшій на меня очень внимательно, предложилъ мнѣ свои услуги.

Это былъ докторъ Легро, превосходный хирургъ, а что всего лучше, умный человекъ. Послѣ, мы часто смѣялись надъ нашею первою встрѣчею на *крутыхъ берегахъ Мойки*. Докторъ проводилъ меня къ содержательницѣ моднаго магазина, которая приняла меня, какъ добрая соотечественница, осыпала ласками, и сказала мнѣ, что Г. Ла Мезонфоръ (La Maisonfort)

въ Булонь—здѣсь меня арестовалъ Юсифъ Лебонъ; наконецъ опять воротилась въ Парижъ, гдѣ меня ожидали другія событія.

Въ 1806 году я предприняла путешествіе въ Россію, и восемь лѣтъ прожила здѣсь въ спокойствіи, даво мнѣ невѣдомомъ. Но какое ужасное пробужденіе! Тишина сдѣлалась страшною бурей, отъ которой я спаслась какимъ-то непостижимымъ чудомъ. Между тѣмъ, осужденная, вѣроятно, вѣчно идти противъ вѣтра, я

въ городѣ. Я увѣдомила Маркиза, что имѣю къ нему письмо.

Основываясь на томъ, что я помѣстилась у содержательницы моднаго магазина, Г. Мезонфоръ полагалъ, что я пріѣхала въ Петербургъ для опредѣленія въ магазинщицы, и потому не счелъ нужнымъ церемониться со мною. Г. де Ла Мезонфоръ, хотя уже не молодыхъ лѣтъ, принадлежалъ однако къ числу любезныхъ, вѣтряныхъ Французовъ бывшихъ временъ; онъ слылъ умнымъ человекомъ, и написалъ нѣсколько плохихъ піесъ и хорошенькихъ пѣсенокъ. Онъ съ шумомъ вошелъ въ магазинъ. Я вышивала въ софидней комнатѣ.

— Гдѣ же, сказалъ онъ, пріѣзжая дама, которая должна вручить мнѣ письмо? Она могла бы прислать письмо!

Я вышла изъ комнаты, и отвѣчала ему съ достоинствомъ:

— Письмо это писано госпожею де Ла Мезонфоръ, господинъ Маркизъ, и какъ содержаніе его касается собственно меня, то я должна была лично васъ видѣть.

Маркиза осыпала меня въ письмѣ немумѣренными похвалами, и эти похвалы произвели на ея супруга рѣшительное дѣйствіе.

— Я очень счастливъ, сударыня, что Маркиза доставила мнѣ случай сдѣлать что нибудь для особы, которою она такъ интересуется. По свяжемъ своимъ съ Русскимъ обществомъ, я надѣюсь быть вамъ полезнымъ.

Черезъ нѣсколько дней, Маркизъ Ла Мезонфоръ опять пріѣхалъ ко мнѣ. Онъ

была принуждена, чтобы выбраться изъ Россіи, странствовать по льдянымъ озерамъ Швеціи, и уже послѣ многихъ трудовъ и опасностей воротилась въ Парижъ. Изъ Парижа опять судьба кинула меня въ Англію, куда я пріѣхала въ замѣчательную эпоху: я была свидѣтельницею смерти прекрасной Принцессы Шарлоты, пропеса Англійской Королевы и юрпомазанія Георгія IV.

говорил обо мнѣ Генеральшъ К — ай, Княгинѣ К — ной, и особенно Княгинѣ Г — ной, на которой преимущественно основывалъ свои планы касательно моей участи. Княгиня изъявила желаніе познакомиться со мною, и мы поѣхали къ ней на дачу, на Карповку, недалеко отъ города.

— Княгиня премилая дама, сказала мнѣ Маркизь дорогою, и очень образованная; много путешествовала; но въ ней есть что-то оригинальное: она ни въ чемъ не слѣдуетъ обыкновенному порядку. Напримеръ, гости собираются къ Княгинѣ въ полночь, ужинаютъ въ два или три часа утра, а разѣзжаются на разсвѣтъ.

Насъ приняла Графиня В., Полька, жившая у Княгини. Она показала мнѣ послѣ завтрака прелестную дачу, какъ всѣ дачи въ окрестностяхъ Петербурга, а между тѣмъ Княгиня вышла для меня нѣсколько раньше обыкновеннаго. Все, что мнѣ ни говорили о ея наружности, нисколько не было преувеличено. Прекрасные черные волосы, шелковистые, нѣжные, падали локонами на округленную шею; лице было полно прелести и выразительности; при роскошномъ станѣ, Княгиня отличалась непринужденною походкою, а когда она поднимала свои большіе черные глаза, тотчасъ можно было уловить вдохновенный видъ, который придалъ ей Жераръ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ портретовъ. Княгиня приняла меня чрезвычайно ласково и просила прѣзжать каждый день.

Здѣсь познакомилась я съ Княгиницею К. и Графомъ Г., которыхъ такъ любили въ Парижѣ, гдѣ они служили лучшимъ украшеніемъ общества. Любя артистовъ и литераторовъ, они часто бывали на вечерахъ госпожи Лебрень-Виже и живописца Жерара, и сами отличались дарованіями, которыя не всегда достаются въ удѣлъ знатнымъ людямъ. Княгиня была превосходная музыкантша, сочиняла премилые романсы, и играла на многихъ ин-

струментахъ. Графъ былъ пріятный литераторъ, и для любителя очень хорошо рисовалъ.

1806 годъ, проведенный мною въ Петербургѣ, былъ для меня временемъ очарованія, и я спѣшила наслаждаться, какъ бы предвидя, что радости мои будутъ непродолжительны.

Въ Юнѣ, когда почти не бываетъ ночей, прогулки по Невѣ въ Венеціанскихъ гондолахъ такъ восхитительны, что надобно самому испытать ихъ, описывать иѣтъ возможности. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, изобразить чистую, спокойную атмосферу, ландшафтъ, подернутый сумерками, будто легкимъ гасомъ; какъ передать словами роговую музыку, исключительную принадлежность Россіи, которой гармонія далеко раздается по рѣкѣ. Музыкантъ имѣетъ болѣе или менѣе длинный рогъ, издающій тонъ самый низкій или самый высокій, и всѣ тоны средніе; но этотъ инструментъ издаетъ только одинъ звукъ. Роговая музыка исполняется не по истамъ, да это было бы и бесполезно, потому что музыкантъ можетъ незнать и часто не знаетъ, какую ноту онъ возьметъ. Довольно, если главный музыкантъ хорошо считаетъ тактъ, чѣмъ и руководствуются всѣ прочіе, когда дойдетъ до нихъ очередь. Роговая музыка имѣетъ такую очаровательную прелесть, что на извѣстномъ разстояніи нельзя себѣ вообразить состава столь страннаго оркестра. Музыканты отличаются удивительною точностью: они могутъ сыграть всякую музыкальную піесу.

Петергофскій праздникъ, предметъ любопытства всѣхъ иностранцевъ, праздникъ волшебный, гдѣ природа подаетъ руку помощи искусству. Гроты, утесы, кажется, принадлежать очарованному острову: такъ незамѣтно освѣщены они шкаликами, которыхъ блескъ, отражаясь на водѣ, производитъ удивительный эффектъ. Но ни съ чѣмъ несравненна масса воды, стремящаяся съ утеса въ каналъ съ оглушающимъ шумомъ: она образуетъ

сводъ, подь которымъ можно пройти не замочившись. Видъ на иллюминацію сквозь этотъ водопадъ восхитительный. Роговая музыка, разсыпанная въ скрытыхъ мѣстахъ, услаждаетъ слухъ своею гармоніею. Иногда привозятъ изъ Петербурга кордебалетъ изъ воспитанницъ и воспитанниковъ театральной школы, одѣтыхъ нимфами, дриадами, фавнами, сивьянами. Въ маскарадѣ появляется много характерныхъ костюмовъ.

Посмотрѣвшись всего, что можетъ быть любопытно для иностранки лѣтомъ, я дождалась и зимнихъ удовольствій, изъ которыхъ особенно пріятны увеселительныя пѣздки при свѣтѣ луны, или утромъ. Двадцать или тридцать саней отправляются вмѣстѣ; передніе сани съ музыкантами, и цѣлю пѣздки обыкновенно бываетъ дача, гдѣ завтракаютъ или пьютъ чай, смотря по времени.

Едва прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, что я водворилась въ Петербургъ, какъ возникшая война съ Франціею разрушила всѣ мои планы. Большая часть Французовъ, надеясь, что война будетъ непродолжительна, уѣхали, кто въ Гамбургъ, кто въ другія ближайшія къ Россіи мѣста; иные воротились во Францію, а многіе старожилы вступили въ подданство. Артистамъ предоставлена была полная свобода оставаться въ Россіи.

Госпожа Фились-Андрѣ пользовалась тогда общемою любовью публики. Дарованія ея такъ извѣстны, что нѣтъ надобности упоминать о первыхъ опытахъ этой артистки на сценѣ. Кто изъ ея современниковъ не знаетъ, какъ счастливо создала она роль Кези въ *Калифъ Багдадскомъ*, и роль субретки въ *Тетушкѣ Лорроръ*. Сестра Госпожи Фились, Госпожа Бертенъ, весьма замѣчательная драматическая актриса, вышла во второй разъ за Боазальде, Знаменитый композиторъ сей паничалъ въ Россіи нѣсколько прелестныхъ оперъ, привезенныхъ имъ во Францію, напримеръ, *Опрокинутыя Чареты*

(*Les Voitures versées*), *Молодую сердитую женщину* (*la Jeune femme colère*), *Одного за другаго* (*l'Un pour l'autre*), *Телемака*. Въ этой послѣдней пиесѣ, Госпожа Бертенъ была превосходна въ роли Калипсо, а Фились Андрѣ очень граціозна въ роли Эвхарисы, партію которой пѣла восхитительно. Досадно, что подобный сюжетъ, уже извѣстный Парижанамъ, помѣшалъ автору познакомить Французовъ съ прекрасною оперою. То же самое случилось съ *Сандрильоною*, Штейбелта, музыка которой несравненно выше исполненной въ Парижѣ. Современники помнятъ, конечно, и артистовъ комическихъ, Дюкруази, Делины, игравшаго благородныхъ отцевъ на главномъ Французскомъ Театрѣ, Калана, очень хорошаго комика, и другихъ.

Всѣ совѣтовали мнѣ опредѣлиться къ театру; но амплуа, которыя я могла бы исполнять, уже были заняты, а я не имѣла такого голоса, чтобы пѣть на Петербургскомъ Театрѣ, гдѣ диапазонъ былъ четвертью, выше, нежели въ Комической Оперѣ. Эти обстоятельства заставили меня проситься къ Императорскому Московскому Театру; но опредѣленіе мое стоило мнѣ не малыхъ трудовъ.

Зимю 1807 года, я оставила Петербургъ, сопровождаемая общими сожалѣніями знакомыхъ, и сама искренно сожалѣя о прекрасной сѣверной столицѣ. По приѣздѣ въ Москву, гдѣ долженствовало случиться со мною столько необыкновеннаго, я остановилась, до отысканія квартиры, у Г. Лекена, Француза, у котораго останавливались всѣ вновь ангажированные къ театру Французскіе артисты. Г. Лекенъ хвастался, что происходитъ по прямой линіи отъ знаменитаго актера, и безпрестанно твердилъ объ этомъ своимъ новымъ постояльцамъ. Ему кстаті было бы отвѣчать:

Quoi! le ciel a permis
Que ce vertueux père eut cet indigne fils!

Г. Лекенъ не хвастался, впрочемъ, близкимъ родствомъ: онъ почиталъ себя

только двоюроднымъ правнукомъ славнаго Лекена.

У меня было много рекомендательныхъ писемъ къ лицамъ высшаго Московскаго общества. Прежде всего, отправилась я къ Госпожѣ Д., урожденной Графинѣ Б., любезной дамѣ, которая, проведя лучшіе годы жизни при дворѣ Великой Екатерины, отличалась граціею, изящнымъ вкусомъ и пышностію этого двора. Въ Госпожѣ Д., я нашла не только сильную опору, но истиннаго друга: она и все ея семейство иначе не обращались со мною.

Утративъ съ нѣкотораго времени часть своего голоса, я обратила вниманіе на усовершенствованіе среднихъ тоновъ, и особенно на выразительность музыки. Выразительная музыка имѣетъ самое вѣрное влияніе на органы людей, и чтобы понимать ее, не нужно быть знатокомъ. Романсъ требуетъ пріятныхъ словъ; простой, сообразной съ предметомъ музыки, но преимущественно требуетъ выразительнаго пѣнія. Я была въ Москвѣ, когда мнѣ прислали романсъ изъ *Iosufa*. Невозможно описать эффекта, имѣ произведеннаго, равно какъ и дѣйствія Шатобрианова романса *Emigré montagnard* (*). Г. Е. написалъ трогательную музыку, приличную словамъ, и я никогда не могла пѣть романса безъ слезъ. Подобныя свѣтскія дарованія находятъ многочисленныхъ поклонниковъ тамъ, гдѣ они встрѣчаются не на каждомъ шагу. Я привезла изъ Парижа много новыхъ музыкальныхъ піесъ, которыя имѣли большой успѣхъ въ Петербургскихъ гостинныхъ, слѣдовательно должны были нравиться и Москвичамъ. Я скоро сдѣлалась модною пѣвицею; мои пѣсенки производили удивительный восторгъ; ихъ сюжетами наполнялись всѣ альбомы. Тогдашнія пѣсни были картинами рыцарскаго вѣка. Напримѣръ, въ моемъ альбомѣ

мнѣ красовались: *Часовой, оперійся на копье; Отъездъ въ Сирію; Трубадуръ, прижавшій къ сердцу мечъ и арфу.*

Мои ничтожныя дарованія доставили мнѣ входъ въ лучшіе дома. Я преподавала дѣвцамъ декламацию, руководствовала ихъ въ выборѣ книгъ, пѣла съ ними модныя музыкальныя піесы. Когда случался мой бенефисъ или концертъ, дамы всегда раздавали билеты по несравненно высшей объявленнаго цѣнѣ. Въ нашей Французской колоніи было очень много любезныхъ людей; нные попеременно собирались другъ у друга, всякій назначалъ свой день и выбиралъ свое общество. Моимъ пріемнымъ днемъ было Воскресенье, какъ день свободный отъ всѣхъ занятій. Общество мое состояло изъ эмигрантовъ, занимавшихся преподаваніемъ языка и наукъ, купцовъ и артистовъ всѣхъ странъ. Въ особенности должна я упомянуть о Фильдѣ, о дѣвицѣ Першеронъ де Муши и о Тончи, историческомъ живописцѣ, отличномъ художникѣ, человекѣ любезномъ, веселомъ, остроумномъ. Музыкантъ, какъ всѣ Италіяны, Тончи прелестно пѣлъ небольшія аріи своего сочиненія, акомпанируя себѣ на гитарѣ, и писалъ хорошенькія повѣсти въ Боккачьевомъ родѣ. Тончи былъ душею всѣхъ обществъ; но въ нашемъ кругу онъ былъ веселье, непринужденіе, любезіе, не жели въ домахъ вельможъ, гдѣ умѣлъ сохранять достоинство артиста. Сложенный будто академическая модель, съ пронзительными глазами, прекраснымъ ростомъ, Тончи и въ шестьдесятъ лѣтъ, покрытый сѣдинами, одерживалъ побѣды.

Я имѣла притязаніе задавать своимъ гостямъ ужинъ, хотя хозяйство мое было довольно дурно устроено. Дамъ усаживала я за круглый столъ; мужчины помещались гдѣ могли, на углу фортепіано, на туалетѣ, на этажеркѣ съ цвѣтами. Когда начинали говорить о рондо, о дуэтѣ Боазальде, меломанъ Дюкре бросалъ цыпленка, садился за фортепіано и пѣлъ:

(*) *Combien j'ai douce souvenance*

Du joli lieu de ma naissance.

De toi, Frontin, je me défile.

Со стола дамъ ему отвѣчали:

Tu crois dumoins à tes appas:

Comme toi, quand on est joli....

Антополини, извѣстный композиторъ и учитель пѣнія, рассказывалъ однажды за ужиномъ слѣдующій анекдотъ про знаменитаго скрипача Родде. Родде поѣхалъ въ Кіевъ давать концерты. Дорогою, несносная погода заставила его остановиться на ночь въ крестьянской избѣ. Слуга долго стучался, пока наконецъ старуха, настоящая колдунья *Макбета*, не отперла вѣртокъ. Сначала, старуха долго колебалась пустить проѣзжаго, говорила, что у нее всего одна постель; но когда слуга предложилъ ей десять рублей, вѣдьма въ минуту согласилась. Утомленный Родде, не раздвываясь, бросился на низенькую постель. Ночью, протянувъ руку, онъ схватилъ что-то холодное, спрыгнулъ съ постели и нашелъ подъ нею мертвое тѣло. Полагая, что попалъ въ разбойничій притонъ, знаменитый артистъ началъ кричать и ругаться, словно изступленный. На крикъ его прибѣжала старуха.

«Старая вѣдьма! У тебя подъ постелью убитый человѣкъ?»

— Нѣтъ, баринъ, отвѣчала старуха, прости меня, это мой мужъ. Сегодня утромъ онъ померъ, а мнѣ не хотѣлось, когда ты попросился переночевать, выпустить изъ рукъ десяти рублей, вотъ я и запрятала покойника подъ кровать.

Само собою разумѣется, что Родде поспѣшилъ оставить гостепримный кровъ неутѣшной супруги, и не взирая на погоду, пустился въ дальнѣйшій путь.

Упомянувъ о Фильдѣ, я считаю обязанностью посвятить памяти знаменитаго артиста нѣсколько строкъ. Кто изъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи въ 1806 году и принадлежавшихъ къ артистическому міру, не зналъ Фильда и Першерету (*Percheron, Percherette*), столь прекрасно-пропорціональную при маленькомъ ростѣ, Першерету, которой полузакрытые

глаза выражали умъ и лукавство *чертенка* (*blue devil*). Когда Фильдъ пріѣзжалъ на короткое время во Францію, имя его было здѣсь мало извѣстно; но въ мірѣ музыкальномъ онъ пользовался Европейскою славою.

Фильдъ всегда жилъ внѣ своего отечества, но большую часть жизни провелъ въ Россіи, гдѣ могъ бы пріобрѣсти значительное состояніе, если бы не вполнѣ отличался странностью артиста и оригинальностью своихъ соотечественниковъ: эта отличительная черта господствовала даже въ его сочиненіяхъ. Англичанинъ по рожденію, ученикъ Клементи, онъ далеко превзошелъ своего учителя, и въ исполненіи былъ гораздо превосходнѣе Штейбельта.

Фильдъ былъ человѣкъ весьма умный, и его акцентъ, сохраненный имъ во всей чистотѣ, его заиканіе, придавали много комическаго остроумнымъ возраженіямъ. Онъ имѣлъ пріятную наружность; глаза его выражали что-то гениальное; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ разсѣянъ, безпеченъ, лѣнивъ, и едва ли кто могъ подумать, чтобы гениальность скрывалась въ такой беспорядочности. Фильдъ былъ такъ лѣнивъ, что почиталъ большимъ для себя мученьемъ являться въ общество, гдѣ надлежало быть даже не въ полномъ нарядѣ, особенно въ то время, когда панталоны, сапоги, цвѣтные шейные платки, почитались утреннимъ неглиже, и то для выхода къ пріятелямъ. Если же Фильду надобно было играть въ концертѣ или присутствовать при игрѣ ученицы, онъ являлся иногда въ надѣтыхъ на изнанку чулкахъ (въ родѣ добраго Лафонтена), въ бѣлой косынкѣ, одинъ конецъ которой смотрѣлъ въ землю, а другой на небо, въ застегнутомъ черезъ пуговицу жилетѣ; но на все это не обращали вниманія, потому что привыкли къ его фантастической оригинальности. Не смотря на огромную цѣну за уроки, назначаемую для устраненія учениковъ, знаменитый виртуозъ всегда имѣлъ множество занятій.

Богатая Графиня О. принадлежала къ числу любимѣйшихъ ученицъ Фильда, не по своему огромному богатству, объ этомъ Фильдъ мало думалъ, но потому, что она одна обладала истиннымъ музыкальнымъ чувствомъ, и потому еще, что для нея не надобно было артисту заботиться о своемъ туалетѣ. Графиня предоставляла Фильду полную свободу, зная, что такимъ только средствомъ можно принудить его къ точности. Если ей случалось играть съ нимъ на двухъ фортепіанахъ, и если Фильду надобно было показать что нибудь, онъ просто придвигалъ къ себѣ инструментъ Графини, чтобы не вставать съ мѣста. Такія выходки до крайности забавляли ученицъ, и онъ все прощали своему учителю, лишь бы только онъ не отказывался отъ преподаванія.

Отправляясь утромъ на уроки, Фильдъ шелъ возлѣ своего экипажа, а слуга сидѣлъ въ каретѣ или въ коляскѣ до тѣхъ поръ, пока баринъ не смѣнялъ его. Тогда Сень-Жанъ говорилъ важно:

— Къ какой ученицѣ прикажете ѣхать, сударь?

«Куда хочешь!» отвѣчалъ Фильдъ, запкаясь.

Зная, что подобнымъ разговоромъ начинался почти каждый день, многіе подкупали слугу, потому что Фильдъ, если попадалъ въ какой нибудь домъ, часто оставался тамъ на цѣлый день. Онъ входилъ въ переднюю замятенный снѣгомъ, въ бѣлыхъ шерстяныхъ сапогахъ, называемыхъ Московскими, и все это сбрасывалъ куда ни попало.

Не смотря на такую безпечность, Фильдъ былъ влюбленъ (по своему) въ дѣвицу Першеронъ, и женился на ней. Дѣвица Першеронъ также имѣла порядочный запасъ оригинальности, которая мила въ молодости, но которую въ пожилыхъ женщинахъ мужчины называютъ жеманствомъ, а потомъ гримасами. Дѣвица Першеронъ, извѣстная въ обществѣ подъ именемъ Першереты, отличалась магнетическимъ ко-

кетствомъ, привлекавшимъ къ ней многочисленныхъ поклонниковъ, однако жъ была весьма строгихъ правилъ. Хорошо воспитанная, образованная, она принадлежала къ лучшимъ ученицамъ своего жениха, но о порядкѣ, о бережливости, не имѣла ни какого понятія... Два лица, столь сходныя между собою во всѣхъ отношеніяхъ, не могли положить основнаго камня счастливой семейной жизни. Противоположности необходимы: разсудительная жена могла бы имѣть надъ мужемъ болѣе власти.

Фильдъ игралъ и сочинялъ только передъ тѣмъ временемъ, когда назначались его концерты, но и въ этомъ случаѣ, пріятелямъ его стоило много трудовъ усадить артиста за работу. Прежде всего, Фильдъ приказывалъ принести себѣ стаканъ грогу (онъ часто пилъ грогъ, однако не пивался), и засучивалъ рукава. Въ эту минуту, дѣивый человекъ превращался въ артиста, во вдохновеннаго композитора; онъ писалъ п., подобно сивиллѣ, отбрасывая свои листочки, которые друзья приводили въ порядокъ, что было нелегко, потому что, вмѣсто нотъ, артистъ набрасывалъ какія-то черточки. Гений Фильда воспламенялся постепенно до такой степени, что переписчики едва успѣвали слѣдовать. Затѣмъ, композиторъ пробовалъ набросанныя на бумагу мысли; фортепіаны становились тогда подъ его пальцами необыкновеннымъ инструментомъ. Въ три или четыре часа утра, онъ падалъ наконецъ утомленный на диванъ, и засыпалъ; утромъ, напившись кофе, снова принимался за работу. Тутъ отнюдь не должно было говорить съ Фильдомъ, даже о дѣлахъ необходимыхъ; друзья артиста, зная это, соблюдали благоговѣйное молчаніе. О концертныхъ сборахъ Фильдъ меньше всего заботился; билеты раскупали у него заранѣе, и платили весьма щедро.

Слава Фильда разнеслась бы гораздо далѣе, если бы онъ захотѣлъ путешество-

вать; но его съ трудомъ могли отправить изъ Москвы въ Петербургъ, и то спустя нѣсколько времени послѣ брака, когда, по примѣру Вельзевула, онъ рѣшился бѣжать отъ госпожи Гонесты.

Одинъ изъ душевныхъ друзей Фильда, принадлежавшій къ нашему обществу, былъ знаменитый арестъ Адамсъ, также Англичанинъ. Адамсъ всячески старался разстроить бракъ съ Першеретою, и особенно опирался въ своихъ доводахъ на ея кокетство, утверждая, что она присмирѣла единственно потому, чтобы выйти за извѣстнаго артиста, и что если онъ, Адамсъ, захочетъ серьезно поволочиться, то Першерета будетъ слушать его благосклонно. Въ продолженіе этого разговора, Фильдъ курилъ сигару съ удивительнымъ хладнокровіемъ, а вспыльчивый Адамсъ бѣсился. Наконецъ, они побились объ закладъ; но какъ ни тотъ, ни другой, никогда не имѣли денегъ, то положено было троемъ: Фильду, Адамсу и Ромбергу дать постомъ концертъ, въ сборъ котораго должна была участвовать дѣвица Першеронъ, также нуждавшаяся въ деньгахъ, хотя она довольно пріобрѣтала уроками. Артисты согласились собла купитъ все нужное для туалета Першереты; но если Адамсъ привлечетъ ее на свою сторону, тогда онъ платитъ одинъ, въ противномъ случаѣ, Фильдъ. Ромбергъ, не игравшій ни какой роли въ этомъ дѣлѣ, ни о чемъ не заботился.

Не смотря на трехмѣсячный срокъ, Адамсъ надѣялся успѣть въ своемъ волочитствѣ, почитая этотъ срокъ болѣе нежели достаточнымъ; но вышло иначе. Чтобы вознаграждать себя за неуспѣхъ, онъ вздумалъ позабавиться надъ своимъ другомъ, и испытать, до чего можетъ простираться его хладнокровіе. Однажды утромъ, Адамсъ является къ Фильду. Фильдъ, по обыкновенію, лежалъ на диванѣ, и имѣя возлѣ себя стаканъ грога, курилъ съ важностію *идала*.

— Ну, любезный другъ, сказалъ Адамсъ,

положивъ шляпу и перчатки на столъ; ты былъ такъ увѣренъ, а я зналъ очень хорошо, что эту кокетку побѣдить не трудно.

Фильдъ продолжалъ курить, не отвѣчая ни слова и не двигаясь съ мѣста. Это безстрастіе взволновало Адамса и заставило его высказать такія необыкновенныя, такія положительныя вещи, что Фильдъ, вскочивъ наконецъ съ дивана, закричалъ:

— Ты купишь платье.

Въ ту же минуту отворилась дверь, и вошла дѣвица Першеронъ: ей надобно было брать урокъ. Адамсъ помиралъ со смѣху; взбѣшенный Фильдъ, раскрасившись столько, сколько обыкновенно былъ блѣденъ, жестоко заикался, и дѣлалъ страшныя усилія, чтобы произнести нѣсколько словъ. Съ трудомъ убѣдилъ Адамсъ своего друга, что пошутилъ надъ нимъ.

Случай этотъ разнесся по городу и превратился въ поговорку: «*Онъ купитъ платье,*» повторялось часто при подобныхъ происшествіяхъ.

Задуманный концертъ, къ несчастію, не состоялся. Дѣвица Першеронъ заболѣла серьезно, а когда начала выздоравливать, Адамсъ впалъ въ горячку, бывшую слѣдствіемъ неосторожности: Русскимъ климатомъ нельзя шутить безнаказанно. Къ Адамсу Фильдъ питалъ сильную привязанность; онъ былъ его соотечественникъ; они умѣли цѣнить другъ друга, при всей противоположности своихъ характеровъ, а можетъ быть, и по этой самой причинѣ. Однажды, совершенно одѣтая, я ожидала Фильда, чтобы ѣхать съ нимъ въ одинъ домъ. Когда онъ явился, я спросила о здоровьѣ его друга. Фильдъ не отвѣчалъ ни слова, и желая скрыть слезы, опустилъ голову на грудь. Дѣвица Першеронъ спросила своего будущаго супруга нѣжнымъ голосомъ:

— Что съ вами? Развѣ Адамсу не лучше? Не надобно такъ тревожиться. У

него искусный врачъ, и въ его лѣта легко выздоровѣть.

Фильдъ посмотрѣлъ на Першеронъ съ тѣмъ изумленнымъ видомъ, который былъ довольно обыкновеннымъ выраженіемъ его глазъ, и сказалъ:

— Какъ выздоровѣть? Вѣдь онъ умеръ!

Если бы это горестное извѣстіе не поразило насъ, мы, изумленные оригиналь-

нымъ отвѣтомъ артиста, въ первую минуту готовы были захохотать. Ужасно было узнать о смерти молодого человѣка, отличавшагося великими дарованіями, и погибшаго жертвою неосторожности. Адамсъ больше всѣхъ имѣлъ власти надъ Фильдомъ, и часто удерживалъ его отъ глупостей и обмановъ, которымъ знаменитый виртуозъ легко поддавался.

(Окончаніе впереди).

СИЛЬВІО ПЕЛИКО.

Драматическая Литература Италіи намъ мало извѣстна. Страна музыки, живописи и ваянія мало дала Европѣ образцовъ драматургіи. Древній Римъ былъ слишкомъ воинственъ, чтобъ заниматься театромъ; когда же роскошь и развратъ начали готовить его паденіе, онъ предпочелъ подражать Грекамъ, нежели убыточиться собственными гениями. Сенека, Теренцій и Плавтъ были самыми бѣдными подражателями Софокла, Аристофана и Менандра. Изъ новѣйшихъ же одинъ Альфieri имѣлъ самобытное дарованіе, и то только по нѣсколькимъ удачнымъ сценамъ, нѣсколькимъ сильнымъ характеристамъ и сжатому слогу; но ни одной піесы, могущей стать наравнѣ съ произведеніями Шекспира, Шиллера и классической Французской Школы! Любопытно было бы философски изслѣдовать причину этой бѣдности. Почему страна рос-

копнѣйшей природы, созданная для сильныхъ ощущеній, давшая Европѣ Данта, Аріоста, Петрарку, Тасса, такъ скудна на драматическихъ писателей? По нашему мнѣнію, это наиболее оттого, что ни Италіи, ни Италіянскаго языка нѣтъ. Есть Неаполь, Пиемонтъ, Тоскана, Венеція, Римъ, и столько же различныхъ нарѣчій, но общаго отечества, общей исторіи, общаго языка у нихъ нѣтъ. Вся исторія этихъ двадцати областей основана на вѣковой распрѣ Гвельфовъ и Джибеллиновъ. Папа и Императоръ, какъ положительная и отрицательная электрическая силы, безпрестанно привлекали и отталкивали всѣ города Италіи. Наполеонъ ихъ помирилъ наконецъ, и кто знаетъ, что было бы съ Италіею, еслибъ этотъ человѣкъ остался властителемъ полу-Европы? Но онъ палъ, и для Италіи настала новая эра. Нѣсколько времени южные умы бродили, всныхи-

вали, но наконецъ все успокоилось. Австрійскій орелъ изглаживаетъ прошедшее и примиряетъ настоящее.

Между всѣми знаменитостями литературной Италіи прославился наиболѣе, въ послѣднее время, *Сильвіо Пелико*; но знаменитостію своею онъ едва ли не больше обязанъ десятилѣтнему своему заключенію въ крѣпости Шпильбергъ, нежели дѣйствительному дарованію. Долговременныя страданія его послужили ему пѣдесталомъ; Европа заговорила о немъ съ энтузіасмомъ; всѣ видѣли въ немъ мученика за литературу, и когда у насъ, вѣроятно, не знали бы о произведеніяхъ творца *Франчески ди Римини*, мы вспомнимъ о немъ по трогательному описанію: *Мои темницы (le mie prigione)*.

Сильвіо Пелико родился въ Пиемонтѣ, въ 1789 году. Отецъ его, Онорато Пелико, служилъ при почтахъ, а наконецъ завелъ шелковую фабрику въ Пиньероль, которая однако же упала. Тогда по всей Италіи разлились идеи Французскихъ демагоговъ, но отецъ Сильвіо былъ приверженцемъ монархическаго правленія, и доказывалъ это не одинъ разъ. Мать Сильвіо была Савоярка, и любовь ея вложила въ душу его тѣ сѣмена нѣжности, чистоты и вѣры, которыя составляли главные черты его характера. Съ первой минуты своего существованія, Сильвіо осужденъ былъ на страданія. Родясь двойнишникомъ съ сестрою, онъ обреченъ былъ докторами на смерть: только чудеса материнской заботливости спасли его; но, какъ бы насильно вырванный изъ рукъ смерти, онъ всегда казался слабымъ и больнымъ. Все дѣтство свое провелъ онъ, испытывая всѣ возможныя болѣзни, одну послѣ другой, и эта тѣлесная слабость заранѣе расположила его душу къ задумчивости, мечтательности и мистицизму. Вотъ что онъ самъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ:

«Вѣчныя болѣзни, всегдашняя печаль обременяли меня съ малолѣтства. Другіе дѣти бѣгали, прыгали и рѣзались во-

кругъ меня, какъ бы гордясь своими силами и красотою, а я сидѣлъ погруженный въ задумчивость, или страдалъ смазками, которыхъ причина была тайною для всѣхъ.... Иногда мнѣ казалось, что я съ другими вмѣстѣ хотѣлъ радоваться, но на меня всѣ глядѣли съ такимъ состраданіемъ, что я бѣжалъ и скрывалъ слезы въ уединеніи.»

Первымъ воспитателемъ Сильвіо былъ священникъ, и, однако же, не смотря на это, въ немъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ развилась страсть къ театру. Онъ игралъ на домашнихъ театрахъ маленькія піесы, которыя сочинялъ его отецъ. Когда въ руки къ нему попалъ переводъ Оссіана, онъ спѣшилъ самъ составить Каледонскую трагедію, которую однако же никогда потомъ не показывалъ.

Ему было шестнадцать лѣтъ, когда отецъ его переѣхалъ въ Туринъ. Тутъ театральныя его занятія продолжались по-прежнему; семейная ихъ труппа даже увеличилась, и одна четырнадцатилѣтняя дѣвушка, Карлотина, которая часто играла съ Сильвіо, внушила ему первую страсть молодости, которая всегда сильна и безразсудна. Къ несчастію, смерть скосила этотъ юный цвѣтокъ, но онъ всю жизнь свою сохранилъ о ней самое нѣжное воспоминаніе, и, подобно Данту, который не забывалъ своей Беатриче и въ самомъ адѣ, тѣнь Карлотины невидимо являлась Сильвіо, чтобъ утѣшать его въ стѣнахъ Шпильберга.

Въ это время, по милости Французовъ, Туринъ былъ республикою, и Онорато Пелико, не смотря на свои монархическія правила, ходилъ однако же въ народныя собранія и водилъ туда своего сына. Тамъ Сильвіо получилъ сѣмена тѣхъ идей, за которыя потомъ такъ дорого долженъ былъ заплатить.

Нѣскольковремени спустя, Сильвіо оставилъ Италію, и переѣхалъ въ Лионъ, къ Г. Рюбо, дядѣ своему по матери. Тамъ образъ жизни его вдругъ перемѣнился.

Онъ вступилъ въ свѣтъ, полюбилъ общество, и былъ вездѣ хорошо принятъ. Тамъ онъ занялся Французскою Литературою, и страстно полюбилъ Корнеля, Расина и Вольтера. Этотъ періодъ жизни былъ самый счастливый и веселый для Сильвіо; онъ сохранилъ о немъ самое живое и пріятное воспоминаніе. Черезъ тридцать лѣтъ потомъ восклицаетъ онъ:

Dou'è mia gioventu? Dove i beati
Anni d'amor, del Rodano appo l'onde?

(Гдѣ моя молодость? Гдѣ счастливые годы любви, проведенные на берегахъ Роны.)

Онъ, конечно, соболѣзнуетъ о безвѣріи Французовъ, о дурныхъ книгахъ, которыя ему давали читать, о закоснѣлости собственнаго сердца и о гордости своихъ мыслей; но онъ утѣшается при воспоминаніи, что Наполеонъ вдругъ возстановилъ католицизмъ. «Посреди мрака, въ которомъ мы блуждали (говоритъ онъ), небесный свѣтъ вдругъ озарилъ насъ!» Впрочемъ, эти благочестивыя идеи выражены имъ были уже гораздо позже, когда мистицизмъ поглотилъ всѣ прочія его способности.

Уже четыре года жилъ онъ въ Лионѣ, наслаждаясь своею молодостью, какъ вдругъ въ душѣ его произошла внезапная перемѣна. Имъ овладѣла тоска по родинѣ. Онъ сдѣлался печаленъ, задумчивъ, взоры его безпрестанно обращались къ сторонѣ Альпъ. И что же произвело эту внезапную перемѣну? Тогда въ Италіи явилась поэма: *Гробницы*, Фосколо, и экземпляръ, попавшійся въ руки Сильвіо, былъ для него пѣсню пастуховъ, подъ которую Швейцарцы плачутъ о своей родинѣ, когда живутъ далеко отъ нее. Онъ сталъ проситься у отца опять въ Италію, и тотъ велѣлъ ему воротиться.

Семейство Пелико жило тогда въ Миланѣ; гдѣ Онорато занималъ значущее мѣсто къ военномъ министерствѣ. Сильвіо, по прибытіи своемъ, былъ определенъ Профессоромъ Французскаго языка въ военно-сиротскій институтъ, и съ тѣхъ

поръ совершенно предался поэзіи. Тогда въ Италіи владычествовалъ Евгенийъ Богарне, и Миланъ была его столица. Это были Аэны Италіи, а Монти и Фосколо оспаривали другъ у друга первенство въ литературѣ. Молодой Пелико колебался нѣсколько времени между этими двумя корифеями, но наконецъ какая-то симпатія сблизила его съ Фосколо, и онъ сдѣлался его другомъ. И Монти, съ своей стороны, принялъ его хорошо, но Пелико былъ разочарованъ на его счетъ, прочтя *Цибальдоне*, гдѣ мысли и стихи всѣхъ возможныхъ поэтовъ были собраны въ кучу и изданы подъ именемъ Монти. При томъ же, первое впечатлѣніе говорило въ пользу автора *Гробницъ*, который своими стихами заставилъ его почувствовать тоску по родинѣ. Фосколо былъ крутого нрава, но Пелико предпочиталъ непреклонную его гордость и любовь къ независимости свѣтскому сентименту и блестящему пустословію Монти.

Фосколо и Пелико вскорѣ до того сблизились, что составили между собою родъ литературнаго союза. Они раздѣлили между собою періодъ Среднихъ Вѣковъ, чтобъ выставить его, Фосколо, на сценѣ въ нѣсколькихъ трагедіяхъ (изъ которыхъ онъ оставилъ намъ обращикъ въ пьесѣ *Ричарда*), Пелико же, въ небольшихъ поэмахъ, подъ названіемъ *Кантики*. Между тѣмъ, однако же, Пелико работалъ и особенно. Онъ написалъ трагедію *Лаодомію*, изъ древней Греческой Исторіи. Когда же дебютировала молодая двѣнадцати-лѣтняя актриса, которая въ послѣдствіи сдѣлалась знаменитою подъ именемъ *Маркіони*, Пелико былъ такъ восхищенъ ею, что тотчасъ же сочинилъ для нея: *Франческу ди Римини* (*).

(* У этой Маркіони Пелико, въ первый разъ, встрѣтилъ Марончелли, котораго въ послѣдствіи нашелъ въ крѣпости Шильбергъ. Какой контрастъ двухъ свиданій!

Когда пьеса была окончена, онъ отнесъ ее къ Фосколо и далъ ему прочесть. «Пьеса твоя—рѣшительная ошибка, другъ мой,» сказалъ онъ мнѣ по прочтеніи. «Оставь бѣдную Франческу въ аду (Данте), а трагедію свою брось въ огонь. Не трагидіи мертвецовъ Данта, они перепугаютъ всѣхъ живыхъ.»

На другой день Пелико отнесъ къ строному своему другу *Лаодамію*. «Вотъ это дѣло другое!» сказалъ ему Фосколо, прочтя ее. «Это прекрасно!» Авторъ не послушался однако же приговоровъ своего оракула; онъ поступилъ напротивъ, *Лаодамію* бросилъ въ огонь, а *Франческу* отдалъ на сцену, гдѣ она была принята съ большимъ восторгомъ (Маркіони играла *Франческу*) и составила первоначальную славу Пелико.

Не смотря на эту ошибку въ приговорѣ, Пелико не переставалъ любить и уважать Фосколо. Одного только не могъ онъ простить ему: это идеи безвѣрія, которою Фосколо былъ зараженъ и которая для Шпильбергскаго кающагося грѣшника была всегдашнею преградой между двумя друзьями.

У Сильвіо былъ еще одинъ другъ, о которомъ онъ часто упоминаетъ въ своихъ стихахъ. Это знаменитый Вольта, который, по словамъ Пелико, былъ не похожъ на Фосколо въ религиозномъ отношеніи, будучи самымъ набожнымъ Католикомъ. Онъ даже превосходилъ самого Пелико, который сознается, что Вольта не разъ укрощалъ его сатирическіе порывы. «Бѣшеная поэзія (*poesia agghiata*) не исправляетъ никого, говорилъ онъ ему, а привычка говорить зло о другихъ ожесточаетъ собственное сердце и дѣлаетъ человека злымъ. Лучше смягчай свою душу христіанскими добродѣтелями и смиреніемъ.—Сильвіо послѣдовалъ этому совѣту; и написалъ Кантику: *Арольдъ и Клара*, гдѣ сестра прощаетъ убійцу своего брата и принуждаетъ отца своего сдѣлать то же во имя Спасителя. Самъ Сильвіо дол-

женъ былъ со временемъ подать великій примѣръ прощенія врагамъ своимъ, но Вольта не дожидъ до этого. Онъ умеръ въ 1826 году, а въ это время Сильвіо сидѣлъ еще въ Шпильбергѣ.

Политическія событія снова произвели перемѣну въ жизни Пелико. Орелъ Наполеона уступилъ мѣсто орлу Австріи, и семейство Пелико должно было отправиться въ Туринъ. Одинъ Сильвіо остался въ Миланѣ, гдѣ занимался воспитаніемъ дѣтей Графа Порро. Это была самая счастливая эпоха въ его жизни. Графъ любилъ его какъ брата, какъ сына; домъ Порро былъ мѣстомъ собранія всѣхъ значительныхъ людей Ломбардіи и проезжающихъ знаменитостей. Тамъ Пелико познакомился съ Г-жею Сталь, съ Шлегелемъ, Деви, Брумомъ, Гобгоусомъ, Торвальдсеномъ и въ особенности съ Бейрономъ. «Этотъ великій геній (говорилъ о немъ Сильвіо), который съ такою несчастною неразборчивостью то прославлялъ пороки, то поклонялся добродѣтели, то искалъ истины, то воспѣвалъ ложь и заблужденіе.» Онъ оставилъ намъ много подробностей о Бейронѣ, которыя очень любопытны, тѣмъ болѣе, что уже писаны тогда, какъ Сильвіо обратился къ мистицизму. Вотъ, на примѣръ, что говоритъ онъ:

«Раздражительный, но великодушный Бейронъ былъ весьма склоненъ къ меланхолии и даже къ мизантропіи. Чтобъ избавиться отъ нихъ, онъ мнѣ говорилъ, что у него есть единственное на то средство, а именно, — обратить всѣ свои помысленія на великихъ людей древности. Первый, который всегда представлялся его воображенію, былъ Моисей, Моисей, который боговдохновеннымъ геніемъ своимъ возстановилъ униженный народъ, спасъ его отъ порабощенія, идолопоклонства, далъ ему мудрые законы, однимъ словомъ, который составилъ духовную связь между религіею патриарховъ и откровеніемъ. Добродѣтели

и познанія Моисея родили въ послѣдствіе у Евреевъ всѣхъ великихъ людей, воиновъ, царей, пророковъ. Когда я думаю о какомъ нибудь великомъ человѣкѣ, Моисей непременно первый приходитъ мнѣ на умъ, и я съ восторгомъ повторяю прекрасный стихъ Данта:

Che di vederli, in me stesso m'esallo!
(Когда гляжу на нихъ, я весь восторга полнъ!)

Извѣстно, что Пеллико перевелъ *Манфреда*, а Бейронъ, въ свою очередь, чтобъ отплатить ему подобною же учтивостію, перевелъ *Франческу*.

Такимъ образомъ, Пеллико жилъ въ наилучшемъ обществѣ. Всѣ знаменитости Германіи, Англіи и Франціи являлись передъ нимъ, а Италия вся приносила дань своихъ дарованій дому Графа Порро. Романьози, Жіюа, Манцони, Гросси, Берке и даже нѣсколько политическихъ лицъ, какъ напримѣръ Конфалоньери, были дружески приняты у Графа. Это собраніе столькихъ умовъ и дарованій внушило Пеллико мысль издавать журналъ, который бы служилъ Литературнымъ Сборникомъ всѣхъ мыслящихъ головъ и художниковъ Италиі. Вотъ какимъ образомъ родился *Примиритель*.

Нужно ли говорить, что цѣль журнала была совершенно литературная. Никому изъ этихъ людей не приходило въ голову бороться съ обстоятельствами, совершившими переворотъ въ Европѣ.

Въ то же самое время Пеллико открылъ подписку на составленіе большой исторіи Италиі. Особенное общество основалось для этой цѣли. Тысячи подписчиковъ явились для содѣйствія, и на Карла Ботта возложена была редакція этого памятника Италианской національности.

Между тѣмъ, ни заботы изданія *Примирителя*, ни матеріальные труды этой исторіи не мѣшали Сильвіо заниматься драматическими сочиненіями. Въ это время онъ написалъ *Eufemio di Messina*. Это почти то же, что библійскій сюжетъ Юдины, съ тою разницею, что Сицилій-

скій Олофернъ — Евфимій, не вражескій вождь, а собственный мужъ Лудовики, которая его умерщвляетъ. Не смотря на всю невпичность содержанія пьесы, тогдашнія обстоятельства всеобщаго броженія умовъ заставляли цензуру быть строгою, и она не иначе позволила *напечатать* трагедію Пеллико, какъ съ условіемъ, что она не будетъ *представлена на театръ*.

Мало по малу эта строгость распространилась и на столбцы *Примирителя*. Цензура вымарывала многое; авторы, вмѣсто вымараннаго, ставили цѣлые столбцы точекъ, и Италианское воображеніе читало въ этихъ безмолвныхъ точкахъ во сторазъ болѣе, нежели сочинителямъ могло прійти въ голову. Вдругъ въ одно утро, журналъ и совсѣмъ не явился. Вся жизнь его продолжалась съ небольшимъ годъ, и въ этотъ короткій періодъ своего существованія, онъ далъ Италианской Литературѣ столь чувствительное и сильное направленіе, что и теперь, когда всѣ вопросы и условія далеко подвинулись впередъ, дѣйствіе это замѣтно.

Вдругъ вспыхнули революціи, Неаполитанская и Пиемонтская. Головы Италиі забродили, зашумѣли, но сила и твердость привели вскорѣ все въ свой прежній уровень. Редакторы *Примирителя*, конечно, не замѣшаны были въ эти политическія безумства, но Италианскіе языки любятъ поговорить, и вѣроятно, общество, собиравшееся въ домъ Графа Порро, не возложило на себя обѣтъ молчанія. Какъ бы то ни было, ударъ разразился надъ ними. Самъ Порро, Пеккіо, Берке и другіе успѣли скрыться бѣгствомъ, но Пеллико былъ задержанъ 13-го Октября 1820 года.

Нужно ли описывать то, что самъ авторъ съ такою трогательною простотою описалъ? Его: *Mie prigione* переведена на всѣ Европейскіе языки. Десять лѣтъ страданій въ темницѣ могутъ загладить и большую вину, а если онъ былъ невиненъ?... Не наше дѣло судить о томъ.

Но и годы тюремного затворничества не погубили для литературной его деятельности. Еще сидя въ *свицовыхъ* темницахъ Венеціи, онъ окончилъ (29-го Мая 1821 года) *Iginia d'Asti*, а въ слѣдующемъ году въ Іюнь, *Ester d'Engaddi*. Кромѣ литературнаго достоинства, всякій трудъ, писанный въ подобныхъ обстоятельствахъ, гораздо драгоцѣннѣе. Въ это же время написалъ онъ четыре *Кантатики*. Когда же его изъ Італіанскихъ темницъ перевели въ Германію, онъ передъ отъѣздомъ просилъ военную комиссію, чтобъ объ упоминаемыя его піесы были переданы его семейству, въ видъ завѣщанія и наслѣдства. Увы! Желаніе это не было выполнено. Онъ рѣшился спросить почему? и ему отвѣчали: что хотя въ его піесахъ дѣйствительно не найдено ничего предосудительнаго правиламъ цензуры, но какъ фамилія его, можетъ быть, закотѣла бы, чтобъ піесы были играны и, какъ вѣроятно, нашлись бы люди, которые бы стали аплодировать автору, то военная комиссія и находитъ подобное обстоятельство несообразнымъ съ общими законами приличія.

Еще любопытнѣе было созданіе трагедіи *Leonora da Dertona*, которая была сочинена безъ книгъ, безъ бумаги, безъ перьевъ и чернилъ. Во время своего заключенія въ Шпильбергѣ, Пелико сочинилъ ее на память, и вытвердилъ самъ всю піесу наизусть.

Около 1828 года распространилась въ Італіи вѣсть о его смерти. Это возвысило всеобщее участіе къ нему въ высшей степени. Всѣ печально спрашивали другъ друга на улицахъ и въ обществахъ: *слышали ли вы новость? Какую? Онъ умеръ!* Никто не произносилъ имени, и всѣ, однако же, понимали въ чемъ дѣло. Нѣкто Боррони написалъ по этому случаю оду, и она письменю облетѣла вмѣстѣ всю Італію. Это было больше, нежели литературный успѣхъ, это было всеобщее изъясненіе національной симпатіи къ страдальцу, котораго всѣ почитали невин-

нымъ. Описавъ всѣ претерпѣнныя имъ мученія, поэтъ восклицалъ:

Ancor s'aspetta il canto
Che piacque a Italia tanto....
Et Silvio — non è più!
(Еще всѣ пѣсней ждутъ его,
Которыми Італія такъ восхищалась,
А Сильвіо — ужъ больше нѣтъ!)

17-го Сентября 1830 года, Сильвіо получилъ свободу. Онъ самъ описываетъ въ *Mie prigione* всѣ впечатлѣнія свои при возвращеніи въ отечество. Нѣтъ цѣпей, замковъ, затворовъ! Воздухъ, солнце, свобода! И это было не сонъ! Однако же и къ этой радости примѣшана была чаша горести. Шпильбергскіе друзья его оставались еще въ темницахъ.

Сильвіо возвратился совершенно перерожденнымъ. Потерявъ всѣ очарованія, вызывавшія его къ свѣту, онъ рѣшительно предался набожности. Душа его преклонилась предъ страданіями, и только вѣра могла поддержать его.

Маркиза Бароль дала ему въ домѣ своемъ убѣжище, въ качествѣ секретаря и бібліотекаря, и здѣсь сосредоточилось все его существованіе. Здоровье его, которое всегда было слабо, служило и тутъ предлогомъ всегдшнему его уединенію. Удивительно даже, глядя на него, какимъ образомъ онъ могъ перенести всѣ свои страданія; но слабость имѣетъ какую-то гибкость, которая гнется, но не ломается. Пелико очень малъ ростомъ, слабого сложенія, взоръ его безъ живости и огня, одинъ лобъ обнаруживаетъ возвышенность и чистоту. Разговоръ его пріятенъ, нѣженъ и даже трогателенъ; въ немъ чрезвычайно много доброты и дѣтской простоты.

Возвратясь въ Туринъ, Сильвіо опять принялся за прерванные свои литературные труды. *Ester d'Engaddi* была играна съ успѣхомъ на Туринской сценѣ въ 1831 году, но онъ не долго пользовался удовольствіемъ этого успѣха. Вскорѣ піеса

была запрещена. Другая трагедія *Gismonda da Mendrisio* имѣла ту же участь. *Конрадинъ* упалъ въ слѣдующемъ году при первомъ представленіи, и не былъ напечатанъ. *Продіадъ* и *Томасъ Морусъ* были окончательными его драматическими созданіями.

Мы уже сказали выше, что первымъ его драматическимъ трудомъ была *Франческа ди Римини*, и если разсмотрѣть ее безпристрастно, то можно согласиться съ мнѣніемъ Фосколо. Лучше было бы оставить обонхъ любовниковъ въ аду, куда Данте низвергъ ихъ въ своей поэмѣ (*l'Inferno*). Сюжетъ слишкомъ знакомый составляетъ часто камень преткновенія для авторовъ. Это избитая Исторія Эгеола и Полиника, только въ миниатюрѣ; размѣры дѣйствія такъ малы, что древнее кровосмѣшеніе Эдипа является тутъ въ видѣ домашней ссоры. Въ Исторіи и въ поэмѣ Данта любовники виновны, и мужъ умерщвляетъ ихъ по праву оскорбленной чести. Въ піесѣ же они еще повинны, или, по крайнѣй мѣрѣ, борются съ фатанисмомъ беззаконной любви, и ихъ все таки убиваютъ. Болѣе ли драматическаго въ этомъ положеніи? едва ли! Всякій чувствуетъ, что мужъ не могъ иначе поступить. Участіе ни на комъ не останавливается. Въ піесѣ всѣ правы и всѣ виноваты. Это былъ бы хорошій сюжетъ для элегіи, но не для драмы.

О сюжетѣ піесы *Евфимій Сицилійскій* мы уже говорили. Прибавимъ только, что слогъ въ немъ очень небреженъ; тирады очень длинны, и рассказъ классическаго сна, такой же, какъ и во *Фрагментѣ*.

Изъ шести остальныхъ піесъ Пелlico: *Ester d'Engaddi* и *Herodiade*, взяты изъ Библии. Въ *Эсепри* дѣйствіе происходитъ въ станѣ, посреди горъ, послѣ разоренія Иерусалима. *Эсепрь*, жена полководца Азарія, любима первосвященникомъ, который, отищая за отверженную любовь, обвиняетъ ее въ нарушеніи супружеской вѣрности и предаетъ на казнь. Мужъ

Эсепри, какой-то Оросманъ, бѣшеный и легковѣрный. Вся завязка, какъ въ *Запрѣ*, основана на ошибкѣ: мнимый любовникъ *Эсепри* ни кто иной, какъ отецъ ея, Христіаннъ, скрывшійся отъ гоненій. Этотъ послѣдній характеръ могъ бы быть превосходенъ, но въ піесѣ онъ совершенно незначущъ, потому что не развитъ, а наиболѣе не согрѣтъ духомъ Христіанства.

То же самое и въ *Продіадѣ*. Иоаннъ Креститель, конечно, лице, которое можетъ поддержать драматическій интересъ. Этотъ питомецъ пустынь, брошенный въ Сатурналии древней царедворской жизни, чтобъ предвозвѣстить народамъ близкое появленіе всеобщаго Спасителя, могъ бы представить характеръ новый и занимательный; но авторъ бросилъ его въ интриги семейныхъ распрій, и величіе Пророка исчезло. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ дѣло. *Продъ* между двумя женщинами, Софорою, законною своею супругою, и *Продіадою*, женою своего брата, у котораго онъ ее похитилъ. Иоаннъ Креститель печется лишь о водвореніи семейнаго спокойствія въ этомъ домѣ разврата. Гдѣ же тутъ высокое посланіе Иоанна? Гдѣ Исторія?

Томасъ Морусъ совершенно въ другомъ родѣ. Добродѣтельный авторъ *Утопіи* погибаетъ за то, что не хочетъ принять Протестантскаго Вѣроповѣданія, и характеръ Томаса очерченъ съ особенною любовью. Но вся піеса въ этомъ одномъ персонажѣ. Это *біографія*, въ нѣсколькихъ картинахъ. Нѣтъ ни интриги, ни завязки; зритель все знаетъ напередъ.

Остальные піесы составляютъ политическій сборникъ, и почерпнуты изъ Исторіи Среднихъ Вѣковъ Италіи. Основная идея ихъ въ томъ, что междоусобныя войны всего ужаснѣе, и что примиреніе всего пріятнѣе. Кромѣ *Леоньеро*, который ничто иное, какъ копія съ Юлія Брута подъ названіемъ Лузиньяна, вездѣ главная пружина піесы—женщина, поставленная между братомъ, отцемъ, любовникомъ

или мужемъ разныхъ партій. Самъ авторъ нигдѣ не видѣнъ. Ни одного крика негодованія или высокаго чувства. Одни вздохи и жалобы. Въ самыхъ жестокихъ положеніяхъ нѣтъ ни одного порыва сильной, истинной страсти. Все обходится тихо и спокойно.

Въ смутное время Италіи Сильвіа обвиняливъ возмутительныхъ идеяхъ, но вотъ самое смѣлое мѣсто въ его *Gismonda*, за которое трагедія была запрещена послѣ втораго представленія. Тамъ въ IV-мъ актѣ гов. рятъ:

... agli stranieri
Un genitor non vendere, un fratello!

(... и иноплецамъ)

Не продавай ни брата, ни отца!

Лаже въ *Leoniero*, трагедіи сочиненной въ Шпильбергской темницѣ, нѣтъ ни одной горькой, мстительной идеи. Это вѣчная распря Гвельфовъ и Джибеллиновъ. Онъ даже говоритъ тутъ:

Obbedienza
Alle leggi! alla chiesa! all' onor!

(Повиновеніе)

Законовъ, церкви, чести!)

А далѣе, когда Джибеллины низвергаетъ народное правленіе, поэтъ оправдываетъ его, говоря.

Suo vicario il nome
Cesare, e l'illegittimo abolisce
Popolar reggimento....

(Своимъ Викаріемъ назначилъ его самъ Кесарь, чтобы уничтожить народное правленіе....)

Изъ всего видно наконецъ, что не смотря на страсть свою къ театру съ дѣтскихъ лѣтъ, Сильвіо Пеллико ошибся въ литературномъ предназначеніи. Онъ могъ быть поэтомъ, но драматическимъ гениемъ онъ вовсе не былъ. Въ его пьесахъ нѣтъ вовсе дѣйствія, движенія; онъ мало изучалъ нравы эпохъ и людей. Зрителю надобно всегда знать гдѣ онъ и съ кѣмъ? Персонажи его все похожи одинъ на другаго, у нихъ мало страстей; всякому хотѣлось

бы видѣть, что у этихъ людей въ жилахъ течетъ кровь, что подъ латами бьется у нихъ сердце, что подъ шелковою одеждою скрываются высокія чувства. Вообще, характеры мало развиты. Мщеніе, честолюбіе и любовь, эти главные страсти театральныхъ эффектовъ, кажется, пугали робкую душу Пеллико. Онъ только любитъ семейный кругъ, домашнее счастье, и горизонтъ его далѣе не простирается; однимъ словомъ, онъ не открываетъ зрителю ни одной новой пружины человеческого сердца.

Сознаваясь самъ, что онъ всегда мечталъ достигнуть славы Альфіери, онъ подражалъ ему въ томъ только, что дѣлалъ бѣдные сюжеты и ставилъ не много персонажей; но избѣжавъ суровости Альфіери, онъ не взялъ и силы его. Альфіери создалъ для Италіи драму. Связавъ самъ себя правилами классицизма, онъ былъ властенъ въ своихъ идеяхъ, и, въ обменъ, почерпалъ свои сюжеты въ Исторіи всѣхъ народовъ. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ послѣдователей.

Когда явился *Примиритель*, началась ужасная война между классиками и романтиками. Сильвіо съ товарищами сражались подъ знаменами романтизма, и наконецъ одолѣли своихъ противниковъ. Манцони первый взшелъ на стѣны разваливашагося классицизма и честь триумфа принадлежала ему. За нимъ послѣдовалъ Пеллико, только такъ робко, что, казалось, будто бы онъ сожалѣетъ объ одержанной побѣдѣ. И дѣйствительно, или онъ не могъ, или не хотѣлъ, только отнюдь не воспользовался своею побѣдою. Онъ продолжалъ подражать Альфіери, не подвигнувъ драмы ни на шагъ.

Кромѣ восьми трагедій, Сильвіо Пеллико напечаталъ двѣнадцать *Кантикъ*. Онъ влагаетъ ихъ въ уста одному Салузскому Трубадуру, который ходитъ изъ замка въ замокъ, и поетъ ихъ. Всѣ сюжеты Кантикъ взяты изъ Среднихъ Вѣковъ. *Танкреда* — геронія, воспитанная въ глуши лѣсовъ,

сражается мужественно съ Маврами, и идетъ въ монастырь, потерявъ отца. *Розильда*, молодая супруга, которая идетъ освобождать мужа своего, взятаго въ плѣнъ близъ Рима. *Эвильда* отыскиваетъ своего мужа въ глубинѣ Сарин, и вырываетъ его изъ рукъ Срациновъ. *Ильдегарда* кротостію своею примиряетъ двухъ друзей. *Элиджи* и *Волафридо* сколки съ Дамона и Пнеіаса въ рыцарскомъ костюмѣ. *Эбелино*, это Христіанскій Ювъ, типъ страдальческаго терпѣнія въ несчастіяхъ: это самъ Пеллико. *Аделло*, родъ Испанскаго Сида, прославляющагося подвигами, предпринятыми для того, чтобы побѣдить преступную любовь, потому что его Элоиза змужемъ:

Inutil culto!

Inutil, non, giacchè sublima il core!

(Безполезная страсть!)

Безполезна! вѣтъ! Она возвышаетъ душу.)

Онъ спасаетъ дочь Короля Беренгара изъ оковъ, освобождаетъ Венецію, Амальфи и умираетъ какъ Велсарій. Въ этой Кантикѣ есть два стиха, которые хорошо характеризуютъ броженіе Италянскихъ умовъ того же времени:

Ahi in molti petti è l'ira, il desio in tutti.

Della vendetta, la virtù in nessuno!

(Ахъ! многіе каплетъ негодованьемъ;

Всѣ жаждутъ мщенья, но, увы, не вижу

Я только добродѣтели нигдѣ!)

Прочтя Кантики Пеллико, всякій увидитъ, что онъ старался сблизиться съ Испанскимъ *Романсомъ*; но ему далеко до силы, вѣрности и оригинальности своего образца. Онъ писаны *бѣлыми стихами* (*versi sciolti*), а это самый трудный родъ стиховъ, именно по ихъ легкости. Бѣлые стихи не могутъ быть посредственны. Они или очень хороши, или никуда не годятся. Всего же опаснѣе въ этихъ стихахъ *многословіе* и, слѣдственно, *пустословіе*. Въ драмѣ авторъ еще удержанъ ходомъ сюжета, движеніемъ сценъ и взаимными разговорами лицъ, но въ поэмѣ, это разливъ словъ, по которо-

му читатель плаваетъ и не знаетъ за что уцѣпиться. Тутъ нѣтъ гармоніи рѣчь, которая бы остановила его вниманіе... такъ и хочется перескочить черезъ дѣльные періоды. Аннибаль Каро былъ изобрѣтателемъ этихъ стиховъ въ Италиі и лучше всѣхъ умѣлъ управлять этимъ опаснымъ оружіемъ. Подражатели все испортили. Одинъ Фосколо, въ поэмѣ своей *Гробницы*, написалъ много превосходныхъ стиховъ.

Кромѣ Кантикъ, Сильвіо напечаталъ еще *Собраніе разныхъ стихотвореній*, и кажется это лучшее его произведеніе. Пшья совершенно мистическія, другія относятся къ воспоминаніямъ его молодости, друзей, страстей. Онъ говоритъ мало о политическихъ своихъ несчастіяхъ, и только одинъ разъ вслѣпываетъ о Шпильбергѣ. Да и зачѣмъ? Не сказалъ ли онъ всего въ прозѣ?

Кто бы подумалъ, что Сильвіо былъ самолюбивъ! Однако же послушайте, что онъ говоритъ, чего онъ ищетъ, читая книги другихъ авторовъ? «Я люблю чтеніе, говоритъ онъ; многія книги мнѣ очень нравятся, и однако же я не авторовъ ихъ ищу въ этомъ чтеніи, я ищу самого себя.»

Più d'un libro m'è caro, e pur in esso

Di rado cerco lui; cerco me stesso.

Въ описательной поэзіи онъ также не силенъ; нѣтъ ничего оригинальнаго, трогательнаго; онъ видитъ природу точно такую же, какъ и толпа. Общій характеръ его поэзіи скромность, тишина, спокойствіе. Даже о прошедшей любви свей говоритъ онъ съ такою воздержностью, что вовсе не занимаетъ читателя. Однако же, можно насчитать у него до трехъ Эльвиръ.

Разныя стихотворенія его писаны терцинами и октавами; тамъ можно найти всѣ роды метровъ, но истинной поэзіи тутъ мало; по всему видно, что Пеллико не сотворенъ гениемъ. Силы и изобрѣтательности въ немъ очень мало. Италяны дѣлаютъ ему тотъ же упрекъ, прибавляя,

что этому виною мѣсто его рожденія. Пиемонтцы не могутъ быть писателями, говорятъ они. Что за причина? Они представляютъ примѣромъ Альфіери, который сорока лѣтъ трудился, чтобъ составить себѣ языкъ, и кончилъ тѣмъ, что переселился во Францію, чтобъ писать тамошнимъ нарѣчіемъ. Это обстоятельство приводитъ насъ къ началу этой статьи. Нѣтъ ни Италиі, ни Италианцевъ, а Пиемонтцы, Римляне, Неаполитанцы, Тосканцы, и проч.

И однако же, нигдѣ нельзя скорѣе составить себѣ литературной славы, какъ въ Италиі. Все восхищаетъ пылкіе умы этихъ жителей юга. Они готовы прокричать, поставитъ монументъ за каждую бездѣлицу. Возьмите Джіордани. Что онъ написалъ? Разсужденіе объ изящныхъ художествахъ, Критическія письма и Панегрикъ Наполеону, а между тѣмъ вся Італія отъ него безъ ума. Манускриптный листокъ его мигомъ облетаетъ всю Італію, переходитъ изъ рукъ въ руки, его вырываютъ другъ у друга, и хранятъ какъ реликвію. И онъ знаетъ всю свою значительность. Въ 1831 году его за что-то задержала полиція. «Послушайте, сказалъ онъ Полицейскому Коммиссару, берегитесь и подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Мнѣ стоитъ на лоскуткѣ бумаги написать карандашемъ, что вы *глупецъ* (Італіанское слово еще сильнѣе), и черезъ сутки вся Італія будетъ объ этомъ знать и повторять.» И это было не пустое хвастовство. Это дѣйствительно и было бы такъ. И что жъ? Это самое своеволие восторга, фетишизма, обнаруживаетъ цѣлый народъ художниковъ.

Всѣ Італіанскіе критики согласились между собою, что самое образцовое произведеніе пера Сильвіо Пелико, одна его *Канцона къ солнцу*, писанная во время заключенія въ Шпильбергъ. Они говорятъ, что ее надобно каждому поставить въ золотую рамку. Вотъ буквальный переводъ ея:

«Кто возвратитъ плѣннику, охоту его къ пѣснопѣнію? Ты одно, о солнце, божественный источникъ свѣта.

«О! за этимъ мракомъ моей гробницы, какъ наполняешь ты счастьемъ и любовью всю природу!

«Изъ этихъ волнъ, изъ этихъ роскошныхъ потоковъ свѣта, которые ты разливаешь на міры и которыми животворишь столько міровъ.

«Если одна слабая капля упадетъ въ мою темницу, она пробуждаетъ меня, радуется, и это уже не темница.

«Увы! но отчего ты такъ рѣдко изливаешь дары свои на эти печальныя страны?

«О! являйся въ нихъ чаще своимъ животельнымъ блескомъ, особливо теперь, когда Італіанскія груди томятся здѣсь въ печальныхъ темницахъ-

«Славянину не такъ часто привыкъ къ твоему великолѣпію; онъ и не чувствуетъ такой глубокой и сильной любви къ твоему свѣту.

«По мы, привыкшіе съ колыбели любить тебя, мы вездѣ должны тебя искать, видѣть... или умереть.

«О! да никогда подъ отдаленнымъ небомъ моего тѣлаго отечества завѣса ужасовъ не покроетъ тебя!

«Свѣти взорамъ отца, свѣти взорамъ матери того бѣднаго узника... и радостный свѣтъ твой да утѣшитъ ихъ печаль.

«Но не все ль равно гдѣ бы ни осталась эта тоскующая и брошенная оболочка, если Богъ далъ мнѣ душу, которую никто не въ силахъ оковать!»

Поговоривъ о Пелико *поэтъ*, скажемъ нѣсколько словъ и о *прозаикѣ*. Трактатъ о *должностяхъ человека* (*dei Doveri degli Uomini*), который есть и въ Русскомъ переводѣ, былъ послѣднимъ его сочиненіемъ. Это небольшая книжка, обращенная къ молодому человѣку, при-

свопвааетъ себѣ формы Гражданскаго Катехизиса, впрочемъ самой чистой нравственности.

«Послѣ книги о должностяхъ чело-
вѣка (говорить Пеллико), я принимался за трактатъ: *Объ обязанностяхъ женщины...*»
Должно сожалѣть, что онъ съ этого не началъ.

Остается намъ еще сказать слово о книгѣ, составляющей всю его современную славу. *Мои темницы*, вѣрно извѣстны каждому читателю. Но вотъ происхожденіе этой книги. Возвратясь изъ Шпильберга, Пеллико взялъ себѣ духовникомъ восьмидесяти-лѣтняго старца, Джіордано. Этотъ старикъ всякій день слышалъ рассказы его о десяти-лѣтнемъ заключеніи, и присовѣтовалъ ему написать ихъ и напечатать. Онъ послушался.... Сталь, однако же, совѣтоваться съ своею матерью. Она рѣшила, что только молитва можетъ просвѣтить и внушить, что дѣлать. Черезъ нѣсколько дней они опять сошлись, и мать спросила его молился ли онъ объ этомъ усердно? Пеллико отвѣчалъ, что молился, и что книга эта будетъ хороша и полезна. Дѣйствительно, Пеллико вылился въ ней весь. Воображеніе поэта, чувство страдальца и сердце Христіанна водили его перомъ.

Успѣхъ этой книги былъ удивительный; всеобщее изумленіе еще больше. Всѣ ожидали, что онъ будетъ гремѣть проклятіемъ на враговъ своихъ; увидѣли, что онъ имъ простилъ. Нужно ли говорить, что нашлись люди, которые упрекали его за эту слабость. Къ сожалѣнію, свѣтъ нашъ таковъ. Нѣтъ порока, который бы не нашелъ себѣ приверженцевъ; нѣтъ добродѣтели, которая бы не имѣла враговъ!

Мои темницы, книга *di grandi verità e di grandi lacune*, какъ выразился, одинъ критикъ, болѣе поучительный своимъ молчаніемъ, нежели своею истиною. Это про-

сто добросовѣстная книга. Если бы Сильвіо написалъ со злостію, онъ ничего бы не выигралъ; скромность же сдѣлала его великимъ. Сколько женскихъ слезъ пролито надъ книгою. Если кто не былъ тронутъ, читая эту книгу, пусть прочтеть еще разъ.

Со времени возвращенія моего въ Италію, Пеллико оставилъ почти всѣ свои занятія. Всего же менѣе думаетъ онъ о политикѣ, къ которой кажется никогда не имѣлъ способностей. Говорить онъ могъ, но дѣйствовать!... И теперь говорить иногда о несчастной эпохѣ, ввергшей его въ темницу. «Это было изступленіе умовъ!» Теперь онъ совершенно предался набожности, и вотъ собственные его слова о нынѣшнихъ его занятіяхъ:

«Мои литературныя занятія составляютъ теперь самую второклассную работу. Мнѣ иногда нужно писать стихи, чтобъ молиться, и такимъ образомъ рождаются ода, элегія, гдѣ я изливаю душу мою предъ Богомъ. Я начиналъ было писать для театра, но оставилъ. Я вполонну написалъ два историческіе романа, и не кончилъ ихъ. Чувствую, что мнѣ теперь далеко до нынѣшнихъ образцовъ въ литературѣ, особливо до неподражаемаго Манцони и его *Жениховъ*. Однимъ словомъ, я иногда пишу, но никогда не кончаю начатаго. Я пишу для собственного моего удовольствія, а не для того, чтобъ составить какую нибудь книгу.»

Вотъ обзоръ Пеллико какъ поэта и какъ челоѣка. Въ литературномъ мірѣ нѣтъ ему назначеннаго мѣста. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ, и ни въ которомъ не сдѣлалъ ничего гениальнаго. Онъ подражалъ другимъ; ему не будетъ никто подражать. Новая литературная школа ищетъ теперь новой пищи своему вдохновенію, и Богъ знаетъ, найдетъ ли ее; Пеллико же ничего не ищетъ: онъ окончилъ свое поприще. Онъ ничего не основалъ, не

создалъ ни какихъ типовъ. Его нельзя упрекнуть, конечно, ни въ какихъ неправильностяхъ или своевольствѣ; но творенія не тѣмъ прославляются, что въ нихъ нѣтъ ошибокъ, а тѣмъ, что въ нихъ мно-

го новыхъ красотъ. Однако же, имя Сильвіо Пеллко не умретъ. *Узникъ* далъ поэту патентъ на безсмертіе.

Р. 3.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ Н. А. ПОЛЕВАГО.

Н. А. Полевой, собравъ драматическія произведенія свои, оживлявшія Русскую сцену въ послѣднія пять лѣтъ, и присоединивъ къ нимъ двѣ еще неигранныя пьесы (*Ода Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ Фелицѣ* (*) и *Обѣдъ у Барраса, или Наплута полтора плута*), подарилъ любителямъ драматическаго искусства двумя томиками, въ которыхъ заключаются: *Дѣдушка Русскаго флота*, *Иголкинъ*, *Параша Сибирячка*, *Ода премудрой Царевнѣ Киргизъ-Кайсацкой Фелицѣ*, *Костромскіе Лѣса*, *Первое представленіе Мельника*, *Солдатское сердце*, *Русскій человекъ добро помнитъ*, *Отецъ и Откупщикъ*, *П. П. Недотрога* и *Обѣдъ у Барраса*. Большія драмы, а именно: переводъ *Гамлета*, *Уголно*, *Смерть или честь* и *Елена Глипская*, Н. А. Полевой обѣщаетъ, можетъ быть, издать со временемъ.

По мѣрѣ появленія пьесъ Н. А. Полеваго на сценѣ, Репертуаръ говорилъ о нихъ свое мнѣніе; многія и большая часть изъ нихъ были напечатаны въ нашемъ изданіи; вышъ было бы поздно и излишне подвергать ихъ вторичному критическому разбору. Однако же, упоминая въ нашемъ

(*) Эта пьеса была напечатана въ Реп. 1840 года, но не играна.

изданіи о появленіи книгъ, принадлежащей къ Русской драматической литературѣ, не можемъ не замѣтывать изъ *Послѣсловія* автора примѣчаній къ пьесамъ, помѣщеннымъ въ вышедѣшнихъ вышъ двумя томамъ.

«*Дѣдушка Русскаго флота*. Онъ былъ первымъ моимъ опытомъ небольшихъ драмъ, содержаніе коихъ взято изъ Русской Исторіи и Русскаго быта. Основаніе здѣсь историческое. *Карстенъ Брандтъ* дѣйствительно существовалъ, строилъ ботикъ, знаменитаго *Дѣдушку Русскаго флота*, жилъ потомъ забытый въ Москвѣ, былъ отысканъ Петромъ Великимъ послѣ находки ботика, и умеръ другомъ Царя и корабельнымъ мастеромъ его, въ 1693 году. Память Петра Великаго, видъ его *Дѣдушки Русскаго флота*, и превосходная игра артистовъ: П. И. Сосницкаго, В. А. и П. А. Каратыгиныхъ, Максимова и — незабвенной *Асенковой*, доставили *Дѣдушкѣ* успѣхъ необыкновенный. Его играли потомъ и въ Пѣмецкомъ переводѣ съ успѣхомъ.

«*Иголкинъ*, купецъ Новгородскій. Основаніе взято изъ анекдота, помѣщеннаго Голицынымъ въ его *Анекдотахъ Петра Великаго*. Драматизмъ событія, чув-

ство любви къ славѣ родины и Русскаго Царя, и опять превосходная игра В. А. Каратыгина, въ роли Иголкина, доставили и сей пьесѣ большой успѣхъ.

«Параша Сибирячка. Признаюсь — вотъ моя любимая пьеса изъ всего написаннаго мною для сцены. Воспоминаніе о томъ днѣ, когда явилась Параша на сцену, всегда будетъ воспоминаніемъ объ одномъ изъ счастливыхъ дней въ моей жизни. Основаніе пьесы взято изъ истиннаго событія, всѣмъ извѣстнаго. *Прасковья Лупалова*, дочь сосланнаго въ Сибирь чиновника, дѣйствительно, пришла въ Петербургъ изъ Сибири, и кроткій Александръ простилъ виновнаго отца за подвигъ дѣтской любви. Трогательное событіе сіе послужило предметомъ романа Г-жи Коттевъ: Елисавета Л***, или сосланные въ Сибирь, и повѣсти Графа Местра: Юная Сибирячка. Успѣхъ *Парашы* былъ необыкновенный. Она была потомъ играна въ Нѣмецкомъ переводѣ съ успѣхомъ, и послужила темою оперѣ Г-на Струйскаго, также заслужившей вниманіе знатоковъ. Не могу здѣсь не вспомнить о прекрасной игрѣ В. А. Каратыгина, В. Н. Асенковой, П. А. Каратыгина, П. П. Сосницкаго и Е. П. Гусевой.

«Ода Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ Фелицѣ. Сія пьеса не была на сценѣ, хотя В. А. Каратыгинъ и П. П. Сосницкій весьма того желали. Содержаніе взято изъ истиннаго событія въ жизни нашего безсмертнаго поэта. Вставочными подробностями мнѣ хотѣлось показать поэтическій характеръ Державина и Хемницера.

«Костромскіе Лѣса. Истинное событіе въ началѣ царствованія Царя Михаила Феодоровича. Памятникъ, воздвигаемый Сусанину въ Костромѣ, напоминаетъ потомству о незабвенномъ страдальцѣ за родоначальника Русскихъ Царей. Сусанинъ былъ уже предметомъ оперы Кавоса (слова Князя А. А. Шаховскаго): *Иванъ*,

Сусанинъ, и знаменитой оперы: *Жизнь за Царя*, музыка М. П. Глинки (слова Барона Е. О. Розена). Мнѣ казалось, что Сусанинъ гораздо лучше могъ быть предметомъ драмы, а могущее дарованіе В. А. Каратыгина оправдало мою мысль. Немного у него ролей, гдѣ онъ являлся бы такъ великъ. Въ сценѣ Сусанина съ хоружимъ, Каратыгинъ былъ неподражаемъ и привелъ зрителей въ восторгъ.

«Первое представленіе Мельника. Основаніе пьесы истинное, но простите мнѣ, тѣни великихъ пѣтговъ, Василія Кирилловича и Александра Петровича, простите поклепъ и небывальщину, какую взвелъ я на васъ! *Мельникъ Аблесимова* въ первый разъ былъ игранъ въ *Москву*, а не въ *Петербургъ*, въ 1779 году. Творецъ Тилемахиды и творецъ Семиры почилъ гораздо прежде, одинъ въ 1769, другой въ 1777 году. Но они точно бывали при жизни друзьями, и нерѣдко притомъ разыгрывали сцену Триссотина и Вадіуса. Надъ Аблесимовымъ, который переписывалъ у Сумарокова стихи, и надъ его Мельникомъ, точно смѣялся Сумароковъ, хотя и не былъ потомъ свидѣтелемъ торжества Аблесимова. Книперъ также лицо не вымышленное, а о *Жуковѣ Петрѣ* сохранилось преданіе въ Словарѣ Новикова — онъ былъ кабинетъ-куррьеръ и писалъ стихи — какіе? вѣдомо одному Всевѣдущему, а не намъ! — Игра П. А. Каратыгина и П. П. Сосницкаго поддержала мою шутку на Петербургской, а игра М. С. Щепкина, на Московскои сценѣ.

«Солдатское сердце. Основаніе взято изъ событія въ жизни извѣстнаго литератора, Ѳ. В. Булгарина. Находясь въ военной службѣ и бывши въ Финляндіи, въ юности своей, онъ спасъ несчастнаго, ложно обвиненнаго въ предательствѣ, и черезъ много лѣтъ потомъ имѣлъ наслажденіе слышать благодарность сына за сохраненіе жизни отца. По особеннымъ об-

стоятельствамъ пьеса моя была принята довольно холодно, но я печатаю ее, потому что никакія частныя отношенія не сильны побѣдить мое убѣжденіе тамъ, гдѣ я по совѣсти считаю себя правымъ, если вѣздаю достойному достойное.

«Русскій человекъ добро помнитъ. Уже нѣсколько лѣтъ сія пьеска считается одною изъ любимыхъ публикою небольшихъ пьесъ. Основаніе ея не выдуманно; по крайней мѣрѣ, анекдотъ о Пудовиковѣ рассказывали мнѣ за истинное событіе. Игра Г. Григорьева, въ роли Пудовикова, и сцена крестьянъ съ помѣщикомъ особенно поддержали пьесу.

«Отецъ и откупщикъ. Мнѣ казалось, что быть откупщика можетъ быть предметомъ сценической шутки. Попытка оказалась удачна. И въ сей пьескѣ дарованіе Г. Григорьева, въ роль Федики Кулака, при искусной игрѣ П. А. Каратыгина (Хамовъ), поддержало благосклонность зрителей.

«П. И. Недотрога. Это передѣланная мною, старинная пьеска Пикара: *Le Susceptible*. Она упала при первомъ представленіи ея въ Парижѣ, въ 1804, и добродушный авторъ, печатая ее, очень мило разсуждалъ и удивлялся, въ предисловіи: *отчего она упала?* Мнѣ казалось, что въ пьесѣ есть много истинно комическаго, и угадывая, какъ хороши будутъ въ ней два артиста наши, П. И. Сосницкій и П. А. Каратыгинъ, я спорилъ, что она должна имѣть успѣхъ на сценѣ. Мое мнѣніе оправдалось на опытѣ.

«Обѣдъ у Барраса. Передѣлка пьесы Камилла Берне и Генриха Триансона. Мнѣ кажется, это одна изъ остроумныхъ небольшихъ комедій Французскихъ, или лучше сказать, *провербовъ*. Я нашелъ ее въ какомъ-то журналѣ (помнится, въ *Revue de Paris*). Но она не была на Русской сценѣ.»

Далѣе Н. А. Полевой пишетъ: «Кромѣ

исчисленныхъ здѣсь и четырехъ большихъ моихъ пьесъ: перевода *Гамлета*, *Уголио*, *Смерть или честь*, *Елена Глинская*, были еще отданы мною на сцену: *Милый больной*, комедія; *Черезполосная владѣнія* и *Онъ за все платитъ*, водевилъ, и *Ужасный незнакомецъ*, комедія. Не печатаю ихъ, и — каюсь въ нихъ, какъ въ литературныхъ грѣхахъ! Всѣ сіи четыре пьесы были наскоро составлены для театральныхъ бенефисовъ. Первая изъ нихъ передѣлка на Русскіе нравы извѣстнаго фарса Молиерова: *Le Malade imaginaire*. Большой, диктовалъ я Русскую передѣлку его, и даже не имѣлъ силъ докончить ея. Не знаю кто-то, добрый человекъ, додѣлалъ этотъ фарсъ, который даютъ иногда и теперь, благодаря забавной игрѣ П. А. Каратыгина. — Вторая пьеска была написана мною въ нѣсколько часовъ, и какъ бенефисная шутка, была принята довольно благосклонно — довольно съ нею! — Третья, переводъ Французскаго водевила, дѣло суточной работы, поставленная на сцену безъ репетицій, канула въ глубокую Лету съ перваго представленія! — Четвертая — *Ужасный незнакомецъ* — ужасно хлопнулась при первомъ представленіи, и могла быть урокомъ, что не все то годится на сцену, что нравится въ чтеніи. Содержаніе пьесы взято было мною изъ сочиненія Фонжере, которое перевелъ я нѣкогда и помѣстилъ въ *Повѣстьяхъ* и литературныхъ отрывкахъ, изданныхъ мною. Передѣлывая его для сцены, я полагалъ, что пьеска будетъ забавна, но увидѣлъ, что ничего безсвязнаго и неуклюжее не можетъ быть, когда являлась она на сценѣ. Сидя въ углу ложи, обшканный авторъ, философски разрѣшалъ я задачу объ условіяхъ и требованіяхъ сцены, когда завѣса опускалась при общемъ, весьма гармоническомъ шканьѣ зрителей. Послѣ того, мѣсяца черезъ два написалъ я *Парашу Сибирячку*.»

Что говорить послѣ этого критикъ, ко-

гда самъ авторъ, съ такою необыкновенною откровенностью, повѣряетъ читателю, такъ сказать, *закулисныя тайны* произведеній своихъ? Что—какъ не попросить почтеннаго Н. А. Полеваго и впредь посвящать Русской сценѣ полезныя труды свои.

ОЧЕРКИ АРТИСТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

IV.

КРИТИКА.

Уже потому, что критика имѣетъ могущественное вліяніе, надобно допустить ея пользу и вредъ. Но при какихъ условіяхъ, въ какихъ предѣлахъ?

Критика дѣйствуетъ на публику и на авторовъ, иногда больше, иногда меньше, смотря по дарованію и имени критическаго писателя, можно прибавить, по мѣрѣ его добросовѣстности, потому что истинная сила, прочное дѣйствіе заключается въ одной истинѣ.

Кромѣ критики *по профессіи*, есть критика естественная, которая образуется непременно сама собою, и которая могла бы господствовать, если бы по волѣ какихъ нибудь артистическихъ Омаровъ была уничтожена вся критика письменная, журналы и книги.

«Удовольствіе критики, сказалъ Лабрюеръ, лишаетъ насъ удовольствія сочувствовать всему прекрасному.»

Боязнь подвергнуться насмѣшкѣ, страхъ быть предметомъ зубоскальства, мѣшаетъ намъ также и защищать все прекрасное, которымъ мы были тронуты.

Вотъ двѣ главные невыгоды критики естественной; она имѣетъ, однако, передъ всѣми другими то преимущество, что все-

гдабываетъ непосредственнымъ дѣйствіемъ внутренняго чувства. Я питаю большую довѣренность къ критику, неизмѣнная формула котораго слѣдующая: «Я нашелъ это сочиненіе прекраснымъ или плохимъ, любопытнымъ или скучнымъ.» Если же критикъ станетъ объяснять мнѣ, почему сочиненіе показалось ему именно такимъ, довѣренность моя уменьшится; я охотно посоветую ему не компрометировать себя роскошью пустыхъ возгласовъ и довольствіемъ.

Естественная критика вообще довольно скромна, почитаетъ себя покорнѣйшею слугою критики по ремеслу, однако предшествуетъ ей, и, до известной степени, господствуетъ надъ нею, заставляя принимать въ соображеніе свои приговоры, отъ чего критика по ремеслу не совсѣмъ ловко уклоняется.

Критика по ремеслу горда, заносчива въ силу своихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ познаній. Многіе воображаютъ, что такая критика можетъ и должна за все отвѣчать, но самая могущественная критика никогда не превращала свинецъ въ золото, или золото въ свинецъ. Много бываетъ случаевъ, что журналы изъ всѣхъ

силъ восхваляютъ сочиненіе, а между тѣмъ никто не обращаетъ на него вниманія, и на оборотъ: журналы ругаютъ книгу, а публика расхватываетъ ее. Даютъ новую піесу. Смотри потому, какъ нашла піесу публика, хорошею или дурною, театральная зала на другой день или полна или пуста, а ни одинъ журналъ не сказалъ еще о піесѣ ни слова. Слѣдовательно, есть нѣчто сильнѣе критики, фельетона, журнала, и это нѣчто принадлежитъ къ сильнѣйшимъ двигателямъ вѣка: мы говоримъ о мнѣніи, именно о мнѣніи людей, видѣвшихъ своими глазами, слышавшихъ своими ушами.

Журналы улучшаютъ хорошее, еще больше открываютъ дурного въ дурномъ, потому что говорятъ во всеуслышаніе и представляютъ доказательства. Если журналъ провозгласитъ новость истинную, подтвержденную публикою, опъ производитъ неодолимый эффектъ; но если извѣстіе ложно, эффектъ уничтоженъ въ одну минуту.

Теперь, какое вліяніе имѣетъ критика на артистовъ?

Вы не можете себя представить безпокойства бѣдныхъ молодыхъ людей, выступающихъ на какое нибудь поприще, и еще не свыкшихся съ перекрестными карточными выстрѣлами. Впрочемъ, есть люди съ огромнымъ дарованіемъ, которые во всю жизнь не могли привыкнуть къ критикѣ. Здѣсь я имѣю въ виду не одну какую либо критику, естественную или журнальную; я смѣшиваю обѣ въ одну категорию, ставлю обѣ на одинаковую степень.

Вы авторъ, вы написали сочиненіе со всею тщательностью, со всѣмъ дарованіемъ, которымъ надѣлила васъ природа. Вы увѣнчаны большимъ успѣхомъ; вы имѣете въ рукахъ вѣрное средство ото всехъ противныхъ вѣтровъ; но если вашъ успѣхъ кажется вамъ сомнительнымъ въ глубинѣ души, если вы не убѣждены, что избрали путь кратчайшій и самый прямой, и если, для уничтоженія такой сомнитель-

ности, вы станете распрашивать, читать, прислушиваться, о, тогда вы жалки, жалки истинно! Я желалъ бы тогда, чтобы вы погибли въ безконечныхъ извилинахъ лабиринта, не отыскавъ Ариадниной нити. Неужели вы хотите, чтобы критика, подъ различными предлогами, потребовала отъ васъ не того, что вы дѣлаете и что можете сдѣлать? Въ этомъ отношеніи, критика несправедлива до крайности: она требуетъ всего по своимъ желаніямъ, прекраснаго, великаго, истиннаго, простаго, и гибнетъ на писателей, зачѣмъ они не руководствуются ея понятіями, ея вкусомъ. Есть еще вѣчная ошибка критики, состоящая въ томъ, что грозные судьи требуютъ отъ одной эпохи извѣстныхъ достоинствъ слога, извѣстныхъ формъ сочиненія, которыми отличалась другая эпоха. Достоинства сіи были, безспорно, драгоценны, а формы превосходны; но вѣдь время шло своимъ чередомъ, и теперь иная пора. Какимъ образомъ передавать въ наше время во всей точности Глука, Саккини, Гретри? Критика имѣетъ право устанавливать различія, сравнивать заслуги, объявлять какую форму она предпочитаетъ; но ей должно совѣтоваться съ самими артистами, и о возвратѣ къ красотамъ стариннымъ, и о нововведеніяхъ, на которыя она иногда указываетъ, ничего не опредѣляя.

Для молодыхъ артистовъ, еще не свыкшихся съ неизвѣстностію и страхомъ, которыя сопутствуютъ имъ на новомъ поприщѣ, болѣе опасенъ нежели ползень холодный, мелочной разборъ красотъ и недостатковъ въ ихъ сочиненіяхъ. Выходя изъ анатомическаго кабинета, человѣкъ всего боится, даже стоять на ногахъ.

Одинъ артистъ, пѣвецъ, человѣкъ съ дарованіемъ, скромный, но еще не старый опытомъ, говорилъ мнѣ о неслыханныхъ затрудненіяхъ въ исполненіи ролей, созданныхъ знаменитыми артистами. При

каждой попыткѣ, его отвсюду осыпали совѣтами.

— Послушай, любезный, говорилъ ему, есть два способа исполнить эту роль, отдѣлаться отъ этого труднаго пассажа. Вотъ какъ поступалъ твой предѣстникъ; подражай ему, и ни о чемъ не заботься.

Артистъ повиновался, подражалъ съ возможнымъ рабствомъ своему образцу, но на репетиціи на него возстали критики.

— Помилуй, кричали они, въ умѣ ли ты? Вотъ преданіе: старайся ему слѣдовать.

На другой день, новая попытка, новые совѣты, новыя критики. Благородный артистъ, не зная кого слушать, совершенно сбившись съ толку, чувствовалъ, что все вдохновеніе его пропадаетъ, и являлся предъ публикою какъ жертва, влекомая на эшафотъ.

Наконецъ, артистъ пораздумалъ и сказалъ самъ себѣ:

— Чортъ возьми! Я былъ слишкомъ добръ, слушая людей, вовсе между собою несогласныхъ, людей, которые заставляютъ меня страдать жестоко, хотая испортить во мнѣ очевидныя достоинства.

Я твердо увѣренъ, что слушая самого себя, свой инстинктъ, свое чувство, я успѣлъ бы гораздо больше. Предѣстникъ мой былъ великій артистъ, и вотъ почему думаютъ имѣть право вѣчно сравнивать меня съ нимъ. Какъ великій артистъ, онъ создалъ свою роль по своему, и всѣ требуютъ, чтобы я пѣлъ такимъ же образомъ эту роль. Конечно! Я имѣю очень простое средство избавиться отъ пессимныхъ притязаній, прогнать призракъ, неутомимо меня преслѣдующій. Я передъ всѣми объявлю себя великимъ артистомъ. Да, съ этихъ поръ я великій артистъ, принимаю только тѣ совѣты, которые признаю полезными, и пою свою роль по крайнему разумію.

На слѣдующей репетиціи, совѣтанки, критики кинулись на пѣвца.

— О, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ имъ пѣвецъ: вчера, это было хорошо; сегодня другое дѣло! Я великій артистъ! Прошу не забывать. Великій артистъ! Слышите ли? Я хочу воспользоваться своими преимуществами.

Дѣло доказало всю справедливость его рѣшенія.

НА ФОРТЕПІАНѢ БУДЕТЬ ИГРАТЬ ГОСПОДИНЪ ***

«Никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ», истина тривиальная, аксіома народная, не новое, но утѣшительное правило для тѣхъ, которымъ суждено вѣчно оставаться въ неизвѣстности.

Я зналъ одного иностраннаго артиста, который, повѣривъ своимъ музыкальнымъ вдохновеніямъ, отправился изъ Германіи въ Парижъ, въ надеждѣ испытать свои силы на первой лирической сценѣ столи-

цы Франціи. Нужно ли говорить, какимъ образомъ его приняли? Въ отчаяніи, артистъ воскликнулъ: «Что же это значитъ? Въ Германіи, мнѣ присовѣтовали отправиться во Францію, потому что только Франція утверждаетъ славу артиста; здѣсь у меня спрашиваютъ, какую извѣстность приобрѣлъ я въ Германіи!»

Пріятель мой, Христофоръ Н... увлекся подобною же мечтою. Приобрѣта продолжительнымъ трудомъ и постоянными стѣ-

раніями довольно посредственный талант пианиста, наскучивъ бороться съ вліяніемъ случая, который запряталъ его въ уголъ Парижа, и будучи увѣренъ, что стоитъ только выѣхать за границу для истинной оцѣнки своихъ достоинствъ, онъ рѣшился однажды бросить немногихъ учениковъ, едва доставлявшихъ ему насущный хлѣбъ. Увы! Христофору надобно было также разстаться и съ возлюбленною пріятельницею, учительницею пѣнія, въ вѣрности которой онъ былъ увѣжденъ.

Съ запасомъ рекомендательныхъ писемъ, Христофоръ съѣзъ въ дилижансѣ, и вотъ онъ на пути въ Вѣну. По пріѣздѣ сюда, онъ объявилъ себя великимъ Французскимъ артистомъ; но жители Вѣны знатоки: имъ стоило разъ услышать бѣднаго Христофора, чтобы опредѣлить его истинный талантъ. Такимъ образомъ, мой пріятель сталъ прозябать въ столицѣ Австріи, какъ прозябалъ въ столицѣ Франціи. Онъ объѣхалъ потомъ многія другія столицы, Дрезденъ, Берлинъ, Мюнхенъ, и вездѣ находилъ одно и то же. Послѣ года, проведеннаго въ поѣздкахъ и попыткахъ, Христофоръ все былъ прежнимъ Христофоромъ, и далеко не достигъ еще до титула пророка.

Дѣятельная переписка не прекращалась между путешественникомъ и его возлюбленною, которую удерживали въ Парижѣ семейныя дѣла. Христофоръ Н. писалъ Эрнестинѣ С. страстные письма, позволяя себѣ преувеличивать успѣхи своей извѣстности и денежныхъ обстоятельствъ. Эрнестина С., съ своей стороны, отвѣчала Христофору Н. письмами столько же умпительными, увѣряя любезнаго друга въ вѣчной вѣрности.

Наконецъ, пріятель мой наскучилъ артистическимъ бродяжничествомъ; тоска по отчизнѣ овладѣла имъ до такой степени, что ни одно чужеземное благополучіе не прельщало его. Христофоръ чувствовалъ въ себѣ неодолимое желаніе снова узрѣть Францію и Эрнестину. «Но

неужели, подумалъ онъ съ горькою улыбкою, я долженъ возвратиться тѣмъ же, чѣмъ поѣхалъ?» И вдругъ странная мысль мелькнула въ его воображеніи. «Если Французу не легко сдѣлаться пророкомъ въ Германіи, то мнѣ кажется извѣстно по опыту, что Нѣмецъ съ меньшимъ трудомъ можетъ достигнуть до этого во Франціи. А что, если бы я назвался Нѣмцемъ? Почему не превратится мнѣ въ знаменитаго, славнаго, несравненнаго артиста, все равно, какимъ бы то ни было образомъ, лишь бы фамилія оканчивалась на *маннъ, иахъ, бурнъ, беръ*, или что нибудь подобное?... Я имѣю сильное желаніе назваться Вассерманомъ! Это означаетъ какъ бы водолѣя, одного изъ двѣнадцати небесныхъ знаковъ. До смысла нѣтъ дѣла, только бы слово было звучно и громко. Вассерманъ мнѣ рѣшительно нравится, и я провозглашаю себя Вассерманомъ. Я знаю нѣсколько Нѣмецкихъ словъ, съ которыми буду перемѣшивать Французскій языкъ. Ахъ, если бы дорогою я собралъ столько талеровъ, сколько удержалъ въ памяти выраженій!.. Необыкновенная длина волосъ, бороды, бакенбардовъ, оставленныхъ на произволь судьбы съ тѣхъ поръ, что я переправился черезъ Рейнъ, совершенно измѣнили мою наружность. И такъ, я соединяю въ себѣ всѣ условія заморской знаменитости, и, слѣдовательно, смѣло могу явиться своимъ друзьямъ и врагамъ, не считая Эрнестины, которая должна меня узрѣть во всей славѣ, предшествуемаго именемъ Вассермана!.. Каково будетъ изумленіе Эрнестины, когда въ знаменитомъ Вассерманѣ, упавшемъ передъ нею на колѣни, она узнаетъ своего милаго Христофора! О, Эрнестина! О желанное, невыразимо-сладостное мгновеніе!»

Метаморфоза совершилась безъ замедленія; пріятель мой пріѣхалъ въ Мюнхенъ Христофоромъ Н., а выѣхалъ оттуда Вассерманомъ. Христофоръ Н. пропалъ съ лица земли, но однимъ Вассерма-

номъ стало больше, если были другіе Вассерманы. Переступивъ за границу, знаменитый Вассерманъ рѣшился тотчасъ же воспользоваться своими преимуществами, пустить въ ходъ свою знаменитость. Прежде всего, онъ возымѣлъ мысль давать концерты отъ Страсбурга до Парижа, останавливаясь во всякомъ сколько нибудь значительномъ городѣ и съ помощію журналовъ вездѣ провозглашать о своемъ талантѣ; но просвѣщенный аматеръ, съ которымъ онъ совѣтовался на счетъ этой идеи, внушилъ ему опасеніе, что сборъ едва ли будетъ соответствовать ожиданію, и что во многихъ мѣстахъ вся чистая прибыль концерта ограничится нѣсколькими сотнями франковъ. Вассерманъ не очень жаловалъ средство прославлять себя на наличныя деньги, и опасаясь задолжать гдѣ нибудь, рѣшился выискать другую систему возвращенія.

Въ это время оканчивалась лѣтняя пора. Три Италіянскіе артиста, пѣвецъ, пѣвица и кларнетъ, странствовавшіе по Рейльскимъ Областямъ, остановились въ Страсбургѣ въ одной гостиницѣ съ знаменитымъ Вассерманомъ. За общимъ столомъ стали, разумѣется, говорить каждый о своихъ проектахъ, планахъ, и пріятель мой узналъ, что три Италіянца (одна Италіанка) прямо ѣдутъ въ Парижъ, чтобы давать концерты. Лучъ надежды освѣтилъ знаменитаго Вассермана; онъ вздумалъ пристать къ мелодическому терцету, возвысивъ его до сильнаго квартета. Не трудно было увѣрить Италіянцева, что содѣйствіе піаниста, постоянное, а не временное, имъ необходимо, и что ихъ Авзонійская извѣстность найдетъ немаловажную подпору въ Германской знаменитости. Условіе заключено, и четверо артистовъ отправились вмѣстѣ въ Парижъ, въ diligencіи Лафита и Кальяра.

Пріѣзжіе немедленно занялись устройствомъ концерта, что было довольно легко, такъ какъ Италіянцы приняли на себя всѣ издержки по части вокальной и

инструментальной. Пріятель мой сочинилъ афишу; на послѣдней строчкѣ, онъ не забылъ напечатать исполняющими буквами:

«На фортепіанѣ будетъ играть Г. Вассерманъ.»

Можно понять, что если пріятель мой не приклеилъ къ своей фамиліи эпитета *знаменитый*, къ которому преимущественно стремился, то его удержало совѣсть не чувство скромности.

Концертъ происходилъ въ магазинѣ одного фортепіаннаго мастера, и начался дуэтомъ тенора и сопрано. Въ продолженіе дуэта, многіе посѣтители встали, желая пропустить даму, которая въ третьемъ ряду заняла одно изъ двухъ пустыхъ кресель. Артисты услышали этотъ шумъ. Христофоръ или Вассерманъ, продолжая аккомпанировать, взглянулъ на пришедшую даму, и узналъ въ ней Эрнестину, блиставшую красотою и нарядомъ, Эрнестину, свѣжую какъ роза, Эрнестину, улыбающуюся какъ весна. Неожиданная встрѣча не могла не произвести въ знаменитомъ Вассерманѣ внутренняго волненія, которое обнаружилось нѣсколькими фальшивыми нотами и неудачными аккордами. Почти въ ту же минуту, пѣвецъ толкнулъ локтемъ піаниста, и въ полголоса сказалъ ему: «Ehben!.. cos'è? — Niente, niente, отвѣчалъ піанистъ, дѣлая новую ошибку. Много вертѣлось въ головѣ его мыслей, много вопросовъ срывалось съ языка, осужденнаго на неподвижность.» Какъ, почему Эрнестина здѣсь? Отчего она такъ весела? Отчего такъ здорова?.. А отсутствіе?.. А сожалѣніе?.. А душевныя тревоги?..

Еще хуже было, когда послѣ дуэта, кларнетъ началъ играть фантазію. Глаза Христофора безпрестанно блуждали отъ пюпитра къ третьему ряду, и оттого не всегда скоро и точно ловили пропущенныя ноты. Больше всего безпокоило Христофора пустое кресло возлѣ Эрнестины, которая часто оглядывалась и кого-то по-

кала. Наконецъ, кто-то явился, именно молодой, красивый мужчина, съ прелестнымъ букетомъ. Онъ поспѣшилъ поднести букетъ Эрнестинѣ. Теперь все ясно! Эрнестина забыла Христофора, обманывала его въ письмахъ, увѣряя въ непоколебимой вѣрности, точно такъ же, какъ онъ увѣрялъ ее въ успѣхахъ денежныхъ обстоятельствъ. Съ одной стороны мечта, съ другой обманъ. Судорожный трепетъ пробѣгая по членамъ Христофора; ноги и руки его отказались отправлять свою обычную службу. Представьте себѣ всю сумятицу, какъ необходимое слѣдствие такого внутренняго состоянія! Несчастный кларнетистъ едва не задохся отъ злости; Христофоръ, одергиваемый лихорадкою, гвалъ его въ галопъ, не наблюдая ни мѣры, ни ритма. Артистъ, доведенный до крайности, осыпалъ знаменитаго Вассермана огнемъ и пламенемъ. Онъ чуть чуть не схватилъ его за горло.

Послѣ фантазій, примадона пѣла арію. Лишь только Вассерманъ съѣлъ за фортепіаны, чувствуя себя рѣшительно ни къ чему не способнымъ, Эрнестина и кавалеръ ея, не престававшие обвиняться улыбками, лжбезностями, встали и вышли вонъ. Тогда знаменитый Вассерманъ вскочилъ, опрокинулъ фортепіаны, бр силъ съ эстрады, догнавъ невѣрную, схватилъ ее за руку и закричалъ: Эрнестина!

Эрнестина взглянула, удержалась отъ невольнаго движенія, и отдергивая руку, отвѣчала: Оставьте меня; я васъ не знаю!

По уходѣ Эрнестины, послѣдовала тра-

ги-комическая сцена: оба Итальянца кинулись на Вассермана, по справедливости почитая его помѣшавшимся; къ нимъ присоединилось нѣсколько слушателей, и всѣ, совокупными силами, утащили несчастнаго въ смежную комнату.

— Она не узнаетъ меня, кричалъ Христофоръ. Вѣроломная, неблагодарная!... Не узнаетъ меня, Христофора Н., своего друга, своего товарища, совоспитанника консерваторіи, который разстался съ нею для нея же, который хотѣлъ возвратиться достойнѣйшимъ человекомъ!..

Итальянскій пѣвецъ прервалъ его вопли:

«Какъ? Христофоръ Н., говорите вы? Воспитанникъ консерваторіи! Французъ!.. Стало быть, вы не знаменитый Вассерманъ?»

— Такой же знаменитый, какъ и вы.

«Къ чорту!»

И вотъ какимъ образомъ мой бѣдный пріятель, Христофоръ Н., самъ сокрушилъ блестящій помостъ, въ честь свою воздвигнутый, и сдѣлался прежнимъ Христофоромъ Н... Судьба не назначила ему быть пророкомъ ни въ своей землѣ, ни въ чужой.

Петрудно вывести нравственное заключеніе изъ этого историческаго анекдота, хотя, быть можетъ, его сочтутъ и не историческимъ: не должно обижаться играть на фортепіанѣ, если не знаешь навѣрное, что можешь удержать себя въ душевныхъ порывахъ.

II. III.

ЖЕНЩИНЫ, ПИСАВШИЯ ДЛЯ ФРАНЦУЗСКАГО ТЕАТРА.

Сколько извѣстно, Королева Наварская занимаетъ, по старшинству, первое мѣсто между женщинами, писавшими для Французской сцены. Прелестная сестра Франциска I сочинила много мистерій и повѣстей. Изъ мистерій замѣчательны въ особенности: *Рождество Господа Нашего Иисуса Христа, Поклоненіе Волхвовъ, Пустыня, Шутка*. *Пустыня* отличается очень порядочными стихами.

Преданія говорятъ потомъ о Луизѣ Лабѣ, жемчужинѣ Лионскаго каватчика, знаменитой подъ именемъ прекрасной Канатчицы, которая всѣмъ удовольствіямъ предпочитала занятія литературою. Отъ нея осталась драма: *Споръ Дурачества и Любви* (*Débat de la Folie et de l'Amour*). Луиза Лабѣ была также женщина-героиня: она сражалась съ Испанцами.

Сестрамъ Дерошъ (*Desroches*) принадлежатъ двѣ трагедіи: *Пантей* и *Товія*. Катерина Партене написала *Олоферна*, играяго въ ла-Рошели, однако не преданнаго смерти публикою. Дѣвица Госнаръ сочинила трагедію: *Невинныя Мученики*; Гортензія Дежарденъ, болѣе извѣстная подъ именемъ Г-жи Вилледѣ, произвела на свѣтъ, вмѣстѣ со многими дѣтьми, *Манлія*, *Ниветиду*, *Любимца*; но, къ несчастію, водка замѣвила ей Ипокрену, и наконецъ свела въ могилу.

Дезульеръ, воспѣвавшая цвѣтушіе берега Сены, гдѣ она пасла овецъ, написала трагедію *Гензерихъ*; но современные критики имѣли невѣжество предпочесть этой трагедіи *Федру*, не смотря на то, что самъ авторъ писалъ сонеты противъ обрзцоваго произведенія Расина.

Дѣвица Бернаръ сочинила *Лаодамію*, *Брута*, *Брадаманта*. Стихи обличаютъ въ ней кровное родство съ Корнелемъ.

Дѣвицъ Барбье принадлежатъ *Арія* и *Петуся*, *Корнелія* и другія піесы, которыя вообще приписывали аббату Пеллегреню.

Дѣвица де Сентонжъ не отдала насцену *Принцессы Самоцо*. Она прославилась операми *Дидоною*, *Цирцею* и балетомъ *Времена Года*.

Бисонъ де ла Кюдре изобразила въ трагическихъ стихахъ смерть Св. Іоанна; де Гомеръ (*Gomer*), дочь актера Поля Пуассона, прославилась трагедіями: *Семирамида*, *Клеархъ*; Дюбокажъ извѣстна по *Амазонкамъ*. Піеса Г-жи Графини, *Ценія*, имѣла блестящій успѣхъ. Кто не знаетъ *Театра Молодыхъ Дѣвицъ*, Графини Жанльсъ?

Къ драматическимъ писательницамъ прошедшаго столѣтія должно причислить гражданокъ Вильневъ и де Гонжъ, изъ которыхъ первая написала піесу: *Plus de Batards*, а вторая славилась въ разговорной формѣ побѣды Дюмурье. Современники почитали госпожу Фаваръ дѣятельною сотрудницею мужа; но, во времена Имперіи, ее называли просто совѣтницею въ трудахъ почтеннаго супруга. Какъ бы то ни было, только тогдашнія комическія оперы, написанныя нѣсколькими лицами, имѣли большой успѣхъ.

Императрица Екатерина II не могла бы быть включена въ число Французскихъ драматическихъ писательницъ, если бы своими гениальными дѣяніями не принадлежала всему міру. Кромѣ семи пословицъ въ *Эрмитажномъ Театрѣ*, Екатерины принадлежатъ: *Вѣстникова съ семействомъ* (*Madame Vestnikova avec sa famille*), комедія въ одномъ дѣйствіи; *Обманчицы* и *Обманутые* (*les Trompeurs et les Trompés*), очень забавный разговоръ

двухъ лицъ, въ которомъ авторъ представляетъ Калиостро и его поклонниковъ; *Семейное Несогласіе* (la Désunion de famille); *Калифалкгартовъ* (Kalifalkgarton); *Сибирскій Шаманъ*, и множество другихъ небольшихъ піесокъ, обличающихъ истинный комическій талантъ.

Сере-Барбе (Séré-Barbé) занимаетъ отличное мѣсто между драматическими женщинами Франціи. Въ ея трагедіи *Максимиліанъ* есть много превосходныхъ сценъ; но три другія трагедіи, оставшіяся въ рукописи, едва ли не выше *Максимиліана* по отзывамъ тѣхъ, которые имѣли случай читать сіи піесы. Къ сожалѣнію, въ первые годы царствованія Бурбоновъ, госпожа Сере-Барбе отказалась отъ театра, и занялась поэзіею духовною, безъ всякаго успѣха.

Нельзя забыть о покойной Госпожѣ Симонѣ Кандель, авторъ *Хорошенькой Мызницы*; о госпожѣ Бавръ (Bavre), которая до сихъ поръ живетъ успѣхомъ очень милой комедіи: *Сльдствія Маскарада*; о госпожѣ Ге (Gay), которая въ *Маркизѣ Поменарѣ* соперничествуетъ умомъ въ Севинье, а веселостію съ шевалье де Грамономъ въ *Приключеніи* (Une Aventure) веселаго шевалье.

Г-жа Жирарденъ, дочь предыдущей пи-

сательницы, авторъ *Школы Журналистовъ* (l'Ecole des Journalistes), комедіи въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, обнаружилась здѣсь изящный, проникнутый сатирою поэтическій даръ.

Г-жа Вальдоръ написала для перваго Французскаго Театра драму, которая была играна на театрѣ Возрожденія, потомъ въ Одеонѣ. Драма называется *Школа Молодыхъ Дѣвицъ*.

Г-жа Колле (Ревуаль) написала одну-актную піесу въ стихахъ: *Юность Гете*, представленную на театрѣ Возрожденія.

Дѣвица Суме, Графиня Альтенгеймъ, заставила говорить трагическую музу устами *Гладиаторовъ*.

Женщина, имѣвшая огромный успѣхъ въ романахъ, совершенно упала на сценѣ главнаго Французскаго Театра, именно Жоржъ Сандъ, авторъ *Козимы*.

Одна изъ дочерей актера Сансона наследовала, кажется, весь отцовскій умъ. Она написала нѣсколько прелестныхъ комедій, до сихъ поръ не игранныхъ.

Наконецъ, остроумный авторъ *Маріи*, Г-жа Ансело, обогатила главный Французскій и многіе водевильные театры прекрасными піесами, которыя поставили ее на первую степень между драматическими женщинами.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКІИ ТЕАТЪРЪ.

И опять новостей почти ни какихъ! Одишь бенефисъ Г-жи Шеляховой на Александринскомъ Театрѣ, составленный изъ старой, возобновленной драмы, *Людмила*, новой комедіи Скриба *Женатый проказникъ* (*Oscar, ou le Mari qui trompe sa femme*) и водевиля *Кольцо Маркизы*, и болѣе ничего! Удивительная бѣдность новостей въ современномъ Репертуарѣ!

Людмила.... Кто не знаетъ *Людмилы Жуковскаго*, услаждавшей юность каждаго изъ насъ и гармонією стиховъ, и таинственнымъ ужасомъ содержанія, и прелестью картинъ? Изъ этой-то очаровательной *Людмилы* сдѣлана драма, вовсе не очаровательная.

Дѣйствіе происходитъ въ Смоленскѣ, въ Юнѣ 1812 года. Леонидъ, сынъ отставнаго Генерала, Графа Велидова, стра-

стно влюбленъ въ Людмилу, дочь бѣднаго профессора Силонова. Старый Графъ Велидовъ узнаетъ о любви своего сына, выгоняетъ изъ дому своего профессора, у котораго сынъ его учился, а сына отправляетъ въ службу, съ отрядомъ ратниковъ. Молодой Графъ повинуется отцу, но клянется въ вѣчной любви Людмилѣ, клянется возвратиться къ ней, если бы даже вражеская пуля навсегда замкнула уста и очи его.

Второе дѣйствіе происходитъ въ Саксоніи, во время перемирія 1813 года. Молодой Графъ Велидовъ, уже гусарскій поручикъ, стоитъ съ своимъ отрядомъ во владѣніяхъ молодой вдовы, Графини Авроры В***, родомъ Француженки. Эта вдовушка, должно быть, очепь была хороша собою, что успѣла замечь Графа въ свои

сѣти, и чуть, чуть не заставила забыть его о Людмилѣ. Между тѣмъ Вахмистръ Удалой открываетъ, что тутъ дѣло идетъ не совсѣмъ чисто. Вдовушка — въ перепискѣ съ какимъ-то Французскимъ Маршалоу, который будто бы ищетъ руки ея. Наконецъ и самъ Графъ Велидовъ успѣлъ поймать шпиона. Дѣло объяснилось: Русскимъ измѣнили, и главная виновница этого Графиня В., которая рѣшилась предать ихъ въ руки Французовъ. Графъ Велидовъ тотчасъ отправляется съ отрядомъ своимъ навстрѣчу неприятелю, но роковая пуля убиваетъ его. До сихъ поръ, Баллады Жуковского еще нѣтъ на сценѣ.

Дѣйствіе третье снова въ Смоленскѣ, въ 1814 году. Профессоръ Силоновъ намѣренъ выдать дочь свою за Пальмирскаго, учителя Гимназіи; онъ день за день откладывалъ свадьбу, но теперь долженъ спѣшить, потому что далъ старому Графу Велидову слово выдать дочь свою замужъ прежде, нежели молодой Графъ возвратится изъ похода. Насталъ роковой день. Войны, увѣнчанные побѣдою, возвращаются на родину. Людмила ожидаетъ на *распутіяхъ* своего милаго, но напрасно. Она ропщетъ на Провидѣніе, словами Баллады, мать утѣшаетъ ее — тоже словами Баллады, съ прибавленіемъ своихъ собственныхъ правоученій. Наступаетъ полночь — вѣтъ холодный вѣтерокъ, плыветъ луна, скачетъ мертвецъ, стучитъ кольцо, и проч., все какъ въ Балладѣ. За окномъ слышенъ голосъ молодого Графа Велидова, убѣждающій Людмилу ѣхать, потому что — *путь далекъ*. Людмила послѣ всего этого выбѣгаетъ изъ комнаты. Сцена перемѣняется. Кладбище. Людмила съ распущенною косою, сумасшедшая, прибѣгаетъ на кладбище и за мертво падаетъ на какую-то могилу. Затѣмъ являются отецъ ея, мать, женихъ, наконецъ и старый Графъ Велидовъ — ночью, зачѣмъ — Богъ знаетъ! Они нахо-

дятъ Людмилу мертвую на могилѣ ея обожателя, убитаго Графа Велидова; и Г-нъ Толченновъ, съ какою-то особенною, ему свойственною энергіею присемъ восклицаетъ: Графъ! могила равняетъ всѣ состоянія!

И вотъ вамъ Людмила Жуковского, передѣланная въ драму!

Х *Водевиль Кольцо Маркизы*, или *Ночь въ хлопотахъ*, довольно забавенъ, хотя плохо переведенъ. Онъ основанъ на *qui-pro-quo* Маркизы де Мосси и ея горничной, Мариетты, Маркиза де Мосси и его садовникъ Руже. Дѣло въ томъ, что садовникъ Руже, награжденный отъ природы не очень завидною наружностью, хочетъ жениться на бойкой и хорошенькой горничной Мариеттѣ. Маркизь надъ нимъ подтруниваетъ и общается ему много хлопотъ и заботъ съ его будущею женою. Между тѣмъ, Маркизь уѣзжаетъ куда-то далеко. Въ его отсутствіе начинаетъ ухаживать за его женою молодой кавалерійскій офицеръ Алфредъ. Руже видитъ это, и тайнѣ торжествуетъ надъ Маркизомъ. Алфредъ, думая ночью забраться черезъ окно въ комнату Маркизы, попадаетъ къ ея горничной и нисколько не подозреваетъ своей ошибки. Послѣ разныхъ любовныхъ объясненій, онъ снимаетъ съ руки Мариетты кольцо, въ залогъ пламенной любви ея. Вдругъ за дверьми слышенъ шумъ. Мариетта прячетъ Алфреда въ комнату Маркизы и сама убѣгаетъ. Входитъ Руже и съ нимъ Маркизь. Руже зналъ о томъ, что Алфредъ влѣзъ черезъ окно, и очень радъ случаю, въ свою очередь подтрунить надъ насмѣшливымъ Маркизомъ. Разными намеками онъ доводитъ Маркиза до того, что тотъ предается ревности. Тотчасъ на сцену Мариетту: та съ повинною головою признается, что Алфредъ былъ у нея. Бѣдный Руже все это слышитъ. Маркизь выводитъ Алфреда изъ засады, и тотъ ничего не зная, предлагаетъ Мар-

визу какое угодно удовлетвореніе за нанесенную имъ обиду. Маркизь приходитъ въ ярость, думая, что Мариетта обманула его, и что жена его виновна. Является и Маркиза: Алфредъ передъ нею подтверждаетъ свое преступленіе, и въ доказательство представляетъ кольцо. Но каково его изумленіе, когда онъ узнаетъ, что это кольцо принадлежитъ Мариеттѣ! Маркизь торжествуетъ, а бѣдный Руже въ отчаяніи. Но умная Мариетта скоро его успокоиваетъ, говоря, что она приняла на себя вину для того только, чтобы прикрыть вину Маркизы. Руже очень доволенъ тѣмъ, что насмѣшливый Маркизь, по его мнѣнію, одураченъ.

Въ этомъ водевилѣ Г. Мартыновъ очень забавенъ въ роли Руже.

Женатый проказникъ, или *Рискиулъ*, да и *закалялся*, очень забавная пѣска, и весьма нравучительная—для мужей. Про эту комедію можно сказать, что всякая жена велитъ смотрѣть ее мужу. Молодой мужъ, имѣя хорошенькую жену, не смотря на это вздумалъ завести любовную интрижку и приволокнулся за ея кузиной. Назначено тайное свиданіе, въ какомъ-то саду, въ гротѣ. Любовники явились, не смотря на проливной дождь и темноту ночи. Оскаръ, въ залогъ любви, получилъ на этомъ свиданіи бантикъ. По несчастію, этотъ бантикъ попался въ руки жены его. И вотъ съ одной стороны начинаются подозрѣнія, ревность, съ другой безпокойство, терзанія! У Оскара есть предобрый дядя, холостякъ и проказникъ. Онъ успѣваетъ вывести Оскара изъ бѣды, и все принимаетъ на свою голову. Пока дѣло идетъ порядочно. Но дядя признается, въ свою очередь, племяннику, что онъ хочетъ жениться и — на комъ же? на кузинѣ жены Оскара, той самой дѣвушкѣ, которая подарила Оскару бантикъ. Нѣтъ, добрый дядюшка не долженъ быть обманутъ прежде свадьбы: надо отклонить его отъ женитьбы.... Но

какъ? признаться во всемъ — наживешь себѣ бѣду: дядя можетъ вспылить и открыть женѣ Оскара его проказы. Оскаръ дѣлаетъ однако жъ издалика дядюшкѣ своему намекомъ, что дѣвушка, на которой онъ хочетъ жениться, пользуется не со всѣмъ чистою репутаціей, и что былъ случай....

— А, перебиваетъ рѣчь Оскара жена его: ты хочешь сказать про свиданіе, которое назначилъ ей какой-то повѣса въ саду, въ гротѣ? Успокойтесь, добрый дядюшка: кузина мнѣ все сказала, и мы тогда же, пользуясь темнотою ночи, послали на это свиданіе нашу горничную, Минетту. Пламенный любовникъ, въ пылу страсти, принялъ ее за мою кузину....

Дядя и жена Оскара хохочутъ, но каково Оскару, который вдругъ узнаетъ, что женѣ извѣстны его проказы, хотя, можетъ быть, она и не знаетъ, что это именно былъ онъ? Каково ему услышать, что всѣ его клятвы, вѣжныя увѣренія, пламенные восклицанія, все это говорилъ онъ — горничной жены своей, Минеттѣ!! И какъ онъ будетъ теперь смотрѣть на Минетту? Какъ онъ прикажетъ ей что-нибудь подать, сдѣлать и т. п., ей, передъ которою онъ разсыпался въ такихъ пламенныхъ восторгахъ? Чтобы какънибудь заставить ее по крайней мѣрѣ молчать, онъ предлагаетъ ей — *четыре тысячи франковъ*. Минеттѣ то и на руку, потому что она выходитъ замужъ. Но вотъ бѣда: женихъ ея, служащій въ Алжирской Арміи, возвратился изъ похода. Онъ узналъ объ измѣнѣ Минетты и требуетъ удовлетворенія отъ соблазнителя. Эту новость приходитъ объявить Оскару жена его, говоря, что женихъ Минетты пришелъ къ нимъ въ домъ, и спрашиваетъ именно его. Оскаръ не знаетъ, что дѣлать... Наконецъ жена, сжалившись надъ нимъ, объявляетъ, что его страстное признаніе въ любви, написанное къ ея кузинѣ, попало къ ней въ руки, и на свиданіи въ гротѣ была не Минетта, а

IV. СМѢСЬ.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ СЕВИЛЬСКАГО ЦИРЮЛЬНИКА.

Извѣстно, что это образцовое твореніе было написано въ Римѣ, въ тринадцать дней. Стендаль сочинилъ посему случаю много сказокъ; но вотъ свѣдѣніе, основанное на достовѣрныхъ документахъ.

Когда разнеслась вѣсть, что молодой музыкантъ осмѣлился тронуть сюжетъ, надъ которымъ трудился великій Поэзіелло, Римляне рѣшили его наказывать строго за столь безразсудную заносчивость. Многочисленные зрители, собравшіеся въ театрѣ *Арджентина*, не скрывали своихъ непріязненныхъ намѣреній. Все предсказывало жестокой взрывъ. Появленіе Россини, который, по Италіянскому обычаю, помѣстился въ оркестръ для акомпанимента на фортепіанѣ, послужило сигналомъ къ общему неудовольствію. Никогда стѣны театра *Арджентины* не оглашались такимъ шумомъ; нельзя было слышать ни одной ноты, и, въ продолженіе всей піесы, раздавались крики,

свистки, топотъ, превратившіеся наконецъ въ одинъ вой. Россини сидѣлъ неподвижно. Онъ даже всталъ послѣ *la stretta* финала перваго дѣйствія, и громко закричалъ: *Bravi i cantati!* Но его выходка произвела рѣшительное *rinforzando* общаго негодованія, которое прекратилось только съ паденіемъ завѣсы.

Вотъ какъ былъ встрѣченъ *Цирюльникъ*, партія, услаждавшая потомъ оба полушарія, приводившая въ восторгъ Мексику, Нью-Йоркъ, Калькуту, Римъ, Неаполь, Москву, Лондонъ, Петербургъ, Мадридъ, Парижъ, Вѣну, Берлинъ!

Между первымъ и вторымъ представленіемъ, друзья сказали Россини, что Римляне хотѣли его наказывать только за то, что онъ написалъ *Цирюльника*, послѣ творенія Паззіелло, бывшаго предметомъ почти суевѣрнаго благоговѣнія; но что теперь отдана будетъ должная справедливость новому произведенію. Молодой маэстро боялся однако жъ, или показывалъ видъ, что боится возобновленія мучитель-

ной сцены. Онъ поручилъ тенору Гарсиа, съ которымъ жилъ на одной квартирѣ, равно какъ и Замбони, и для котораго написалъ роль Альмавивы, отнести письмо къ импресарию, гдѣ, подъ предлогомъ нездоровья, извинился въ невозможности быть при второмъ представленіи. Піеса началась; но пѣвцы, музыканты, директоръ, всѣ были скучны и ожидали прежняго шума. Между тѣмъ, публика намѣревалась, повидимому, заглядить свою вчерашнюю несправедливость.

Увертюра, встрѣченная единодушными брави, дошла только до половины *аллегро*, какъ зрители замѣтили отсутствие Россіи. Спектакль былъ прерванъ; публика громкогласно требовала маэстро. Россіи поневолю прибѣжалъ въ театръ; но случайно ли, или въ слѣдствіе расчетовъ своего оригинальнаго ума, явился въ самомъ странномъ нарядѣ, именно въ туфляхъ, во фланелевыхъ шароварахъ, въ длинномъ, толстомъ дорожномъ камзолѣ и въ огромномъ бумажномъ колпакѣ. Изступленные зрители встрѣтили маэстро единодушными восклицаніями: *bravi, viva*, и вызвали его семь разъ сряду. Замбони, игравшій Фигаро, въ особенности Гарсиа, превосходно исполнившій роль Альмавивы, раздѣляли триумфъ Россіи. Всѣ трое отправились домой въ каретѣ, предшествуемой и сопровождаемой чакелами. Безчисленное множество народа не переставало кричать: *Viva Rossini! Viva il gran maestro! Viva Garcia, viva Zamboni!*

ИДЕЯ, ПРОДАННАЯ ЗА НЕТЪСОТЪ ФРАНКОВЪ.

Парижская Большая Опера ожидаетъ много новыхъ произведеній. Вскорѣ будетъ поставлена опера въ двухъ актахъ, *Корабль-приракъ*, Дича и Поля Фуше, за которою послѣдуетъ піеса такого же разсѣра, музыка Бенуа. Авторъ *Донжюмъ* макома Почталіона написалъ *Ричарда въ Палестинѣ*. Большая опера Галеви, Карль Уд, явится не ранѣ Марга, а до гдѣ

поръ проживуть еще *Кипрская Королева* и *Фаворитка*.

По поводу одной изъ поименованныхъ оперъ, рассказываютъ трогательную повѣсть. Одинъ Нѣмецъ, бѣдный деньгами, но богатый мечтами, пріѣхалъ во Францію за славою, или, по крайней мѣрѣ, за фортуною. Въ портфель была у него опера, образцовое произведеніе. Такъ онъ думалъ, и очень простиительно, потому что посвятилъ своему любимому дѣтищу много бессонныхъ ночей, много заботъ. Ему хотѣлось поставить свое сочиненіе на сцену Большой Оперы. Въ своемъ невѣдѣніи, онъ надѣялся, что свѣтъ оцѣнитъ его труды, его вдохновенія, его уединенную печаль, и самъ избралъ сюжетъ, вполне соответствовавшій его грустному характеру.

День, когда Нѣмецъ рѣшился разстаться съ своимъ твореніемъ, другомъ своей бѣдности, отголоскомъ своихъ радостей, предметомъ дневныхъ размышленій и ночныхъ грезъ, этотъ день былъ для него днемъ печали. Мысль объ отказѣ даже не приходила ему въ голову. И кто могъ отказать въ произведеніи, которое онъ самъ принималъ съ такою любовью, которое отдавалъ съ такимъ сожалѣніемъ? А между тѣмъ такъ и случилось. Музыка оперы не была прослушана, но сюжетъ найденъ годнымъ. Бѣдному композитору предложили продать сюжетъ. Это взволновало его до крайности. Онъ увесъ обратно свою оперу съ тайнымъ удовольствіемъ, что еще не разстался съ нею, подобно тѣмъ стѣпнымъ просителямъ, которые, чувствуя необходимость тяжкой просьбы, внутренно радуются всякому препятствію.

И такъ, Нѣмецъ съ радостію положилъ свою партіцію на фортепіаны. Но, увы! и фортепіаны его скоро исчезли! Голодъ, словно тать, прокрадывшійся въ его комнату, немилосердно обиралъ у него мебель, одежду, и въ одинъ изъ тѣхъ ясныхъ дней, когда дѣти кормятъ въ пудахъ ле-

бедей, бѣдный композиторъ проснулся съ пустымъ желудкомъ, безъ кредита, безъ денегъ. Тогда-то рѣшился онъ продать свое дѣтище за кусокъ хлѣба. По счастью, директоръ еще не перемѣнилъ своего намѣренія, и купилъ идею за пятьсотъ франковъ. Съ этою суммою, композиторъ возвратился на родину. Болѣе гостепріимная Германія приняла его какъ блуднаго сына, заколола въ честь его убитаннаго тельца, то есть, согласилась поставить оперу, чего во Франціи, быть можетъ, никогда не случилось бы. Музыка, написанная на сюжетъ, проданный Нѣмцемъ, будетъ исполнена въ Парижѣ почти въ одно время съ оригинальнымъ произведеніемъ. Сравненіе любопытное! Но гораздо любопытнѣе, конечно, узнать истинную музыкальную цѣну идеи, которая, прежде нежели превратилась во Французскую Оперу, стоила пятьсотъ франковъ!

ТЕАТРЪ ВЪ СИРЪ.

Во Всеобщемъ Театральномъ Словарѣ, изданіе котораго недавно окончено въ Германіи, Князь Пюклеръ сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности о театрѣ въ Сирѣ: «Греческій островъ Сира имѣетъ собственный театръ съ партеромъ и двумя рядами ложъ, освѣщенный люстрою цвѣтнаго стекла. Удивительное явленіе въ выпѣшней Греціи! Гардеробной и подобной роскоши нѣтъ. Кулисы, при единственномъ экземплярѣ, представляютъ или лѣсъ, или комнату; все остальное должно представлять себѣ мысленно, какъ во времена Шекспира. Костюмы были въ высшей степени поразительны. Давали трагедію *Брутъ*. Отецъ, предсѣдатель Сената, закутанный въ халатъ, въ огромномъ шерстяномъ парикѣ, рѣшительно походилъ на козла, а Брутъ младшій, въ розовомъ домино и въ серебряномъ бумажномъ шлемѣ, скорѣе на шарикмахера въ маскарадѣ, нежели на Римскаго героя. Дочь

Тарквинія играла мальчкѣ съ плутовскими черными глазами. Волосы его были перевиты золотыми снурками; темное шелковое платье перетянута широкимъ Французскимъ поясомъ; на ногахъ, обыкновенныя дамскіе башмаки; на рукахъ, не всѣмъ бѣлыя вязаныя перчатки. Въ Греціи, всѣ женскія роли до сихъ поръ исполняются мальчиками, и публика столько же ими интересуется, сколько мы актрисами, играющими любовницъ. Достоверно извѣстно, что во время войны за независимость, Военный Министръ ***, очарованный такою актрисою, приказалъ однажды стрѣлять въ честь ея со всѣхъ укрѣпленій тогдашней временной столицы. Въ самомъ дѣлѣ, мальчикъ-примадонна играла лучше всѣхъ, и только смѣшил своимъ подражаніемъ женской походкѣ. Зрители были одѣты прилично, вели себя благопристойно. Въ ложахъ сидѣло много хорошенькихъ женщинъ.»

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ.

Когда Придворный Зондерсгаузенскій Театръ помѣщался во дворцѣ и публику пускали безденежно, Князь почти ежедневно бывалъ въ спектаклѣ, въ сопровожденіи своихъ любимыхъ собакъ и съ трубкою. Ему даже нравилось, когда зрители курили, и онъ приказывалъ подавать желающимъ трубки. Говорятъ, будто при входѣ находилась надпись: «Здѣсь должно курить.» Если пьеса не нравилась Князю, онъ безъ церемоніи прерывалъ начатое представленіе, и приказывалъ играть что нибудь другое. Актеры считали тогда Зондерсгаузенъ своимъ Эльдorado.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

АКТРИСЫ ШРЕКЪ.

Въ послѣднихъ числахъ минувшаго Октября, происходило въ Берлинскомъ Королевскомъ Оперномъ Театрѣ особаго рода драматическое торжество. Актриса Шрекъ, отпраздновавъ пятидесятилѣтній

юбилей театральной службы, оставила сцену. Между тѣмъ, Король повелѣлъ дать въ пользу заслуженной артистки еще одно представленіе, въ которомъ она пожелала въ послѣдній разъ явиться предъ публикою. Бенефициантка избрала *Охотниковъ*, Пфланда, піесу, гдѣ она съ давняго времени играла неподражаемо роль жены главнаго дѣсничаго. Всѣ первостепенные члены Королевскаго Театра доказали свою привязанность къ Г-жѣ Шрекъ

тѣмъ, что приняли на себя самыя ничтожныя роли, и оттого спектакль получилъ особенную привлекательность. Подобная же обстановка Пфландовыхъ *Охотниковъ* была въ Маѣ 1827 года, когда актеръ Маттаушъ, оставляя сцену, получилъ бенефисъ и игралъ главнаго дѣсничаго. И въ то время участвовали въ этой піесѣ всѣ лучшіе артисты Берлинской труппы. Вотъ сравнительная афиша обоихъ спектаклей:

ОХОТНИКИ,

драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. А. В. Пфланда.

Дѣйствующія лица:

	1827 года.	1842 года.
Главный дѣсничій Варбергеръ	Г. Маттаушъ	Г. Ставинскій.
Жена его	Г-жа Шрекъ.	Г-жа Шрекъ.
Антонъ, ихъ сынъ	Г. Ребенштейнъ	Г. Груа.
Фридерика, ихъ воспитанница	Г-жа Крелингеръ	Г-жа ф. Гагнъ.
Окружный судья фонъ Цекъ	Г. Девріентъ	Г. Вейсъ.
Кордельхенъ, его дочь	Г-жа Вольфъ	Г-жа Вольфъ.
Пасторъ Зеебахъ	Г. Леммъ	Г. Зейдельманъ.
Староста	Г. Гернъ	Г. Вауеръ.
Матесъ	Г. Михаелисъ	Г. Шнейдеръ.
Рудольфъ } охотники	Г. Лейдель	Г. Крюземанъ.
Бартъ, писарь	Г. Гернъ, сынъ	Г. Гернъ.
Трактирщица	Г-жа Кунике	Г-жа Крелингеръ.
Баренька	Г-жа Комичъ	Д-ца Вернеръ.
Охотникъ	Г. Рютлингъ	Г. Рютлингъ.
Каппе	Г. Вейсъ	Г. Ротъ.
Романъ	Г. Вольфъ	Г. Францъ.
Рейхардъ	Г. Бершордъ	Г. Девріентъ
Крестьяне	Гг. Крюгеръ, Девріентъ м. л., Унцельманъ, Шнейдеръ, Винтербергеръ, и т. д.	Г. Мюллеръ. Г. Бетге. Г. Вальцъ, и т. д.

Драма Пфланда, обставленная такмп артистами въ малѣйшихъ роляхъ, привлекла многочисленную публику, которая, при каждомъ удобномъ случаѣ, встрѣчала бенефициантку съ громкими рукоплесканіями. При окончательномъ вызовѣ, Г-жа Шрекъ вышла въ сопрово-

женіи всѣхъ артистовъ, и произнесла прощальную благодарственную рѣчь. На почтенную бенефициантку посыпались вѣнки, цвѣты, стихи. Потомъ, всѣ артисты сѣли, и начался дивертиссементъ. Г. и Г-жа Талиони танцевали Стрійскій народный танецъ; дѣвица Вагонъ и Г. Рейхнеръ

pas de deux, и въ заключеніе Фанни Эльслеръ краковякъ два раза, по востребованію. Знаменитая танцовщица еще разъ подвела къ авансценѣ бенефициантку, и возложила на нее лавровый вѣнокъ. Король и Королева удостоили сей спектакль своимъ присутствіемъ.

РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТЬ АРТИСТОВЪ.

Одинъ Германскій литераторъ, занимавшійся также на вѣку своемъ и журнальною критикою, рассказываетъ, между прочимъ, что написалъ однажды, въ одномъ Мангейскомъ журналѣ статью отамошней оперѣ, бывшей въ то время не въ самомъ блистательномъ составѣ. Въ этой статьѣ было сказано, что тогдашняя Мангеймская Опера не можетъ равняться съ Парижскою Италіанскою, что она, разумѣется, выше всякой водевилльной, и, быть можетъ, даже приближается къ труппѣ Парижской Комической Оперы. Всякъ, кто знаетъ, что за прелесть труппа Парижской Комической Оперы, въ отношеніи и игры, и пѣнія, утверждалъ, что журналистъ нисколько не унижилъ Мангеймскихъ пѣвцовъ. Не такъ, однако, приняли эту статью Гг. артисты, и въ особенности одинъ изъ нихъ, Г. Петерсонъ, пѣвецъ, женившійся на пѣвицѣ Штерлингъ. Въ порывѣ негодованія, Г. Петерсонъ явился къ другому Мангеймскому журналисту, и просилъ его написать статью въ защиту его, жены его и всѣхъ товарищей.

«Знаете ли что, любезнѣйшій Петерсонъ?» сказалъ ему журналистъ. «Хотите ли, я вамъ укажу средство, которое гораздо вѣрнѣе всѣхъ антикритикъ опровергнетъ мнѣніе моего собрата, котораго вы упрекаете въ несправедливости?»

— Говорите, отвѣчаетъ Петерсонъ.

«Дайте публичный концертъ, и въ этомъ концертѣ спойте съ женою вашей браурный дуэтъ, но спойте его такъ, чтобъ васъ вызвала публика раза три.»

— Помилуйте! продолжалъ Петерсонъ; гдѣ намъ такъ спѣть....

«Такъ молчите!» отвѣчалъ журналистъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Прагѣ умеръ, отъ апоплексическаго удара, замѣчательный композиторъ, капельмейстеръ тамошняго Нѣмецкаго Театра, Ф. В. Пиксисъ. Ему было пятьдесятъ пять лѣтъ отъ рожденія.

— Во Франціи умеръ любитель драматической литературы, Г. Соленъ (Soleinpe), имѣвшій необычайно большое собраніе театральныхъ піесъ (болѣе 30,000). Въ этомъ собраніи находятся, между прочимъ, піесы самыя рѣдкія, самыя старинныя. Въ немъ заключаются даже списки такихъ піесъ, которыхъ извѣстень только одинъ экземпляръ, принадлежащій или какому либо любителю, или какой либо публичной библиотекѣ. Не извѣстно еще, что будетъ съ этою рѣдкою коллекціею.

В. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Прелестный балетъ *Герта*, повелительница *Эльфрида*, котораго мы не видали со времени отъезда Г-жи Талиони, былъ данъ, по возобновленію, 11-го Ноября, въ бенефисъ Г-жи Андрѣяновой 2-й. Бенефициантка занимала главную роль. Каждую минуту, публика вспоминала восхитительную грацію главной жрицы балета, оставившей по себѣ, на нашей сценѣ, память въ замѣчательныхъ ученицахъ своихъ, Г-жахъ Андрѣяновой, Смирновой и Шлефохтъ.

— Репетиціи новой оперы М. И. Глинки *Русланъ и Людмила* продолжаютъ неутомимо. Великолѣпіе постановки будетъ, какъ сказываютъ, необыкновенное. Кромѣ того, на Русской оперной сценѣ вскорѣ появится опера *Донизетти Фаворитка*, съ танцами. Небольшая опера *Два Вора*, музыку къ которой написалъ Л. Мауреръ, и которую уже два года играютъ на Французской сценѣ, также бу-

детъ представлена въ скоромъ времени, но не оперною группою, а на Александринскомъ Театрѣ. Тамъ же разучиваютъ новый водевиль П. И. Григорьева: *Интересный случай* и переведенную съ Французскаго комедію: *Вся бѣда, что плохо объяснилась*. Ужъ не вторичный ли это переводъ комедіи *Faute de s'entendre*?

— На Французскомъ Театрѣ, въ бенефисъ Г-жи Анны, всѣхъ насмѣшилъ до слезъ водевиль *Le Maître d'Ecole*. Затѣмъ давали *Une jeunesse orageuse*, піесу интересную, но которая бы многимъ выиграла, если бъ вмѣсто Г-жи Алланъ играла талантливая артистка нѣсколько моложе ея.

— На Нѣмецкомъ Театрѣ, 11-го Ноября, по болѣзни Лиллы Леве, отказали спектакль, и расчетливые Нѣмцы и Нѣмки, подъѣзжая къ театру, узнавали, къ крайнему негодованію своему, что напрасну истратили деньги на наемъ каретъ и саней. Не смотря на то, на дру-

гой день извѣстили, что въ театрѣ было 287 посѣтителей. Ужъ написали бы, по крайней мѣрѣ, что не было 287-ми посѣтителей!

П А Р И Ж Ъ.

Въ теченіе Октября, на Парижскихъ Театрахъ представлено 22 новыя піесы, написанныя 28-ю авторами. Въ числѣ этихъ піесъ были: 1 опера, 2 комедіи, 5 драмъ и 14 водевилей. По возобновленіи играли въ первый разъ 6 піесъ.

Французскій Театръ. *Le portrait vivant*, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Мельвиля и Леона Лайя. — Это, собственно, не комедія. Авторы не старались ни обрисовать въ ней характеры, ни выставить смѣшныя стороны людскія, ни морализировать какую либо истинную и глубокую мысль; піеса ихъ, просто, смѣшитъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, она заинтересуетъ зрителя и не бѣдна остроуміемъ. Дѣло здѣсь вотъ въ чемъ:

Одинъ молодой человекъ, Г. Рауль д'Эгювилъ, страстно любитъ какую-то женщину, которая уже перестала его любить. — Это, какъ видите, вещь очень обыкновенная. Далѣе, есть портретъ разлюбившей его женщины. Здѣсь тоже нѣтъ ничего новаго; но потерпите!

Господицъ Рауль встрѣчается разъ съ одною изъ дочерей Регента и, о удивленіе! узнаетъ въ этой Принцессѣ оригиналь женщины, которая нѣкогда любила его. Та ли это самая женщина, или нѣтъ? Авторы, покаместъ, не сказываютъ этого, а Принцесса показываетъ видъ, что все не знаетъ Рауля. За чѣмъ же она такъ похожа на любовницу Рауля? Какъ за чѣмъ? Да безъ этого не было бы и піесы Гг. Мельвиля и Леона Лайя.

Однако, Принцесса очень довольна, что Рауль, какъ говорится, безъ ума отъ нея. Она слушаетъ его увѣреніе въ любви въ продолженіе пѣлыхъ двухъ дѣйствій. Ма-

ло того: она даже открываетъ ему путь къ почестямъ и богатству.

Но вотъ третій актъ; загадка, наконецъ, разрѣшается: оригиналь портрета, столь милого Раулю, женщина, которую Рауль любилъ въ началѣ піесы и которую разлюбилъ потомъ, не Принцесса, а какая-то Англичанка. Следовательно, онъ влюбился въ Принцессу только потому, что она — *живой портретъ* этой Англичанки.

Впрочемъ, Принцесса прощаетъ Раулю его *рикошетную* любовь! прощаетъ тѣмъ охотнѣе, что онъ уже любитъ ее самое.

Сансонъ былъ очень забавенъ въ роли нѣкоего маркиза де Понъ, который въ отчаяніи отъ того, что Принцессѣ нравится не племянникъ его, а Рауль. Этотъ маркизъ крѣпко надѣялся, что племянникъ его (впрочемъ, вовсе не являющійся въ піесѣ) возстановитъ прежнюю знаменитость его имени, — возстановитъ связь съ Принцессою.

Прево, занимавшій роль какого-то смѣшного Англичанина, очень ловко скрылъ все, что было эксцентрическаго для Французской Комедіи въ исковерканномъ языкѣ, которымъ, по волѣ авторовъ, говорить этотъ Англичанинъ.

Г-жа Плесси весьма удачно исполнила роль Принцессы. —

Второй Французскій Театръ. На этомъ театрѣ репетируютъ новыя піесы съ 10 часовъ утра до четырехъ часовъ вечера. Актеры Одеона, истинно, неутомимы. Тамъ готовятъ множество піесъ и между прочимъ: *Une Aventure Suédoise*, драму въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ; слышно, что драма эта исполнена интереса, и что стихи ея — хороши. Далѣе будутъ даны *La main droite et la main gauche*, драма Г. Леона Гозлана, и *Le Corsaire*, піеса Гг. Эвариста Булз-Пати и Писполита Люка.

А въ ожиданіи, въ Одеонѣ былъ представленъ *le Poète*, Г. Баррьера.

Въ этой небольшой комедіи очень много остроумія; въ ней также очень много прекрасныхъ стиховъ. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ. Одинъ драматическій писатель, нѣкто Г. Гранвиль, съ отчаянія, что пьесы его не даются на одномъ театрѣ, хотя онъ и не безъ достоянства, уѣзжаетъ въ Америку за новымъ счастьемъ. Онъ живетъ тамъ двадцать лѣтъ; однако счастье не улыбается ему; онъ все таки не богатѣетъ. Его считаютъ умершимъ. Но онъ возвращается, наконецъ, на родину. Вообразите же себѣ его изумленіе, когда онъ видитъ, что всѣ попадающіяся ему афиши гласятъ о представленіи его пьесъ! Директоры театровъ, считая его умершимъ, ставятъ эти пьесы тѣмъ охотнѣе, что за нихъ не надобно платить автору.... Гранвиль прежде всего принимается за директора Лионскаго Театра, и вынуждаетъ его заплатить себѣ довольно значительную сумму. Эта сумма поступаетъ потомъ въ приданое дочери Гранвиля, которая выходитъ замужъ за одного молодого писателя.

— На второмъ Французскомъ Театрѣ, сверхъ того, давали новую комедію въ трехъ дѣйствіяхъ соч. Г-жи Ансело: *Une petite guerre*. Эта пьеса основана на политикѣ, разумѣется съ примѣсю любовной интриги, и имѣла успѣхъ. На этомъ же театрѣ дебютировала въ комедіи *Les jeux de l'Amour et du Hasard*, Г-жа Валери-Мира, которая прошедшею зимою являлась и на Петербургской сценѣ. На томъ же театрѣ играна, въ началѣ Ноября, комедія *le Bourgeois grand seigneur*, въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

Théâtre du Gymnase. Le Docteur Robin, комедія водевилъ, соч. Жюля де Премаре. Это, просто, извѣстная и у насъ пьеска *Тиридатъ*, только на другой ладъ, потому что въ водевилѣ Г. Жюля де Премаре происходитъ вотъ что: нѣкто Джексонъ, мануфактуристъ, у котораго есть какой-то процессъ въ Лондонѣ, пріѣзжаетъ въ этотъ городъ изъ провинціи, вмѣстѣ съ

своею дочерью, молоденькою, хорошенькою Мери. Процессъ этотъ выигрываетъ Джексону знаменитый адвокатъ, Сиръ Артуръ; а Джексонъ, съ своей стороны, соглашается на бракъ Сира Артура съ Мери, которая очень понравилась адвокату. Въ ожиданіи свадьбы, Сиръ Артуръ показываетъ Джексону и Мери замѣчательности Лондона и часто ѣздитъ съ ними въ театръ. Но, увы! эти поѣздки привели не къ добру: Мери страстно влюбляется въ знаменитаго актера Гаррика.... Она даже проговаривается объ этомъ отцу, а женихъ ея не догадывается объ этой страсти. Но старикъ Джексонъ видитъ, что дѣло не на шутку, что страсть Мери можетъ быть гибельна для ея счастья; онъ видитъ, что надобно излечить Мери отъ ея безразсудной, восторженной любви, и проситъ объ этомъ самого Гаррика. Гаррикъ, послѣ усиленныхъ просьбъ соглашается. Онъ является къ Мери въ видѣ шестидесятилѣтняго старика доктора, и выслушиваетъ ея невольныя признанія, ея невольную исповѣдь въ любви къ нему.... Бѣдный Гаррикъ, или лучше сказать, бѣдный Сиръ Артуръ! Страсть Мери, страсть пылкая и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтательная, такъ очаровываетъ артиста, что онъ сбрасываетъ съ себя свой докторскій костюмъ, и упавъ къ ногамъ влюбленной красавицы, клянется ей во взаимной любви....

Къ счастью, Гаррикъ вспоминаетъ вдругъ и данное обѣщаніе, и долгъ чести и дружбу свою къ артисту (мы забыли предупредить васъ объ этой дружбѣ). Благодаря этому, онъ рѣшается пожертвовать своею раждающею любовью.

Мери выходитъ за чѣмъ-то, и когда возвращается, видитъ Гаррика съ стаканомъ въ рукахъ, а подлѣ него опорожненную бутылку. Гаррикъ притворяется пьянымъ. Онъ говоритъ бѣдной дѣвушкѣ, что поэзія для него не призваніе, а ремесло; что онъ никогда не чувствуетъ того, что декламируетъ на сценѣ; что

недавнія увѣренія его въ любви ничто иное, какъ шутка, какъ театральная сцена; что онъ никогда не любилъ Мери и любить другую. Въ доказательство истины послѣднихъ словъ своихъ, онъ показываеъ Мери письмо свое къ одной Герцогинѣ....

Мери, разумѣется, разочаровывается, и подвигъ Гаррика совершенъ.

Théâtre de l'Ambigu-Comique. *L'Auberge de la Madone*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Гостейна и Тавне. Вотъ, вкратце, содержаніе этой драмы, имѣвшей блестящій успѣхъ. Пиетро, глава Корсиканской инсurreкціи, заключенный въ темницу Графомъ Джафферн, получаетъ свободу цѣною преступленія: онъ зажигаетъ замокъ Маркиза Казареала, котораго, вмѣстѣ съ семействомъ, желаетъ погубить Графъ, чтобы, по праву наслѣдства, скорѣе воспользоваться его имѣніемъ. Желая надежнѣе скрыть свое преступленіе, Джафферн, во время пожара, запираетъ Пиетро въ замокъ; но Пиетро, выломавъ двери, спасается и спасаетъ вмѣстѣ съ собою единственную дочь Маркиза Казареала, десятилѣтнюю Терезиту.

Проходитъ десять лѣтъ. Пиетро помѣшанъ. Джафферн, не сыскавъ случая убить Терезиту, намѣревается жениться на ней и удаляетъ молодаго вельможу, Леонціо, который въ послѣдствіи оказывается сыномъ Пиетро.

Терезита, чтобы избѣгнуть этого ненавистнаго брака, скрывается. Леонціо выходитъ на поединокъ съ Джафферн. Во время поединка ихъ является Пиетро и прицѣливается въ Джафферн изъ карабина. Это прекращаетъ дуэль.

Послѣ того, Леонціо берутъ подъ стражу за убійство какого-то Герцога Кастельбара, (любовника Маркизы Казареаль и отца Терезиты), и присуждаютъ къ смертной казни. Казнить его долженъ Пиетро, но Пиетро не казнить его, а убиваетъ Джафферн. Потомъ онъ принимаетъ на-

чальство надъ Корсиканцами и истребляетъ Генуэзское войско.

Пиетро уже не сумасшедшій; но онъ и не лишился ума; онъ только притворился сумасшедшимъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли. Побѣдивъ Генуэзцевъ, онъ провозглашаетъ независимость своей родины.

Théâtre des Variétés. *La Vendetta*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Дюмануара и Спродена. Дѣйствіе происходитъ въ трактиръ Корсиканца Урсино. У этого Урсино, который только и мечтаетъ объ убійствахъ, есть племянникъ, нѣкій господинъ Джакопо, изучающій въ Парижѣ фармацевтическую часть. Дядюшка и племянникъ черезъ чуръ не въ дружбѣ между собою; вдругъ племянникъ, который, живя въ Парижѣ, изобрѣлъ какую-то помаду противъ постельныхъ наскомаыхъ, получаетъ извѣстіе, что дядюшка его отправился къ предкамъ. Джакопо тотчасъ ѣдетъ въ Корсику, за наслѣдствомъ. Но, о бѣдствіе! прибывъ туда, онъ видитъ, что дядюшка благоденствуетъ, какъ нельзя лучше. Дядюшка только выдалъ себя умершимъ, чтобы заманить Джакопо въ Корсику. И вотъ онъ, послѣ разныхъ объясненій, говоритъ племяннику: «Ты пріѣхалъ сюда за наслѣдствомъ и получишь кое что-въ наслѣдство.» — «А что такое?» *Vendetta*. Вслѣдъ за тѣмъ трактирщикъ объясняетъ Джакопо, что *вендетта* значитъ мщеніе; что мщеніе это есть семейственный долгъ; что, предки Джакопо и какіе-то Леони, съ давняго времени, исполняли этотъ долгъ. Онъ рассказываетъ ему притомъ вотъ какую исторію: когда-то одинъ изъ Джакопо убилъ одного изъ Леони. Вскорѣ послѣ того, въ отмщеніе за это, одинъ изъ Леони убилъ одного изъ Джакопо. Потомъ еще одинъ изъ Джакопо убилъ одного изъ Леони. Потомъ еще одинъ изъ Леони убилъ еще одного изъ Джакопо. Потомъ.... потомъ ни одинъ Джакопо не убилъ ни одного изъ Леони. Наконцъ,

болѣзни и потери голоса; Темпльтонъ, котораго почитаютъ первымъ изъ современныхъ Англійскихъ теноровъ, совершенствующій свое музыкальное воспитаніе въ Парижѣ, подъ руководствомъ профессора Бордоньи; наконецъ Бордини, бывший не долго при Большой Оперѣ и образовавшийся потомъ въ Италіи. Говорятъ также объ Аннѣ Тилонъ, пѣвицѣ Компической Оперы, и о де Варни; но аглажментъ первой невѣроятно, а о второй ничего не извѣстно положительнаго. Дирекція Театра Принцевъ совершенно отказалась отъ Италіанской Оперы и Французскаго водевиля.

Жюльенъ, котораго концерты въ Брейтонѣ привлекаютъ многочисленную публику, вскорѣ думаетъ возвратиться въ Лондонъ съ своимъ оркестромъ. Онъ поместится въ залѣ Англійской Оперы (English Opera-Haus), и здѣсь же явятся пѣвцы и музыканты Шотландскіе.

Мичель, директоръ Сенъ-Джемскаго Французскаго Театра, заключилъ условія съ слѣдующими артистами Верне, актеромъ театра Разнообразія, на Мартъ; Плесси, артисткою Французской Комедіи, на Апрель; Деказе, актрисою Пале-Рояльскаго Театра, на Май, наконецъ съ Буфе, актеромъ Гимназіи, на Іюнь и на первую половину Іюля. Перле, не принадлежащій теперь ни къ одному театру, до сихъ поръ не изъявилъ своего согласія. Сдѣланы были предложенія Фредерику Деметру, Левассору, Ашару, Лафону, Одри, Дорвалю; предлагали имъ по 40 и 50 фунтовъ стерлинговъ за представленіе, но артисты сіи уже связаны на зиму условіями съ дирекціями своихъ театровъ. Помощница Мичеля для выбора артистовъ и заключенія съ ними контрактовъ, актриса Элиза Форже, которая года три играла на Петербургскомъ Французскомъ Театрѣ.

— На Ковенгартенскомъ Театрѣ была дана и имѣла успѣхъ новая піеса, подъ названіемъ: *Cousin Lambkin*. На Дру-

риленскомъ Театрѣ продолжаютъ привлекать публику Г-жа Вестрисъ и Г. Чарльсъ Матью.

— Въ Лондонѣ ангажированы: Перро, въ качествѣ балетмейстера и перваго танцовщика, Госселенъ, въ качествѣ втораго балетмейстера, и Кулонъ, въ качествѣ директора сцены. Туда прибудетъ также Г-жа Гюн-Стефанъ.

— Французскій скульпторъ Дантанъ, который находится теперь въ Лондонѣ, окончивъ бюстъ Г-жи Аделаиды-Кемль, изображающей ее въ роли Нормы.

ГЕРМАНИЯ.

Въ Вѣнѣ были представлены, въ первый разъ, слѣдующія піесы: *Die beiden Engländer*, сценическая шутка въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Брейера. Очень скучная шутка, претерпѣвшая заслуженное паденіе. *Die Himmerschmiedin aus Steiermark*, мѣстная сценическая шутка, въ двухъ дѣйствіяхъ. Успѣхъ. *Hütte, Haus und Palast*, три характеристическія картины изъ жизни, съ пѣніемъ, соч. Блума. Большой успѣхъ.

— Въ Вѣнѣ же будутъ представлены, въ скоромъ времени, новыя піесы, Гуцкова—*Ein weisses Blatt Papier*, и Г-жи Вейсентурнъ—*das System*.

— Капельмейстеръ Лакнеръ прибылъ недавно въ Вѣну съ тѣмъ, чтобы дирижировать репетиціями своей оперы *Katharina Kornaro*, которая ставится на одномъ изъ тамошнихъ театровъ. Въ представленіи этой піесы будутъ участвовать: Г-жа Гассельтъ-Бартъ и Г. Краусъ, Эрль, Дракелеръ и Шоберъ.

— Слышно, что нынѣшнею зимою, въ Вѣнѣ будетъ представлена одна еще неизвѣстная тамъ опера Капельмейстера Николаи, которую онъ довольно уже давно написалъ для Италіи, а нынѣ частію перѣдѣлалъ.

— Въ Берлинѣ была представлена, въ первый разъ, и имѣла большой успѣхъ

«историческая комедія», Фридриха Адама: *Prinz und Apotheker*.

— 18 Октября, Фанни Эльслеръ танцовала въ Берлинскомъ оперномъ театрѣ (Opernhaus), въ первый разъ по прибытіи своемъ въ этотъ городъ изъ Вьны. Она появилась на этотъ разъ въ роли Золоэ, въ оперѣ *Влюбленная Балдерка*. Театръ, не смотря на удвоенную цѣну за мѣста, былъ полонъ сверху до низу; а объ успѣхѣ Фанни, о восторгѣ, который произвела она, и говорить нечего. Ей даже дали серенаду, по окончаніи спектакля.

— 22-го Ноября, была дана таже опера въ бенефисъ Фанни Эльслеръ; въ концѣ спектакля Фанни танцовала *El Jaleo de Xeres*.

— Въ Берлинѣ давали на дняхъ, на Королевскомъ Театрѣ, комедію *Виконтъ Леторьеръ*, переведенную К. Блумомъ; Французская труппа давала тамъ недавно въ первый разъ *Les Mémoires du diable*.

— Въ Берлинѣ пріѣхала Г-жа Шоберлехнеръ. Для перваго спектакля, въ которомъ будетъ участвовать тамъ эта артистка, избрана *Семирамида*.

— Слышно, что Италіанская оперная труппа въ Берлинѣ исполнитъ, въ продол-

женіе нынѣшней зимы, между прочимъ оперу Моцарта: *Донъ Жуанъ*.

— Въ Веймарѣ, капельмейстеръ Хелардъ (Chelard) написалъ оперу въ четырехъ дѣйствіяхъ, о которой отзываются съ похвалою.

И Т А Л І Я.

Въ Неаполѣ, на Teatro Nuovo, была представлена давно ожидаемая тамъ опера молодаго композитора Сири, подъ названіемъ: *La fidanzata di Croisese*. Однако, по совершенной слабости, какъ музыки, такъ и либретто, она была неблагоприятно принята публикою.

— Г-жа Софія Леве дебютировала на театрѣ San Carlo, съ большимъ успѣхомъ, въ роли Нормы.

— Въ Падуанской Кофейнѣ Педроки, увеличенной, въ продолженіе нынѣшняго лѣта, нѣсколькими новыми, великолѣпными залами, былъ данъ, 28 Сентября, блестящій концертъ, въ которомъ участвовали: Г-жи Фанни Гольдбергъ и Каролина Штейеръ и Гг. Камбιάджіо, Леони, Коми, Анжели, Каньони и др. Концертъ этотъ, по всеобщему востребованію, былъ повторенъ въ послѣдовавшей за тѣмъ вечеръ.